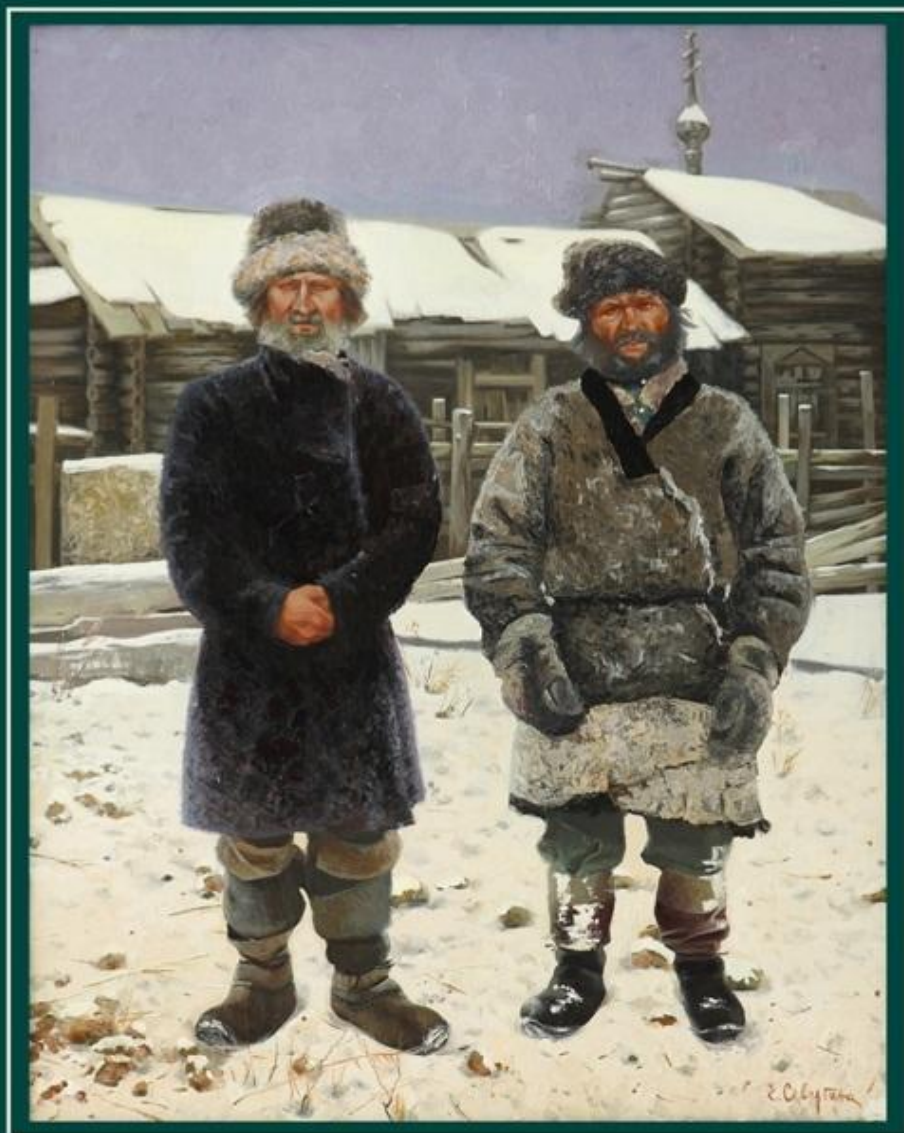

Б.Е. Андусев, Н.И. Дроздов

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ
ПОРТРЕТ
РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ
СИБИРИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н.И. Дроздов, Б.Е. Андюсев

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ
ПОРТРЕТ
РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ
СИБИРИ**

Монография

КРАСНОЯРСК
2022

ББК 63.3(2)6-7
Д 754

Р е ц е н з е н т ы:

Доктор исторических наук, профессор

С.Т. Гайдин

Кандидат экономических наук, доцент

С.В. Кожевников

Дроздов Н.И., Андюсев Б.Е.

Д 754 Духовно-нравственный портрет русских старожилов
Сибири: монография. – Красноярск: Типография, 2022. –
240 с.

ISBN

В монографии на основе методологии междисциплинарных исследований представлен опыт реконструкции духовно-нравственных характеристик русских сибиряков. Исследованы истоки формирования материальной и духовной культуры. Показан человек в семье, общине, повседневности. Рассмотрены процессы создания локальных социозкосистем как продукты взаимной адаптации социума старожилов и окружающей среды. В динамике развития внутренних процессов рассмотрены черты сибирского субэтничного характера.

Для историков, этнологов и этнопсихологов, преподавателей и студентов вузов, учителей истории, краеведов.

ББК 63.3(2)6-7

ISBN

© Международный
инновационный университет, 2022
© Сибирский федеральный университет, 2022
© Дроздов Н.И., Андюсев Б.Е., 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

200-летию образования Енисейской губернии
посвящается...

Эта книга во многих отношениях является продолжением ряда публикаций, в т.ч. монографий, где мы выполняем междисциплинарный анализ исторического контекста, исторических, социально-экономических, культурных предпосылок духовно-нравственного становления и ментально-психологических характеристик россиян, проживающих на огромной территории Сибири и Дальнего Востока. Многие положения, мысли, выраженные прежде, неизменно повторяются в силу того, что они доказаны временем, апробированы во многих работах¹.

История нашего государства в течение четырех столетий была связана с формированием политических, идеологических, социально-экономических и культурных условий освоения Сибири и ее вхождения в состав Российской империи. Тради-

¹ Сибирский характер как ценность: кол. монография / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф., чл.-корр. РАО М.И. Шиловой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2006–2012. – Вып. 1–5; Дроздов Н.И. Духовно-нравственное становление сибиряков: исторические предпосылки: монография. – Красноярск, 2008. – Ч. 1. – 222 с.; Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение: учебное пособие для учащихся и студентов. – Красноярск: Амальгама, 1999. – 186 с.; 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: КГПУ, 2003. – 335 с.; Андюсев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции: монография. – Красноярск: РИО КГПУ. – 247 с.

ционная этническая культура старожилов не уничтожалась, коренное население заимствовало культуру, язык, новые виды хозяйственной деятельности, веру и др. Особую роль в этом процессе сыграла подвижническая деятельность Русской православной церкви, способствовавшей укреплению духовно-нравственных ценностей и веры. Духовные факторы помогли населению обрести психологическую защищенность и комфортность, способствовали формированию его культуры.

Основой духовно-нравственного развития «засельщиков» Сибири, по нашему глубокому убеждению, были факторы русской православной культуры, адаптированное самосознание старожилов, сформировавшийся образ новой Родины. Со второй половины XVII в течение всего XVIII в. в сознании потомственных старожилов новой родиной становится суровая «матушка-Сибирь». Природно-климатические условия Сибири, темпы ее заселения сказались на культуре и характере населения. Обширность территории, сложность рельефа, гидрографии, лесные массивы создавали трудности в общении и экономическом развитии региона.

Некогда слаборазвитая окраина государства, место ссылки и каторги, край «угрюмых поселенцев», сегодня Сибирь развивается современно и динамично. Наш иркутский земляк-сибиряк В.Г. Распутин писал: «Сибирь – это Сибирь, которая имеет свое имя, лежит на своем месте и выработала свой, ни на что другое не похожий характер. Из конца в конец и из края в край над нею

витает свой дух, словно бы до сих пор не решивший, быть ему добрым или злым – в зависимости от того, как поведет себя человек»¹.

Среди высказываний современников последних лет о Сибири и сибиряках, о сибирском характере особо значима оценка Владимира Владимировича Путина. На вопрос: «Какие у Вас вызывает ассоциации Сибирь?» – он ответил следующее: «Был старый фильм, к сожалению, я уже не помню его названия, где немецкий генерал рассказывает своему коллеге о причинах поражения под Москвой. Как мы помним из истории, в самый критический момент обороны Москвы подошли сибирские части. Так вот этот генерал говорит своему товарищу: “Представляешь, на улице минус 40 градусов, а они – без перчаток”». Дело, конечно, не в морозостойкости людей, которые живут на этой территории. Дело в том, что мы называем «сибирским характером», с положительным зарядом.

Когда мы говорим “сибирский характер”, мы подразумеваем явно позитивное. Это человек, который имеет свои убеждения, не боится открыто их высказывать и бороться за них, причем не агрессивным образом, человек, который руководствуется в жизни неиспорченными, на мой взгляд, представлениями о добре, зле, о честности, порядочности. Поэтому для меня Сибирь – это прежде всего сибиряки»².

¹ Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... – 3-е изд. – Иркутск, 2006. – С. 7.

² Путин В.В. Эксклюзивное интервью корреспондентам сибирских телерадиокомпаний, г. Междуреченск Кемеровской области. 29.08.2002.

В ответ на заданный журналистами вопрос президент ответил откровенно: «Вот вы спрашивали, где бы я хотел жить. В Сибири мне очень нравится. Золотой фонд России – это сибиряки, по своим ценностям и моральным качествам. Всякие есть, но я говорю в целом»¹.

С характеристиками сибиряков нашего времени органично согласуются высказывания современников прошлых веков. Наиболее образно и проникновенно еще во второй половине XIX в. лучшие качества русского сибиряка подробно и основательно представил сибирский поэт И.Ф. Федоров-Омулевский (1836–1883) в произведении «Сибирский характер»:

Смелость, сметливость, повадка
Рыскать по стране;
Чистоплотность, ум, приглядка
К новой стороне;
Горделивость, мысли здравость,
Юмор, жажда прав,
Добродушная лукавость,
Развеселый нрав;
Политичность дипломата
В речи при чужом,
Откровенность, вольность брата
С истым земляком;
Страсть отпетая к природе –
От степей и гор,
Дух, стремящийся к свободе,
Любящий простор;

¹ Большая пресс-конференция В.В. Путина. 23.12.2021 г. – URL: <https://ria.ru/20211223/putin-1765035707.html>

Поиск дела, жажда света,
Юной жизни кровь,
Без предела и завета
К Родине любовь;
Страсть отстаивать родное,
Знать, за что? Да как?
Стойкость, сердце золотое –
Вот наш сибиряк!

И поныне в системе ценностей и установок социума традиционного времени нравственность соединяет в себе всю совокупность моральных установок и правил поведения в обществе. Нравственные поступки – это даже не обязанность, а естественное состояние равновесия сознания и практики. Первоосновой и источником нравственного совершенства была духовность.

Духовно-вечное, вневременное явление, нечто надматериальное, что дает человеку способность постигать жизненные смыслы в процессе обретения совести, свободы воли и ответственности. Это условие являлось и ныне предстает «человеческим фактором» развития, потенциалом социально-экономической устойчивости страны и сибирского макрорегиона. На это нацелена деятельность органов законодательной и исполнительной власти, органов образования, науки, общественности, современных граждан Енисейской Сибири.

В отдельных разделах книги показано, что становление экономики и духовности сибиряков имеет исторические корни. Наша задача состоит в том, чтобы сохранить и умножить ценности характера современного поколения сибиряков.

Глава 1.

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ

1.1. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Русская колонизация Сибири имеет глубокие объективные корни: политические, экономические, социальные. Освоение окраин государства стало на многие столетия политикой осуществления принципов естественных границ российской цивилизации. Цивилизационный подход в оценке явлений и процессов российской истории позволяет нам определить глубинные корни в исследовании общности судеб народов и культур. Огромная территория Евразии является «срединной землей» – лимитрофом на пространстве взаимодействия западной и восточной цивилизаций. Это территория, где сталкивались интересы и противоречия, постоянно менялась граница соприкосновения земледельческих и кочевых культур, где происходил синтез западно-восточных элементов.

Выраженные естественно-географические границы Евразии ограничили полиэтничное, поликультурное, поликонфессиональное содержание «столбовой дороги цивилизаций». Органичным показателем специфики взаимодействия культур на данной территории во все времена являлся Приенисейский край, и особенно его южная часть. Проведем краткий экскурс в историю взаимодействия культур Хакасско-Минусинской котловины, чтобы проследить существование мощных очагов

древнейших культур и синтез достижений различных цивилизаций на территории Сибири...

Во второй половине III – начале II тысячелетия до н.э. на берегах Енисея происходит переход от камня к меди. Складывается афанасьевская земледельческая культура. Археологи и антропологи относят афанасьевцев к европейской расе. Им на смену в эпоху перехода к бронзе пришла окуневская культура с развитым скотоводством. Этнически они были уже монголоидами. В период расцвета бронзового века здесь превалирует андроновская культура. Андроновцы занимались как скотоводством, так и земледелием. Их сменила карасукская культура. Карасукцы впервые освоили верховую езду и занимались отгонным скотоводством. В I тысячелетии до н.э. с началом железного века в Хакасско-Минусинской котловине утвердилось культура тагарцев-динлинов. Археологи выявили у них развитое мотыжное земледелие и скотоводство. Китайские авторы особо подчеркивали, что тагарцы были светловолосыми европеоидами.

В конце I тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия н.э. на юге Приенисейского края господствует не менее развитая Таштыкская культура. Затем Южная Сибирь на многие столетия стала столбовой дорогой Великого переселения народов. В I–VI вв. наиболее существенное влияние оказали гунны (по китайским источникам – народ хунну). Затем по берегам Енисея и Великой Степи прокатилось нашествие монгольской армии Чингисхана. После распада монгольской империи здесь сложилось государство древних хакасов. Бытует мнение, что в XIII–XV вв. развитие

огромного края от Урала до Тихого океана резко затормозилось. С позиций цивилизационного подхода это вполне естественный, восточный, замедленно-циклический тип развития. Непрерывные военные столкновения и присущий окраинам восточной цивилизации тип традиционного освоения естественных ресурсов характерны и для Приенисейского края¹.

С похода Ермака в 1581 г. начался этап смены типа цивилизационного развития вначале в Западной Сибири, а с возникновением Туруханского поселения и в 1619 г. города Енисейска – в Приенисейском крае и во всей Восточной Сибири. Значимым событием стало основание в 1628 г. Красноярского острога. Оформлением естественных границ российской цивилизации на ее южноенисейских рубежах стало возведение в 1709 г. Саянского острога.

К середине XVII в. русские первопроходцы вышли к берегам Тихого океана и закрепились на восточной окраине Азиатского материка. Политическое закрепление российской цивилизации на азиатской части лимитрофа сопровождается утверждением в XVIII–XIX вв. традиционной земледельческой культуры, а в конце XIX – первой половине XX в. – индустриальной цивилизации.

Русские первопроходцы воочию получали неоспоримые свидетельства наличия у части местного населения земледельческих навыков, сложив-

¹ Андюсев Б.Е. Человек на берегах Енисея: междисциплинарные аспекты социокультурного исследования // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории: сборник материалов (г. Красноярск, 1–2 декабря 2021 года) / Министерство культуры Красноярского края, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края; составитель Ю.А. Шукшина; научный редактор Н.В. Ворошилова. – Красноярск: ГУНБ, 2022. – С. 11–25.

шихся задолго до прихода русских. Дорусское земледелие Сибири может быть отмечено лишь для немногих мест преимущественно южной части Сибири¹ (Минусинская котловина, Тува, речные долины Алтая, дауро-дючерское земледелие на Амуре). Некогда достигшее относительно высокого уровня, оно в силу ряда исторических причин испытало резкий упадок и фактически было разрушено задолго до прихода русских поселенцев.

В других местах (нижнее течение Тавды, нижнее течение Томи, среднее течение Енисея, верхнее течение Лены) земледелие носило примитивный характер. Оно было мотыжным (за исключением земледелия тобольских татар), отличалось немногочисленным составом культур (кырлык, просо, ячмень и реже пшеница), очень малыми посевами и столь же ничтожными сборами. Поэтому земледелие повсеместно восполнялось собиранием дикорастущих съедобных растений (сарана, дикий лук, пион, кедровый орех).

Районы примитивного земледелия перемежались районами, население которых не знало земледелия совсем. Огромные массивы земли еще никогда не обрабатывались².

Русскому земледельцу с его знанием сохи и бороны, севооборота пришлось, используя свой прежний «российский» опыт и трудовые навыки, закладывать в этих местах, по существу, новое хлебопашество и развивать его в незнакомой географической среде. Проходило это в окружении

¹ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск. 1992. – 224 с.

² Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). – М., 1956. – С. 34.

неизвестного неземледельческого населения, в условиях изнурительной адаптации и создания новых технологий хозяйствования.

Особенность освоения края была и в том, что на первом этапе превалировали цели и интересы государства в поисках новых источников пополнения казны. Поиски драгоценной пушнины, бывшие одним из самых серьезных стимулов раннего продвижения русских в Сибирь, неизбежно вели в районы тайги, лесотундры и тундры. Стремление правительства закрепить за собой местное население как поставщика пушнины приводило к постройке городов и острогов в узловых пунктах его расселения. Этому же способствовали и гидро-географические условия. Наиболее удобный речной путь, связывавший Запад и Восток, шел по местам сближения печорской и камской речных систем с обской, а затем енисейской с ленской и пролегал в полосе заселения. Политическая обстановка на юге Сибири со стороны Джунгарии в XVI–XVII вв. затрудняла движение в этом направлении.

Таким образом, размещение русского населения в Сибири в первое столетие определялось явлениями, мало связанными с интересами развития сельского хозяйства, основным занятием была охота на пушного зверя. Центральными фигурами этого этапа сибирской истории были вольные казаки, «промышленные люди» (промысловики, охотники) и «государевы люди». В начальный период русские появились в полосе тундры и тайги, совершенно недоступной для земледелия либо малопригодной для него. Только в отдельных

местах лесной зоны и более южной, лесостепной части расселения нашлись благоприятные условия. Именно в этих районах и создаются первые очаги сибирского земледелия.

Прогрессивные производственные навыки русского населения, уже много веков занимавшегося пашенным земледелием, стойловым животноводством, ремеслом и промыслами, позволили ему на более высоком уровне произвести опыт хозяйственного освоения Сибири.

1.2. «РУССКАЯ СИБИРЬ» В НОВЫХ КАЧЕСТВАХ СВЕРШЕНИЙ, ПОТЕРЬ И ДОСТИЖЕНИЙ

С конца XVI в. началось систематическое заселение Зауралья русским народом и освоение им совместно с народами Сибири ее неисчерпаемых природных богатств. За «каменем», т.е. за Уралом, лежала огромная территория площадью более 10 млн кв. км. По подсчетам ученого Б.О. Долгих, на просторах Сибири жило примерно 236 тыс. человек нерусского населения¹. На каждого из них приходилось в среднем более 40 кв. км площади с колебаниями от 150 до 300 кв. км. Если учесть, что при охотничьем хозяйстве на каждого едока в умеренном поясе требуется всего 10 кв. км угодий, а при самом примитивном животноводстве у скотоводческих племен лишь 1 кв. км, то станет ясным,

¹ Для данного расчета используется максимальная цифра коренного населения, вычисленная Б.О. Долгих (Б.О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 183, 617). У В.М. Кабузана и С.М. Троицкого приводится значительно меньшая цифра (72 тыс. душ мужского пола – см. с. 55, 183 данного тома).

что коренному населению Сибири к XVII в. было еще далеко до полного освоения всей площади этого края. Перед русским народом открывались огромные возможности в деле освоения новых земель, в расширении прежних ареалов хозяйства экстенсивного типа и более существенно путем интенсификации.

Осовенная русскими Сибирь была самой большой территорией Российской империи. В начале XX в. доля Сибири в общей площади Российской империи достигала 58 %. Население Сибири в это время составляло всего 6 % от общего числа жителей огромной страны. Из 12,6 млн жителей Сибирского края около 1 млн человек проживало в Енисейской губернии. Плотность населения была крайне неравномерной – от 0,01 до 15,5 чел. на кв. км¹.

Присоединение Сибири к России на первых порах не изменило коренным образом специфику использования естественных природных ресурсов. Как и в прежние столетия, наибольшей ценностью в период первоначального освоения Сибирского края русскими была пушнина, которая в XVII в. давала от 40 до 80 % всего национального дохода Российского государства. Еще в начале XX в. меха из Сибири составляли 44 % всей мировой добычи, или 4/5 всего пушного товарооборота в России.

Одной из самых замечательных страниц истории освоения Сибири русским населением в XVII в. было создание им основ сибирского пашенного земледелия, превратившего позднее край в одну

¹ Эл. ресурс «История освоения и развития Сибири XVI–XX вв.»
См.: http://www.kgau.ru/distance/o_03/history-sib/01-05.html

из основных житниц России. Русские, переехав за Урал, постепенно познакомились с большими природными богатствами нового края: полноводными и рыбными реками, богатыми пушным зверем лесами, хорошими, пригодными для хлебопашества землями («дебрь плодovitая»). Вместе с тем они не нашли здесь привычных им возделанных полей. Указаниями на отсутствие хлеба, на испытываемый русскими пришельцами голод («едим траву и коренья») пестрят первые русские описания восточных районов¹.

Придя в Сибирь с другими целями, русские обратились к земледелию в первые же годы своего продвижения на восток, так как продовольственный вопрос в Сибири сразу встал очень остро. Его пытались первоначально разрешить путем завоза хлеба из Европейской Руси. Первые упоминания о распашке относятся еще к XVI в. (пашни тюменских и верхотурских русских деревень по р. Туре).

Важнейшим цивилизационным изменением в освоении края явилось создание сибирского земледелия. Оно прошло длительный путь от первых опытных распашек, до наиболее результативной отрасли хозяйства к началу XX в. Темпы роста посевных площадей и сбора зерновых в Сибири всегда были выше среднероссийских. Так, на 100 жителей здесь засевалось 84,9, а в среднем по России – 55,0 десятин пашни. Особенно выигрышным выглядит сравнение урожайности российских и сибирских пашен. Если в середине XIX в. в Европейской России средняя урожайность зер-

¹ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 59, 60, 109, 110, 177, 178, 242.

новых была от «сам-2,3» до «сам-3,2», то южно-сибирские земли давали от «сам-4,2» до «сам-10» и более¹. И это в условиях экстремального климата и более короткого лета! К 1917 г. Сибирь (6 % населения России) давала 17 % валового сбора зерна.

Не менее быстрыми темпами к началу XX в. развивалось животноводство. В 1913 г. по количеству скота Российская империя занимала второе место в мире после США – 190 млн голов, из них на Сибирь приходилось 20 %. В начале XX в. сибирские мясные и молочные продукты стремительно завоевывали внутренний рынок страны: до 50 % всего мяса в Москве завозилось из-за Урала. В крестьянских хозяйствах Сибири разводили до 18 % всех лошадей России, 14 % овец, 12 % свиней (еще раз напомним, что этим занималось 6 % населения страны)².

Но наиболее впечатляющих результатов в начале XX в. достигло сибирское маслоделие. Министр внутренних дел и выдающийся реформатор П.А. Столыпин писал: «Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность». О высоком качестве масла, производившегося в Степном крае, в Томской и Тобольской губерниях, говорит донесение 1911 г. русского консула в Штеттине: «Сибирское масло, ввозимое в Германию, в чистом виде до покупателя не доходит, а идет на сдобривание местных германских масел или прибывает

¹ Девятов Ф.Ф. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. – СПб, 1885.

² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982; Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928 гг. – Новосибирск: Наука, 1996.

в “подправленном” виде из Голландии и Дании». Только в 1913 г. за границу было продано более 4,4 млн пудов сибирского масла, что составляло почти 90 % всего экспорта масла из России.

Немаловажную роль в обеспечении могущества России в XIX – начале XX в. играла золотопромышленность: к 1910 г. доля сибирского золота составляла 71 %, т.е. 2,2 тыс. пудов из 3,1 тыс. пудов всего добываемого золота. На сибирских приисках в начале XX в. строятся железные дороги, вводится прогрессивное алмазное бурение, внедряется зимняя промывка золотосодержащих песков за счет парового оттаивания грунта. В Сибири действовало более 10 приисковых гидроэлектростанций, работало около 40 золотодобывающих драг. Во многом благодаря бурному развитию золотодобывающей промышленности значительная часть крестьянских хозяйств Енисейской и Иркутской губерний еще с 30–40-х гг. XIX в. была втянута в рыночные отношения. Рост золотодобычи способствовал развитию торговли, путей сообщения, городов, увеличению населения.

Потрясающей по своей грандиозности страницей истории Сибири стало строительство Великой Сибирской железнодорожной магистрали. С 1891 по 1911 г. было построено 8281 км путей. В среднем в год прокладывалось по 685 км. Строили по принципу: «Строить добротно, чтобы впоследствии дополнять, а не перестраивать». И сегодня на Сибирской магистрали продолжают служить мосты, тоннели, вокзалы, построенные в начале XX в. Общая стоимость прокладки доро-

ги составила 750–800 млн рублей. Строительство Сибирской магистрали считается событием мирового значения. Сибирская промышленность развивалась более скромными темпами, чем общероссийская. Но уже в начале XX в. данные процессы ускорились. К 1914 г. доля промышленной продукции Сибири составляет 22 %. В 1917 г. в Сибири производилось до 10 % всего сельскохозяйственного инвентаря и машин России. О производительности труда в сибирской промышленности красноречиво свидетельствуют следующие данные. В 1908 г. доля Сибири в общем количестве рабочих составляла всего 1 %, но они производили 3,5 % всех промышленных ценностей Российской империи! К примеру, если производительность труда одного рабочего в Донбассе в 1913 г. составляла до 8,5 тыс. пудов угля в год, по России 9,5 % тыс. пудов, то сибирские шахтеры добывали в среднем по 11,7 тыс. пудов угля.

Развитие промышленности способствовало дальнейшему подъему оснащенности сельского хозяйства: к 1910 г. уровень технической обеспеченности Сибири превзошел общероссийский. На одно крестьянское хозяйство здесь приходилось в два раза больше, чем в Европейской России, сложных орудий труда: жаток, молотилок, сенокосилок, жнеек.

На рубеже XIX–XX вв. быстрыми темпами развивались горнорудная и мукомольная промышленность, кожевенное производство и винокурение, пчеловодство и лесные промыслы. Росла добыча соли, каменного угля, графита, слюды. Сибирь

быстро покрылась сетью путей сообщения – водных, колесных, железнодорожных. Это отражало многообразие торгово-рыночных и хозяйственных связей. Так, к началу строительства Сибирской железной дороги основные перевозки по Московскому тракту осуществляли 16 тыс. ямщиков на 80 тыс. лошадях. Вдоль тракта, железной дороги, на водных путях в начале XX в. переживали второе рождение множество сибирских городов.

В городах, кроме промышленных предприятий, появляются театры, музеи, вузы, объединения интеллигенции: общества учителей, врачей и т.д. Сибирь мощным локомотивом двигалась вперед.

Наоборот, удручают последствия преобразований, происходивших после 1917 г. в сельском хозяйстве и промышленности, отбросившие экономику края на десятилетие назад. В годы Гражданской войны 1918–1921 гг. крестьянство Сибири испытало грубое насильственное вмешательство как «белых», так и «красных»: террор колчаковской власти, насильственные мобилизации, сбор недоимок за годы мировой войны, продразверстка, реквизиции... Трудно оценивать степень «праведности» как «белых», так и «красных» в Гражданской войне. Раскол произошел между богатыми и бедняками, старожилами и переселенцами, где-то внутри крестьянского мира и почти везде – между казаками и крестьянами... И те и другие защищали интересы «своей» Сибири.

Но в целом сибирские крестьяне были во многом «третьей» силой, защищавшей свою исконную свободу и экономическую самостоятель-

ность. Сибирский характер не смог смириться с насилием и ответил массовыми восстаниями. Здесь в 1919–1921 гг. сложилось множество партизанских республик.

Новая экономическая политика (НЭП) дала возможность сибирской деревне не только достигнуть результатов дореволюционного периода, но и осуществить быстрый подъем в 20-е гг. Крестьянство начинает втягиваться в рыночные отношения. Одновременно с появлением экономически зажиточных крестьян, многие из которых начали тратить средства на обучение детей в открывшихся вузах и училищах, были созданы добровольные товарищества по обработке земли, приобреталась новая сельскохозяйственная техника.

Случайно ли то, что И.В. Сталин принял решение о переходе к коллективизации после посещения Западной Сибири? Но и в 1930-е гг., несмотря на массовое раскрестьянивание, репрессии против цвета сибирского крестьянства, деревня выстояла. В числе лучших в стране признаются и колхозы Сибирского края. Например: Канский район, с. Бражное – 22 Героя Социалистического Труда, 26 кавалеров ордена Ленина. Однако самые глобальные преобразования в жизни сибиряков связаны с промышленностью.

Все большее значение приобретают ныне слова великого М.В. Ломоносова: «Могущество Российское прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном». В современной России Сибирь действительно становится «цементирующим стержнем державы».

1.3. «РУССКАЯ СИБИРЬ» И СИБИРЯКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Достижения в хозяйственной и культурной жизни Сибири были бы невозможны без формирования единого полиэтнического населения огромного края. Оно сопровождалось ростом самосознания граждан, становлением местного патриотизма. Сибирские просторы, красота ландшафтов, «изобилия и удобства» действительно привязывали к себе человека. Чем более суров край, чем труднее борьба за выживание, тем более человек ценит труд и его результат. Здесь люди ценили «общество» за поддержку и помощь в трудную минуту. Но более ценили сообщество за то, что оно уважало трудолюбивого, честного человека, не вмешиваясь в его жизнь. Будучи на виду у всего народа, люди старались жить по духовно-нравственным законам: честно, открыто, хлебосольно, помогать друг другу, уважать общие традиции.

До сих пор тесные отношения всеобщего «братства», взаимовыручки и общности жизни отличают все северные города и поселки, большинство сел и деревень Сибирского края. Как творец-мастер гордится своим произведением и привязан к нему, так и сибиряки-старожилы любили свою Сибирь. Этот край был преобразован трудом предков и тех, кто прибыл на переселение раньше. Вдвойне радовало изобилие, добытое напряженным трудом. Благодатный край спасал человека дарами природы в неурожайный год, давал

возможность развернуться в хозяйственной деятельности.

Патриотизм по-сибирски – это верность традициям, благодаря которым последующие поколения адаптировались к суровым климатическим условиям, верность сохраняющимся традициям, обычаям, установкам поведения в обществе. Патриотизм означал и чувство долга, верность данному слову, стремление к улучшению жизни. В понятии «сибирский патриот» заложена любовь к краю, к ее суровой, но щедрой природе, стремление обустроить среду проживания.

Патриотами не только рождаются, но и становятся те, кто осознал себя близким к Сибири, кто понял и принял ее. Проследим это на примере эволюции взглядов М.М. Сперанского, великого реформатора начала XIX в. Он по распоряжению императора России Александра I проехал с ревизией по Сибири от Урала до Иркутска, провел серию преобразований, изменивших статус и управление Сибирским краем. Он вскрыл злоупотребления, взяточничество, самодурство чиновников и заслужил уважение сибиряков.

Проследим на основе его писем, как же менялось отношение М.М. Сперанского к Сибири. Как по мере знакомства с краем столичный чиновник становится сибирским патриотом...

...Из Тобольска – дочери: «Воспринимаю эту поездку как наказание. Те же порядки, та же глупость, то же терпение... Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить хорошо и, следовательно, бедных менее... Смею утверждать,

что Сибирь есть просто Сибирь, т.е. прекрасное место для ссыльных, выгодное для торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности... основанной на хлебопашестве, фабриках...»¹.

...Из Томска – дочери: «Здесь прекрасные земли, которые дают сряду 10 и 15 урожаев... опрятность в жизни крестьян. Томская губерния по богатству, произведениям и климату, весьма умеренному, могла бы быть одной из лучших губерний России...»².

...Из Красноярска: «Почти беспрерывно встречаются богатые селения. У старожилов отличный, но здесь не редкий, нрав... Вообще, кто хочет видеть старую Святую Русь, тот должен путешествовать в сих местах... Нравы отменные, чистые и простые. В течение 6 лет здесь, в Енисейске, не было ни одного подсудимого в уездном суде из всех обывателей уезда... Весь путь от Канского уезда до Красноярска есть сад...»³.

...С юга Сибири: «Этот край один из самых благословенных не только в Сибири, но и в целой России...».

...По завершении поездки, через несколько лет М.М. Сперанский напишет: «Во всех случаях Сибирь будет всегда любимым предметом участия

¹ Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. – 1868. – [Т. 11]. Стб. 1684–1685.

² Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. – 1868. – [Т. 11]. Стб. 1691. – С. 24.

³ Дневник графа М.М. Сперанского // В память графа М.М. Сперанского. 1772–1872. – Спб., 1872. – С. 67.

и попечения. Мысль о Сибири всегда будет со мною. Сибирь есть страна Дон-Кихотов»¹.

В середине XIX в. яркое проявление любви к своему краю выразилось в формировании нового качества сибирского патриотизма. Оно охватило интеллигенцию Сибири, студенческие «землячества» сибиряков в Петербурге, Москве, Казани.

«Крестьянство Сибири первое стало выделять себя из остального крестьянского мира, а уже за ним следом и сибирская интеллигенция, выходящая из сибирского народа, начала выделять себя из общерусской интеллигенции», – писал этнограф и публицист Г.Н. Потанин².

Сибирских патриотов не могло не огорчать, что «во всякую эпоху самый дорогой продукт Сибири объявлялся изъятым из пользования колонии. В начале сибирской истории был объявлен государственной регалией соболь, потом таковой же регалией стало золото, теперь сибирский лес вырубается в пользу казны, игнорируя связанные с ним интересы будущих поколений Сибири». Противоположное мнение высших кругов российской элиты по отношению к Сибирскому краю, высокомерно выразил бывший тобольский губернатор Богданович: «Ишь вы, захотели, чтобы колония пользовалась лучшими условиями жизни, чем метрополия!»³.

Красной нитью в трудах сибирских публицистов проходит мысль о том, чтобы самим сделать край

¹ Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. – 1868. – [Т. 11]. Стб. 1764–1765. – С. 25.

² Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. – Томск, 1907. – С. 7, 19.

³ Цит. по: Очерки общественного движения в Сибири // Вестник знаний. – СПб., 1908. – № 5. – С. 608.

«более удобным и привлекательным для жизни». Отмечалось, что для изменения своего положения сибирское общество не должно просить «благотворений», оно должно стараться сделать жизнь здесь не только сносной, но и «соблазнительной». Подвижническая работа сибирской интеллигенции способствовала открытию первого в Сибири Томского университета, развитию просвещения, созданию краеведческих музеев. Во многом благодаря им в сибирском крае издавались десятки газет и журналов.

Движение сибирского патриотизма стало одним из катализаторов оформления широкого движения благотворительности купцов-предпринимателей, рядовых мещан и крестьян. Оно было вызвано не только высокими стабильными доходами, но и обусловлено такими причинами, как духовно-нравственные убеждения, благородное желание внести свой личный вклад в изучение природных богатств, истории и этнографии народов Сибири, развитие экономики и культуры родного края, христианское милосердие, человеколюбие.

Весьма масштабно проявили себя в деле благотворительности купцы Кузнецовы, Гадаловы, Кытмановы. Так, супруги Щеголевы пожертвовали Красноярску 1 200 000 рублей, Н.К. Переплетчиков завещал городу 65 000 рублей. На благотворительные средства строились больницы, приюты, школы, ночлежные дома для нищих, храмы.

Подобные примеры характерны не только для Красноярска, но и для уездных и волостных

центров Енисейской губернии. В 1878–1879 гг. в с. Курагино Минусинского уезда по инициативе крестьянина-предпринимателя Н.П. Пашенных было открыто сельское приходское училище. Для него бесплатно выделил дом другой зажиточный крестьянин – Ф.Ф. Девятов. Н.П. Пашенных и крестьянин И. Снегирев пожертвовали школе по 100 рублей, а крестьяне окрестных деревень по их примеру решили на сходах собрать с каждой ревизской души по 25 копеек на содержание учителя, законоучителя и сторожа.

Ф.Ф. Девятов совершил еще один благородный поступок: он выступил энтузиастом создания библиотеки в с. Курагино. Из книг, пожертвованных им и другими жителями, в 1900 г. была учреждена бесплатная народная библиотека-читальня.

Знаток Сибири Н.М. Ядринцев писал: «Видя, как было все оживленно, как все искало дела, слыша страстные речи о народе, о долге гражданского служения, мы не могли не перенестись мыслями к нашей родине и задуматься о ее будущем. Мы представляли ее, в настоящем бедную и убогую, нарядной и богатой в будущем; вместо несчастной, слышавшей только звон цепей и проклятие ссыльных, мы рисовали себе ее населенной, свободной, жизнерадостной и ликующей, мы называли эту страну “Страной будущего”... мечтали о счастливой будущности края, перечисляли неисчислимы ее богатства, рисовали ее в будущем... царицей Азии»¹.

¹ Воспоминания о Томской гимназии // Восточное обозрение. – 1884. – № 6. С. 23.

Видный сибирский поэт И.Ф. Федоров-Омулевский во второй половине XIX в. воспел в стихах мощь и крепость духа и русских сибиряков:

Если ты странствуешь, путник,
С целью благой и высокой,
То посети между прочим
Край мой далекий.
Там сквозь снега и морозы
Носятся мощные звуки,
Встретишь людей там, что терпят
Муки за муки...
Нет там пустых истуканов,
Вздохов изнеженной груди,
Там только люди да цепи,
Цепи да люди!

Не менее проникновенно о гражданском призвании русского сибиряка, о его роли в превращении Сибири в цветущий и зажиточный край высказал в 1884 г. в стихах неизвестный сибирский поэт:

В годину бедствий и страданий
Ужели мать покинет сын?
Ужель в период испытаний,
В период рабских ожиданий
Отчизну бросит гражданин?!
Твоей природы лик суровый
Люблю, родимая Сибирь!
Твоих полей простор и ширь
Красой пленяет вечно новой.
Сибирь, Сибирь, страна изгнания!
Тебя люблю я всей душой!
Тебе все лучшие желанья,
Тебе все светлые мечтанья —
Я сын тебя, я вечно твой!

Сибирь формировала личности своих граждан в «подобии себя»: стойкими, терпеливыми и целеустремленными, презиравшими опасность и добивавшимися победного результата. Духовно-нравственный облик, мужество и героизм сибиряков наилучшим образом раскрывались в военные лихолетья.

В Отечественной войне 1812 г. приняли участие более 27 тыс. воинов-сибиряков. Из Сибири было выведено 7 регулярных полков и 2 артиллерийские роты, в том числе Енисейский пехотный полк. Из них 5 полков заслужили славу на Бородинском поле. При этом Томский и Тобольский полки потеряли более половины личного состава, а в Сибирском драгунском полку осталось в строю 125 рядовых и 3 офицера. Сибиряки защищали и знаменитую батарею Раевского, почти все погибли смертью храбрых, но не отступили.

В русско-японской войне именно сибиряки составляли большинство солдат и офицеров, оборонявших Порт-Артур. Комплектовавшиеся по территориальному принципу Восточно-Сибирские дивизии стали основными силами России на театре войны на начальном этапе. Десятки тысяч воинов-сибиряков отличились в обороне Ляоянского укрепрайона, во встречном сражении на реке Шахэ выстояли под Мукденом. Так, «11 июля 1904 г. 4-й Сибирский корпус выдержал упорный бой у Наньдалина и Цянджанцы. Этот тяжелый пятичасовой бой показал несокрушимую стойкость сибирских полков, на которых обрушился главный удар противника. Ни одна пядь земли

на позициях не была ими уступлена, несмотря на их численное преимущество и повторные атаки...»¹.

С началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. только в сельской местности Азиатской России было мобилизовано на фронт 1,2 млн человек, или 12 % всего населения Сибирского края. Сибирские полки ставились командованием на самые ответственные рубежи обороны, входили в части прорыва австрийских и германских позиций. Традиционно из сибирских охотников формировались команды разведчиков и метких стрелков. Героизм и стремление выполнить воинский долг нашли отражение в песне сибирских стрелков периода Первой мировой войны:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура-от реки
Молчаливо грозной тучей
Шли на бой сибиряки.
Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега.
Ни усталости и страха;
Бьются ночь и бьются день –
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.
Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя ль мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой привет передадим.
Из тайги, тайги дремучей...

¹ Ширшов М.А. 4-й Сибирский корпус в русско-японской войне 1904–1905 гг. / См.: <https://cyberleninka.ru/article/n/4-y-sibirskiy-korpus-v-russko-yaponskoy-voynе-1904-1905-gg-srazhenie-na-reke-shahe-s-22-sentyabrya-po-4-oktyabrya-1904-g>.

Сибиряки внесли неоценимый вклад в дело победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Сибирские дивизии сыграли огромную роль в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда. Стойкость, выносливость, храбрость – лучшие качества сибирского характера – проявились в полной мере. В сибирской деревне осталось в те годы 59,2 % трудоспособного населения – в основном женщины, подростки, которые вынесли на своих плечах все тяготы войны в тылу.

О воинах-сибиряках сказано немало теплых слов: «Среди наших замечательных солдат сибиряки отличались особой стойкостью» (К.К. Рокоссовский); «Уважение и глубокая всеобщая любовь к уральцам и сибирякам установились потому, что лучших воинов, чем Уралец и Сибиряк, бесспорно, мало в мире. Поэтому невольно рука пишет эти слова с большой буквы» (Р.Я. Малиновский).

Сибирский патриотизм сегодня выражается не только в осознанной привязанности к Сибирскому краю, но и в продолжающемся преобразовании края. Наш патриотизм – в решении экологических проблем, в спасении природы, растительного и животного мира Сибири. Наш патриотизм – в гордости за славные дела и свершения сибиряков прошлых веков. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Неуважение к оному есть постыдное малодушие», – писал А.С. Пушкин¹. Эти слова с полным правом относятся и к нашим современникам.

¹ Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 6. – С. 41. 22.

Глава 2.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

2.1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XIX в.

Культура, духовность, черты характера народа оказывают известное влияние на его исторические судьбы. Ознакомление с этими сферами становится в XIX в. предметом, возбуждающим общий интерес к прошлому. У всех европейских ученых, в том числе и русских, культура и психология людей выступают объектами научных исследований. Европа обратила внимание на далекую Сибирь.

Еще в ранний, донаучный период начиная с XV–XVI вв. были получены от разного рода «прибыльщиков» и «опытовщиков», побывавших «за камнем», сообщения о Сибири, обитаемой «человеками неизвестными» – «Татарию». Сведения путешественников, землепроходцев, промышленных и торговых людей были рассказами и записями личных впечатлений очевидцев, не имевшими ничего общего с наукой, но в то же время явились единственным материалом, значимым для науки.

В течение нескольких столетий европейская наука обогащалась этими скудными, случайными, часто похожими на легенды, но весьма заманчивыми для колонизаторского освоения сведениями.

О Сибири писали на 50 разных языках, и менее всего на русском, чаще представляя ее дикой, но богатой страной, населяемой не менее дикими диковинными народами. Знания о человеке давно накапливались человечеством, но достаточно долго европейская наука признавала своим основным объектом природу в целом, в единстве с которой, одним из элементов которой рассматривался и человек. Первоначально его изучали «извне»: из общества, из природы¹.

В XVII столетии Россия все более интенсивно вовлекалась в орбиту европейской политики. Экономические достижения Запада, прогресс в науках и искусствах, эффективно действующий государственный аппарат, боеспособная армия являли собой заманчивый пример для Московской Руси. В смутном желании следовать этому примеру власть имущие обращаются к Сибири как территории, эксплуатируя богатства которой, можно обрести необходимые для этого средства. Для Московии Сибирь стала превращаться не только в ясачную колонию, но и в страну «дивных и преузорчатых диковин», отыскивать и собирать которые предписывалось высочайшим указом. Все диковины подлежали вывозу, как это и принято в практике колониальной эксплуатации подконтрольных территорий, в европейскую часть России. С этой целью к сибирским богатствам требовалось направить ученых мужей с целью выявления перспектив экономической эксплуатации.

¹ Максакова В.И. Педагогическая антропология. – М., 2001. – С. 7.

Попутно, исследуя экономические возможности территории, они начинают описывать и народы, ее населяющие.

Только с началом разложения феодального строя в Московском государстве и складыванием самодержавной монархии, выражавшей интересы промышленного капитала, научный интерес к народонаселению Сибири стал непреходящим. Западная культура начала не просто проникать в русское образованное общество: ее насильственное внедрение, основанное на признании безусловности европейских достижений и необходимости их освоения, стало делом государственной политики, подкрепляемой всей мощью бюрократического аппарата.

В европейской науке происходит поворот к изучению человека «изнутри» – постижению его телесного, эмоционального, нравственного, духовного, социального бытия. Следует иметь в виду, что некоторые процессы, интенсивно протекавшие в Европе и отражавшие сущностные аспекты западной цивилизации, отторгались российским менталитетом. Современный немецкий исследователь Л. Люкс пишет: «К восхвалению автономной личности, начавшемуся на Западе с наступлением Нового времени, в России с самого начала относились отрицательно, видя в этом выражение человеческой гордыни. Уравнение индивида и общества и происхождение требования одиночки к обществу ради обретения все больших прав для себя воспринимались в России как нечто безнравственное»¹.

¹ Максакова В.И. Педагогическая антропология. – М., 2001. – С. 7.

Стоит отметить, что неприятие личности как ценности не могло не породить в российской науке глубокого научного интереса к ней. Тем не менее, подражая достижениям западной науки, русские ученые мужи начинают интересоваться вопросами человековедения. Под влиянием этого интереса (отвечая на запросы времени) в сфере образования идею «душевного строения» сменила установка на «выращивание новой породы людей». Вместе с тем возросшее внимание к человеку, его внутреннему миру не привело к утверждению идеала независимой, как на западе, личности, что соответствовало и автохтонным российским традициям, и социально-политической ситуации в стране.

С первых лет XVIII в. уже не было ни одной академической экспедиции, начиная с «Большого Камчатского наряда», которая не собирала бы в Сибири материал или описания этнографии коренного населения, его культуры, верований, быта. Появляются отдельные путешественники (Мессершмидт, Штраленберг и др.) с чисто научными целями, что положило начало длительному периоду экспедиционного изучения этнографии Сибири.

Благодаря полученным сведениям, уже в середине века были замечены и стали официально признанными некоторые областные отличия русского сибирского населения. Одной из первых известных науке этнографических характеристик русского населения на Востоке было сделанное мимоходом наблюдение императрицы Екатерины II. «Люди в России и Сибири, – пишет она, – не схожи ростом и лицом; сибиряки смуглы, самые восточные из них

похожи на китайцев (на монголов), русские, например нижегородцы, не имеют ничего общего с сибиряками. На берегах Волги жители рослы и стройны, белокурые ярославские красавицы не имеют никакого сходства с сибирскими женщинами. Жители Ярославля, Архангельска, Вологды трудолюбивы и веселы, новгородцы слывут сутягами, галичане – простодушными и простыми. Сибиряки умны, любопытны и предприимчивы»¹.

При всей поверхностности и субъективности замечание Екатерины II доказывает наличие интереса властей к областным отличиям, этнопсихологическим чертам российского населения и тот факт, что сибирская народность является частью великорусского этноса вследствие колонизации подвергнувшегося значительным изменениям родоначального типа.

Начиная со второй половины и особенно к концу XVIII в., наука располагала уже определенными представлениями о многообразии этнических культур, об особенностях расовых типов Сибири.

В конце XVIII в. И. Кантом для обозначения особой автономной области знаний – новой науки о человеке, которой в то время еще и не было, – было предложено название «антропология». И. Кант был первым, кто утверждал, что человек – самый главный предмет науки, ее конечная цель, познание человека – важнейшее условие познания мира в целом. Такой взгляд можно считать поворотным в науке XVIII в., так как в это время более понятной

¹ Цит. по: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – Спб., 1882. – С. 54.

была иная позиция: путь познания человека лежит через познание мира, познание мира есть условие познания человека.

Определенный вклад в российскую этнографию в это время внесли Гмелин, Швеллер, Крашенинников, Делиль де Кройер. Первые научные изыскания в области исторической этнографии и характерологии сибирских аборигенов восходят к Миллеру, представившему в своем «Описании Сибирского царства» обстоятельный очерк жизни сибирских туземцев. Им также предложен и опробован для получения этнографических сведений метод опросных листов, включавших и пункты для описания характерных психологических особенностей этноса.

Преемник Миллера Фишер предложил ряд новых, хотя и не вполне удачных методов этнографических исследований... Привлекая более широкую, чем у предшественников, базу источников, он опубликовал работу «История Сибири». Товарищ Фишера по работе Георги предпринял первую попытку системной классификации населения России. Этнографический материал его «Описания всех в Российском государстве проживающих народов» (изд. в 1876–1880) до сих пор не утратил своего научного значения.

Академик Паллас впервые применил точные методы натуралистического наблюдения в этнографическом изучении. В своих «Путешествиях по разным провинциям Российской империи» (1773–1778) он проводит экскурсии в область вопросов о происхождении и взаимоотношениях

различных народностей и отмечает «особость» физического типа и психологических черт сибиряков. Его идеи были подхвачены и развиты Фальком, Лепехиным, Сиверсом. Ученые и путешественники XVIII в. были главным образом, собирателями сырых материалов, отсутствие которых не позволяло брать на себя обобщающую работу.

В самой же Сибири в течение нескольких столетий ее колониальной истории вообще не было создано ни одного научного учреждения (не считая небольшого «музеума» в Иркутске), в котором было бы поставлено изучение не то что особенностей характера аборигенного населения, но и населения вообще. Богатые для того времени материалы, полученные в ходе академических экспедиций и путешествий, сосредоточивались в Петербурге и заграничных научных учреждениях.

В первой половине следующего XIX в., после небывалого патриотического подъема в период Отечественной войны 1812 года и близкого знакомства с Западом во время заграничного похода 1813–1814 гг. начинается поиск самобытности в развитии России. Он велся на основе анализа ее прошлого и современного состояния в сопоставлении с европейской культурой и историей. Первый шаг в этом направлении был сделан идеологами движения декабристов. Позже, уже будучи в ссылке, многие члены движения внесли практический вклад в изучение Сибири и ее населения. Впрочем, указанная тенденция, определившая самобытную постановку многих важнейших научных проблем, не стала определяющей

в русской культуре и общественном движении. В целом в теоретической науке о человеке господствовали прозападные подходы.

Одним из главных выразителей новых умонастроений в вопросах человековедения был идеолог славянофильства Иван Васильевич Киреевский (1806–1856), чутко уловивший односторонний рационализм западной образованности с присущим ему преувеличением роли рассудка. Он обосновывал необходимость целостного подхода к человеку, взятому в единстве логической способности, чувства, эстетического смысла, любви, сливающихся в глубине души в «одно живое и цельное зрение ума», и его воспитания. Киреевский отстаивал приоритет нравственного воспитания, основанного на развитии религиозного чувства. В последнем он видел главный смысл народного образования. Другой видный представитель славянофильства, Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), связывал самобытность отечественного воспитания с коренными, по его мнению, особенностями российской жизни. «Воспитание, – писал он, – чтобы быть русским, должно быть согласно с началами жизни семейной и с требованиями сельской общины, во сколько она распространяет свое влияние на русские села». Интерес к изучению самобытности русской народности укрепляется и в Сибири в том числе. Нужно отметить и научную деятельность Спасского, редактора журналов «Сибирский Вестник» и «Азиатский Вестник», представлявших собой обширные сборники историко-этнографического содержания,

а также П.А. Словцова, накопившего огромный документальный и опросный материал, использованный в его «Историческом обозрении Сибири» (изд. в 1838–1844).

Большое значение имели и результаты этнографических изысканий экспедиции академика Миддендорфа (1843–1846), вызвавшие импульс научного интереса к Сибири, косвенно послужившего ближайшей причиной возникновения в Петербурге Географического общества. В 1851 г. в Иркутске организуется его отделение – Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества. Это событие ознаменовало начало нового этапа изучения характерологических черт народов Сибири¹.

Во второй половине XIX в. благодаря Ч. Дарвину антропология как реальное человековедение становится реальной наукой. Для реализации целей этой науки в Европе стали интенсивно проводиться исследования морфологических, анатомических, физиологических особенностей людей, живущих в разных климатических условиях, представляющих разные культуры и народы.

Для ученых также важно было изучение ритуалов и традиций, в том числе и воспитательных, способов организации быта, включения отдельного человека в жизнь сообщества, взаимосвязи его членов между собой и многих других вопросов. В результате антропология стала интегратором различных наук, изучающих человека. Уже в конце XIX в. антропологи исследовали естественную

¹ Сибирская советская энциклопедия. Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, год. Т. 3. – С. 700.

историю человека, этнологию, мифологию, социологию, демографию, медицинскую географию и лингвистику и т.д.

Проводя исследования, они активно использовали данные археологии, истории, психологии, этнографии и других наук, выявляющих прошлое человека.

В прогрессивной мысли России с небывалой силой проявляется стремление общества к обновлению и реформам. Идеи религиозной, культурной, психологической антропологии и антропософии во второй половине XIX в. нашли большое количество сторонников в России и Сибири. В 1868 г. в Омске организуется Общество исследователей Западной Сибири, через десять лет преобразованное в Западно-Сибирское отделение Русского Географического общества и его музей (Западно-Сибирский музей). 1870-е гг. дают большую дифференциацию этнографических и антропологических исследований. Наряду с пришлыми, «навозными» из России исследователями, по этнографическим заданиям Русского Географического общества работают местные ученые А.Ф. Усольцев, М.В. Загоскин, М.И. Писарев, В.И. Вагин. Этнограф П.А. Ровинский осуществил ряд поездок по Сибири и Монголии для изучения русского населения в условиях сживания с аборигенами края. Из Омска снаряжаются экспедиции Певцова, Ядринцева, Словцова, Клеменца, Катанова, Андрианова.

В эти же годы возникают Тобольский музей (1870), который занимался этнографическим и антропологическим изучением Тобольского Севера,

и Минусинский музей Мартьянова (1877), изучавший историю Хакасско-Минусинской котловины, Монголии и Урянхайского края.

В 1860–1870-е гг. историк А.П. Щапов публикует несколько работ, непосредственно касающихся проблемы этнокультурного своеобразия русского населения Сибири. Наиболее значимыми из них признаны «Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении», «Исторические очерки народного мировоззрения и суеверия» (православного и старообрядческого) и «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа»¹. В них автор показал решающую роль народной колонизации в истории Сибири, попытался установить взаимосвязь окружающих природных факторов и эволюции традиционной культуры русского этноса.

После публикации этих книг стали появляться отзывы и оценки воззрений на вопросы этносоциальной истории русских и инородцев. В 1870 г. вышла публикация П. Ровинского «Поворот в русской исторической науке», в которой автор высоко оценивал сочинения А.П. Щапова. Также позитивно оценил взгляды и труды Щапова А.П. Пятковский в опубликованной в 1876 г. статье «Из истории нашего литературного и общественного развития».

Изучение населения края было впервые поставлено разносторонне. В 80–90-е годы основную

¹ Щапов А.П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Собр. соч.: в 3 т. – Иркутск, 1937. – Доп. т. С. 37.

роль в изучении этнопсихологии русского населения Сибири начинают играть исследователи-областники Н.И. Потанин, Н.М. Ядринцев, а также Д.А. Клеменц, которые поддержали и развили позицию Щапова о факторе полиэтнического синтеза в генезисе старожильского населения Сибири. В 1883 г. в журнале «Восточное обозрение» Н.М. Ядринцев опубликовал статью «Жизнь и труды А.П. Щапова», в которой была описана жизнь и научная деятельность ученого, рассказано о многогранной общественной деятельности. Автор проанализировал воззрения Щапова на русскую историю и роль областей, не обошел вниманием и его позицию о ярко выраженных культурных особенностях русских сибиряков¹.

Н.М. Ядринцев доказывал, что русские в Сибири заимствовали многие психофизические черты аборигенного населения, сформировав некий адаптивный областной тип. Основатель областничества Г.Н. Потанин полагал, что большое влияние на формирование особой «русско-сибирской народности» помимо метисации русских с туземным населением, оказывают климат и специфические условия жизни².

Большая группа авторов второй половины XIX в.: Н.Н. Агопитов, Н.И. Приклонский, Я.П. Добров – обращаются к непосредственному описанию культурно-бытового уклада сибиряков, их традиций

¹ Ревинский П., Пятковский А.П., Ядринцев Н.М. Жизнь и труды А.П. Щапова // Вестник обозрений. – 1883. – № 25, 27, 31.

² Потанин Г.Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. – 1865. № 17. – С. 8.

и обычаев. В работах Арефьева и Протасова были предприняты исследования этнопсихологических характеристик русских старожилов Сибири.

Отдельные публицисты и писатели стремились к яркому описанию наиболее выраженных особенностей культуры русских в Сибири. Так, в 1865 г. вышел в свет двухтомный труд М.Ф. Кривошапкина «Енисейский округ и его жизнь», содержащий обширные материалы этнографического характера, описание жизни, традиций и быта русского населения Приенисейского края.

В 1892 г. в книгах «Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее» и «Красноярский округ Енисейской губернии» Н.В. Латкин объективно, насколько возможно при том состоянии науки, рассматривает черты характера русских старожилов, а также последствия адаптации русских людей в Сибири.

Таким образом, анализ работ XIX в. по проблеме характерологии русских сибиряков позволяет условно выделить в ее генезисе два этапа: донаучный – описательный этап накопления эмпирических сведений (XVI–XIX вв.) и научный – этап целенаправленного изучения, теоретических обобщений и анализа (с XX в. по настоящее время). В целом вплоть до конца XIX в. отечественные этнография, антропология, этнопсихология испытывали доминирующее влияние западной научной традиции и следовали ее канонам, несмотря на попытки национального научного самоопределения. Вопрос об использовании знаний из области характерологии в педагогических целях, за редким исключением, большинством исследователей не ставился.

2.2. ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФОВ И ПСИХОЛОГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Остановимся подробнее на взглядах некоторых авторов второй половины XIX в., исследовавших своеобразие этнопсихологических черт великороссов и русских сибиряков. В предисловии к русскому изданию «Психологии характера» Фр. Полана, вышедшему в Петербурге в 1896 г., Р.И. Сементовский отмечал огромную важность в практическом отношении вопроса об изучении человеческого и национального характера и сетовал на малую его разработанность в научном плане. «Пока приобретения науки в этом вопросе ничтожны, пишет он, – а приемы ее настолько слабы и недостоверны, что сам подход к изучению характера сложно назвать строго научным». Более или менее бесспорным, по его мнению, является утверждение, что характером мы называем то, что составляет внешнее проявление внутренней духовной жизни. Поэтому пока законы жизни человеческого духа не будут должным образом исследованы и установлены, правильная оценка характера как одного из проявлений этой жизни тоже будет лишена твердых точек опоры¹.

Спустя семнадцать лет, в 1913 г., в своем очерке «Педагогическая психология в связи с общей педагогикой» М.М. Рубинштейн в очередной раз подтвердил, что даже пояснение самого понятия «характер» представляет собой пока далеко не разрешенную, сложную и крайне спорную проблему.

¹ Полан Ф.Р. Психология характера. – Спб., 1896. – С. 1.

Чем-то искусственным, надуманным, слишком теоретическим, мало пригодным для ученого веет от всех этих весьма произвольных определений. Кстати, знаменитый московский профессор психологии с Сибирью был знаком не понаслышке – в 1918 г. он участвовал в организации Иркутского государственного университета и был его первым ректором, а в годы Великой Отечественной войны руководил кафедрой педагогики в Красноярском педагогическом институте. Именно в Сибири он начал заниматься изучением индивидуальности личности на фоне культурных, ментальных потенций в условиях общества, в связи с чем наиболее актуальной проблемой воспитания он считал формирование индивидуальной воли, характера, мировосприятия личности¹.

Главное затруднение учения о характере М.М. Рубинштейн видит в том, что, стремясь к научности, оно должно искать общие черты там, где самое важное заключается не в общем, а в индивидуальном – в неповторяющейся окраске личности.

Исследователь Р.И. Сементовский отмечал, что если говорить о народном характере, то речь идет о народном духе или о духе эпохи: «Понимание индивидуальных характеров – ключ к пониманию народного духа и духа эпохи». Это соображение вполне подходит к оценке и коллективного характера отдельных частей населения или всего народа, и средств воздействия на него². Даже при

¹ См.: Красноярский государственный педагогический университет: 70 лет на ниве просвещения. – Красноярск, 2002. – С. 206.

² Полан Ф.Р. Психология характера. – Спб., 1896. – С. 1–2.

отсутствии в научном обороте четкого определения национального характера, то, что коллективный характер народа – реальность, уже ни у кого не вызывает сомнения.

В 1895 году, подводя итоги изучения «черт психологии славян», профессор И.А. Сикорский отмечал, что разнообразные исследования в области антропологии открыли ряд крайне интересных фактов относительно устойчивости, с которой физические свойства расы или племени сохраняются в продолжение длинной цепи веков, переходя из поколения в поколение. Подобной же устойчивостью, по его мнению, отличаются и духовные качества расы или племени, а также черты народного характера, его достоинства и недостатки, которые тоже передаются нисходящим поколениям. Через тысячи лет, как и в прошлом, в народе мы встречаем те же особенности его народного характера¹.

В историческом описании характера русской народности, даже при беглом анализе его особенностей, утверждает И.А. Сикорский, мы находим те же основные архаичные черты, что и тысячу лет назад: то же славянское миролюбие и гостеприимство, ту же любовь к труду, те же семейные добродетели, тот же идеализм, ту же славянскую рознь и ту же нерешительность характера, которая отличала славян в течение тысячи лет их исторической жизни.

Антропологический состав русской народности и внешнюю природу, среду обитания И.А. Сикорский определяет в качестве факторов, под влия-

¹ Сикорский И.А. Сб. научн.-литер. ст. – Киев, 1900. – Кн. 3. – С. 2, 30, 68.

нием которых сложились основные черты славянской души и народного духа. К этому перечню исследователи черт характера русских сибиряков добавляли метисацию с инородческим населением, взаимную материальную и духовную культурную ассимиляцию и некоторые специфические условия сибирской жизни, складывающиеся под влиянием двух первых факторов.

Формирование «русской Сибири», по мнению исследователей, во многом воспроизводило процессы первоначального земледельческого освоения центральных районов России, когда происходила адаптация человека к нетрадиционным факторам окружающей среды. Так, историками и этнографами засвидетельствованы факты значительных изменений в хозяйственной жизни, общественном устройстве, быте, одежде нового населения в процессе освоения Сибири. Происходило это в условиях непрерывного приспособления «засельщиков» новых земель на восточных окраинах ареала традиционной многонациональной культуры Европейской России¹.

Многие изначальные черты физической и особенно психической организации русских транслируются от поколения к поколению тысячи лет и являются наследственными. А.П. Щапов, увлекаясь расовой теорией, напротив, считал, что история образования русской народности – это длительный процесс метисации, восприятия русскими антропологических черт сопредельных народов, кровное и культурное взаимопроникновение,

¹ Сикорский И.А. Сб. научн.-литер. ст. – Киев, 1900. – Кн. 3. – С. 31.

а смешение рас является улучшением, а не ухудшением. В этом сила русской народности, позволившая за четыреста лет мирно приобрести и освоить огромную территорию.

Необычные условия хозяйствования, образа жизни под воздействием факторов среды способствовали утверждению адаптивных хозяйственных умений и навыков, специальных связей, культурных традиций. Историк П.М. Головачев в книге «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь» (1902), описывая черты характера сибиряков, отмечал, что старожильческое население Сибири под воздействием географических и исторических причин приобрело стойкие особенности в характере, в умственном складе и даже во внешнем облике. Можно с уверенностью говорить, что эти приобретенные черты уже являются наследственными, свободно тиражируются и транслируются новым поколениям¹.

По мнению М.М. Рубинштейна, характер (и национальный в том числе) складывается из совершенно разнородных свойств, распадающихся на три группы элементов. В него входит физическая природа в виде определенной телесной организации, неразрывно с ней связана психическая природа, многие проявления которой находятся в важной зависимости от жизни тела, и психофизический уклад как индивидуальное сложение двух предыдущих факторов².

¹ Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. – М., 1992. – С. 27; Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. – М., 1987. – Т. 1: Курс русской истории. – С. 50.

² Рубинштейн М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. – М., 1913. – С. 400.

Во всех работах дореволюционного времени проходит мысль о том, что потомки наследуют от предков не только физические и нервные свойства: рост, строение тела в целом и деталях, здоровье или болезненность, нервную устойчивость или раздражительность, но и нервно-психологические предрасположенности: рост души, особенности в ее деятельности и склонности, психическое здоровье или болезненность. При этом часто оговаривалось, что психическое наследование по самой природе душевных процессов в общем не так заметно, как наследование физических свойств¹.

2.3. СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ВОПРОСА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ XX – НАЧАЛА XXI в.

В советский период работы по истории и этнографии Сибири вышли на научный уровень с постановкой и решением научных проблем, существенно расширили тематику проблем, углубили изучение вопросов регионального и тематического направлений. Так, новое и глубокое осмысление прошлого края по вопросам нашего исследования мы находим в трудах С.В. Бахрушина. Наряду с разработкой исторических проблем он анализирует обширный материал по социальной психологии, поведенческим мотивам сибиряков в освещаемых событиях, исследует взаимное психологическое обогащение русских людей и аборигенов края². Ученым была доказана ведущая роль северорусского переселенческого элемента

¹ Рубинштейн М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. – М., 1913.

² Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. – Т. IV.

в формировании потомственного населения Приенисейского края в XVII – начале XVIII в.

В 1920 – первой половине 1930-х гг. резко усилился интерес к истории и культуре русского населения Сибири. Данное направление разрабатывалось в первую очередь, историками-краеведами и этнографами в ходе полевых экспедиций в регионах с преобладающим старожильческим населением. Так, в нашем крае значительная работа была проделана этнографом М.В. Красноженовой. Однако далее сбора вещественных и письменных источников и описания сохранившихся традиций крестьян-старожилов работа не продвинулась. Во многом это произошло вследствие разгрома исторического краеведения в 1930-е гг. Видное место в плане нашей работы занимает незаконченная «Сибирская энциклопедия», включавшая статьи по разнообразным аспектам материальной и духовной культуры, традиций и обрядов крестьян-старожилов.

В 1940–1960-е гг. значительный прогресс в историографии Сибири наметился в изучении становления и развития сибирского земледелия. Советский историк В.И. Шунков¹ и его последователи обратили пристальное внимание на историю крестьянства, как основного ядра старожильского населения. Одновременно они исследовали качественные особенности сибирского земледелия, адаптированного к местным условиям. Нам представляется важным исследование хроно-

¹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). – М., 1956; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. – Иркутск, 1949. – Т. 1–2.

логических и территориальных границ формирования основных земледельческих районов Сибири. Именно пять регионов первоначального сибирского земледелия заложили основы будущего административного, культурно-этнографического своеобразия наиболее значимых групп старожильческого социума.

К достижениям этого периода необходимо отнести становление монографического принципа изучения отдельных проблем крупных регионов Сибири. Впервые было доказано, что в Енисейском уезде земледелие стало ведущей отраслью хозяйства еще во второй половине XVII в. Был сделан вывод, что, наряду с экономическими последствиями данного процесса, в Приенисейском крае во втором-третьем поколении сформировалось «старожилое» крестьянство, адаптированное к суровым условиям таежного края. Затем в начале XVIII в. в ходе внутренней миграции выходцы из северных районов продолжают освоение южных и притрактовых районов Приенисейского края. Однако вопрос об исследовании итогов психологической адаптации крестьян-старожилов Сибири и Приенисейского края историками «школы Шункова» не ставился.

Среди исследований по истории комплексного земледельческого освоения территории Восточной Сибири наиболее значимой считается работа В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня»¹. Для последующих поколений сибиреведов незаменимы работы историков В.А. Александрова, В.В. Воробьева и

¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. – Иркутск, 1949. – Т. 1–2.

А.Д. Колесникова, выполненные в 1960–1970-х гг., по исследованию демографических и хронологических этапов формирования старожильческого населения Сибири¹. Выводы данных исследователей позволили уточнить хронологические рамки оформления потомственного крестьянского старожильческого населения как целостной социально-экономической единицы русского этноса. Поэтому мы относим время завершения психологической адаптации и формирования нового традиционного сознания в границах Сибири ко второй половине XVIII в.

В ходе дальнейшего изучения культуры сибирского крестьянства потребовалось более тесное сотрудничество историков и этнографов. Выраженное социокультурное звучание приобрели работы 1960 – конца 1980-х гг. В изучение итогов колонизации, развития сельского хозяйства и рынка Восточной Сибири определенный вклад внес Ю.В. Кожухов. В свою работу он, в частности, включил вопросы культуры и быта крестьян Енисейской губернии². Этнографические особенности быта и культуры русского населения Приангарья наиболее системно были исследованы в одноименной работе Л.М. Сабуровой³. Колоссальных результатов

¹ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII вв. – М. 1964.; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). – Новосибирск, 1975; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. – Омск, 1973.

² Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1861 гг.). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.

³ Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. – Л., 1975.

в изучении вопросов культуры русского населения Сибири достигли историки М.М. Громыко, В.А. Зверев, А.Н. Копылов, А.А. Люцидарская, Н.А. Миненко, Е.И. Соловьева. Глубоко и всесторонне были проанализированы особенности юридических обычаев, трудовых традиций, норм общинных отношений, семьи и брака старожилов. Несмотря на то что ученые непосредственно не обращались к теме традиционного сознания старожилов, в их работах рассматриваются практически все компоненты стереотипных проявлений миропонимания и психики сибиряков. К глубокому сожалению, подавляющее большинство работ данного периода написано преимущественно на материалах Зауралья и Западной Сибири¹. Восточная Сибирь и Забайкалье исследованы достаточно слабо.

В условиях господства идеологических установок для работ советского периода по истории и этнографии характерна общая концепция этнической целостности русского населения России. Естественно, вышеперечисленные авторы не могли открыто поставить вопрос об этносоциальной идентификации сибирских крестьян. Однако примечательно, что в работах западносибирских ученых

¹ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – перв. пол. XIX в.). – Новосибирск, 1975; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – перв. пол. XIX в.). – Новосибирск, 1979; Люцидарская А.А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири в XVIII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск, 1985. – С. 153–173; Зверев В.А. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири. – Новосибирск, 1985; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVIII – нач. XIX вв. – Новосибирск, 1974; и др.

объективная специфичность сибирского этнографического материала входила в открытое психологическое противоречие с формальными выводами.

В этот период коллективными усилиями ученых историков и этнографов был создан ряд трудов по истории сибирской общины, исследованию в них культурно-бытовых процессов. Всесторонне анализировались проявления традиционного сознания в материальной и духовной культуре¹. Работы этнографа Ф.Ф. Болонева во многом предвосхитили сегодняшний день. Занимаясь психологическими аспектами культуры старообрядцев, Ф.Ф. Болонев описал характер сибиряков. В небольшой работе (написанной еще в 1979 г. и опубликованной в 1988 г.) содержится развернутая характеристика сибирского старожила: «Сибиряку свойственны “широкая” душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордая независимость характера, вольнолюбие, уживчивость с местным населением, желание прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого, предприимчивость и сноровка в работе»². Подробно цитируя высказывание автора, позволим себе в дальнейшем предложить видение психологической мотивации как указанных, так и иных черт характера сибиряка-старожила.

¹ Крестьянская община в Сибири XVII – начала XIX вв. – Новосибирск, 1977; Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX вв. – Новосибирск, 1985; Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX вв. – М., 1981.

² Болонев Ф.Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, традиции, обряды. – Новосибирск, 1988. – С. 19.

Неоценимый вклад в разработку проблематики приенисейского крестьянства внесли красноярские ученые. Широкому кругу вопросов взаимодействия старожилов и переселенцев с развернутым сопоставлением уклада их жизни была посвящена работа В.А. Степынина «Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма»¹. В указанной работе представлены развернутые социально-психологические характеристики образа жизни и культурных традиций русских переселенцев второй половины XIX – начала XX в., позволяющие на этом фоне зримо высветить ценностные черты культуры старожилов. Ряд природно-социальных факторов воздействия на первых «засельщиков» края и их роль в генезисе потомственного старожильского населения обобщены в работах красноярского историка П.Н. Павлова².

Кропотливые и глубокие исследования по истории поэтапного освоения территории Приенисейского края преимущественно представителями старожильского населения Енисейского уезда в XVII–XVIII вв. провел историк Г.Ф. Быконя³. Именно статистические данные и выводы работ данного автора во многом позволили нам определить нижнюю хронологическую границу нашего иссле-

¹ Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962.

² Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII – первая половина XVIII вв.) // Красноярский край. Материалы по географии. – Красноярск, 1965; Он же. Промысловая колонизация Сибири в XVII – начале XVIII вв. – Красноярск, 1974; и др.

³ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981.

дования. Г.Ф. Быконя доказал, что в 60–80-х гг. XVIII в. завершается заселение и земледельческое освоение южных и притрактовых районов Енисейского края русскими крестьянами, представленными преимущественно потомственными старожилами Сибири.

Комплексное обобщение экономических, политических и социальных процессов XVII – начала XX в. было сделано в фундаментальных трудах «История Сибири» и «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма»¹. Однако даже в последней работе, в разделе «Духовная жизнь крестьян», несмотря на заявленную формулировку, полностью отсутствует анализ духовных, этнопсихологических характеристик сознания крестьян-старожилов Сибири. Среди академических работ обобщающего характера по этнографии, наиболее полными в освещении специфических культурно-бытовых особенностей старожилов Енисейской губернии и Сибири в целом являются издания Сибирского отделения АН СССР и института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая². Так, в работе коллектива авторов «Русские старожилы Сибири» подробно проанализированы физические, соматические, изосерологические изменения, зафиксированные у старожилов-сибиряков различных регионов

¹ История Сибири. – Л., 1968. – Т. 1–3; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982.

² История Сибири. – Л. 1968. – Т. 1–5; Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М., 1973; Источниковедение и археология Сибири. – Новосибирск, 1977; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982; Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX вв. – Новосибирск, 1977; Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. – М., 1973.

в XX в. Комплексные исследования начала 1960-х гг. признали наличие приспособительной изменчивости старожилов, визуально описанной в работах XIX в. Авторы исследования впервые в советской науке охарактеризовали русских старожилов как «особую сибирскую ветвь русского народа» (выделено авт. – Н.Д., Б.А.). Данный вывод сделан на основе тщательного изучения физико-антропологических признаков у представителей различных этнографических групп Сибири¹.

Однако, несмотря на отдельные выводы, общей тенденцией в исторических и этнографических работах советского периода было то, что все высказывания дореволюционных авторов об этнической специфичности сибирских старожилов подвергались критике. Постоянно подчеркивались единство и общность культуры, мировоззрения, верований, традиций сибирского населения в рамках общероссийской культуры. Отсутствовали развернутые исследования о системной трансформации компонентов адаптивной культуры русского этноса в сибирских условиях. Недостаточно были разработаны проблемы влияния комплексных воздействующих факторов на материальные аспекты жизнедеятельности русского старожильского социума в Сибири. Но наиболее неизученными по-прежнему оставались вопросы влияния воздействующих факторов на психологию русского населения Сибири и психологической адаптации первых «засельщиков», переселенцев и ссыльнопоселенцев.

¹ Русские старожилы Сибири... С. 5–6, 156–172.

В работах постсоветского периода продолжилось углубленное изучение культурно-бытового уклада крестьян-старожилов Сибири. По-прежнему ведущие позиции в культурно-этнографической сфере продолжают занимать ученые Западной Сибири. К проблемам, затрагивающим научные сферы истории, этнологии, антропологии, обращались в последние годы М.Л. Бережнова, Е.А. Ерохина, В.А. Зверев, А.Ю. Майничева, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко, И.В. Октябрьская, Д.Я. Резун, Е.И. Соловьева, Е.А. Умбражко, Е.Ф. Фурсова и другие ученые. Под руководством видных ученых М.А. Демина и Т.К. Щегловой в стенах Барнаульского педагогического университета плодотворно работает уникальная лаборатория исторического краеведения. Воспитана плеяда молодых исследователей. Изучение календарной обрядности старожилов Западной Сибири проводится в течение многих лет омскими учеными М.А. Жигуновой и Т.Н. Золотовой. Исследованиями подтверждается северорусское происхождение праздничной обрядности в старожильческих селениях с консервацией архаических традиций. Этническую идентификацию и этногрупповую принадлежность крестьян Западной Сибири изучает М.Л. Бережнова¹. В Новосибирском педагогическом университете продолжается значимая

¹ Жигунова М.А., Золотова Т.Н. Традиционная обрядовая культура русских Западной Сибири // Народная культура Сибири: учебное пособие. – Омск: СФ РИК, 2002. – Ч. 1; Жигунова М.А. Русские // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. – Новосибирск: Наука, 2002; Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2002; и др.

для всего сибирского региона научная деятельность В.А. Зверева по изучению воспроизводства традиционной культуры и народной педагогики в среде старожильского населения¹.

В последние годы издано множество учебников по истории Сибири и его регионов. К числу новационных изданий относится учебное пособие по истории Сибири в трех частях, вышедшее в Новосибирске. Несмотря на то что данный учебник написан для учащихся, в нем совершен определенный прорыв в постановке новых подходов, в оценках событий сибирской истории. Для нас важно, что авторы учебника В.А. Зверев, В.А. Зуев и Ф.С. Кузнецова включили в него достаточно дискуссионный раздел о «русско-сибирской народности». Учебный материал рассматривается в историографическом аспекте работ сибирских ученых XIX – начала XX в. Ими высказано достаточно спорное мнение о принадлежности русских старожилов Сибири к нескольким субэтносам и «множествам этнографических групп»². Считаем своевременным публичное признание авторами учебника целесообразности продолжения дискуссии по проблеме этнокультурной идентификации русских старожилов.

Необходимо отметить появление исследований по истории и культуре старожилов XVII – начала

¹ Зверев В.А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск, 1993. – 244 с.; Красен человек учением: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск, 1995.

² Зверев В.А., Зуев А.С., Кузнецова Ф.С. История Сибири. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999. Ч. II: Сибирь в составе Российской империи. – 376 с.

XX в., в частности работу А.А. Люцедарской¹. Комплексный характер носит историко-этнографическая работа В.М. Кимеева «Касьминские чалдоны», посвященная изучению быта и культуры локальной группы русских старожилов современной Кемеровской области². Работы новосибирского историка и этнографа О.Н. Шелегиной посвящены исследованию культуры русских сибиряков в контексте культурной адаптации в процессе освоения новых территорий³. В концептуальном и содержательном плане они достаточно близки направлениям наших исследований.

Вопросам начала социально-экономической модернизации на территории Енисейской губернии в пореформенный период посвящена работа красноярского историка В.И. Федоровой. Автором скрупулезно рассмотрен вопрос о высокой степени адаптированности сибирского земледелия к природным факторам среды. Исследованы проблемы формирования модернизационных факторов последней четверти XIX в., влияния их на хозяйственную деятельность и культуру крестьян-старожилов Енисейской губернии⁴. Изучению культуры и быта крестьян-старожилов

¹ Люцедарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1997.

² Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. – Кемерово, 1997. – 250 с.

³ Шелегина О.Н. Адаптация Русского населения в условиях освоения Сибири: Социокультурные аспекты: учебное пособие. – М.: Логос, 2001. – Вып. 1–2.

⁴ Федорова В.И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период. – Красноярск: РИО КГПУ, 1999. – С. 28–47.

Хакасско-Минусинской котловины была посвящена диссертация историка и этнографа из Абакана А.А. Верника¹.

Одновременно с новосибирцами в 1999 г. в первом издании нашего учебного пособия «Сибирское краеведение» общность старожилов Сибири была представлена как целостный субэтнос, включавший множество старожильческих конвуксий. Во второе издание учебника (2003) нами был введен специальный раздел «Сибирский субэтнос», включающий материал о процессах адаптации и анализ ментальности русских старожилов в выводах и содержании раздела представлены результаты нашего исследования по проблеме реконструкции традиционного сознания локальной группы крестьян-старожилов Приенисейского края. Одними из первых мы ввели в качестве полноценного компонента социокультурной работы понятие «сибирский характер»².

Таким образом, представленный историографический обзор подтверждает отсутствие публикаций и монографических работ отечественных ученых непосредственно по теме и предмету нашего научного исследования. Большей частью анализ различных точек зрения, их аргументации, взаимовлияния, достаточно сложен, поскольку отсутствуют сколько-нибудь цельные работы по данной теме.

¹ Верник А.А. Культурно-бытовой уклад русского сельского старожильского населения Хакасско-Минусинского края (вторая половина XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2000.

² Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение: учебное пособие для учащихся и студентов. – Красноярск: Амальгама, 1999. – 186 с.; 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – 335 с.

Глава 3.

СУБЭТНОС РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ И ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СИБИРИ

3.1. ГИПОТЕЗА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно методологическим принципам исторической науки в процессе познания имеют равное значение «взаимодополняющие способы индукции и дедукции». Дедуктивные посылки научной гипотезы позволяют осмысливать условия генезиса и эволюции предмета исследования в историческом измерении. В качестве системы дедуктивных посылок сформулирована рабочая гипотеза исследования, текстуально оформившая предварительное видение процесса духовно-нравственного формирования и эволюции культуры русских старожилов Сибири.

Для начала мы исходим из постулата, что существенной особенностью российской истории на всех этапах был факт непрерывной колонизации русским населением «новозанятых земель». Первоначальное земледельческое освоение славянами ареала Восточно-Европейской равнины началось в VII–VIII вв. и продолжалось до XII–XIII вв. Дальнейшая эволюция хозяйства шла в русле формирования устойчивого трехполья, развития инфраструктуры селений и путей сообщения. К XVII–XVIII вв. регионы Европейской России относились

к «старопашенным», а процессы колонизации переместились в основном за Урал, в Сибирь. Колонизационные процессы на «новозанятых» сибирских землях опирались на предыдущие достижения культуры.

Проблемами российской колонизации успешно занимался историк М.К. Любавский (1860–1936). Он писал: «Начальная колонизация Восточной Европы и начальная колонизация Сибири сливаются в одно однообразное многовековое поступательное движение русского населения на восток...». Знакомясь с трудами Любавского, мы поразились высказыванию ученого о том, что, исследуя процесс освоения Сибири, «невольно переносясь мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.»¹.

Формирование «русской Сибири» во многом воспроизводило процессы первоначального земледельческого освоения центральных районов России. Использование «старых» технологий земледелия («подсека», «перелог», «двуполье»), освоение пашен 1–2 «малыми» семьями, из которых «вырастали» будущие общины, локальная изолированность – это далеко не полный перечень повторяемых элементов «старой» колонизации. Однако наиболее интересным аспектом повторения «русской колонизации Восточной Европы» в сибирских условиях XVII–XVIII вв. является вторичный процесс системной адаптации к нетрадиционным факторам окружающей среды.

¹ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизаций. – СПб.: Лань, 2000. – С. 15–16, 240–241.

Говоря о сходных процессах колонизации и адаптации русских людей к условиям «новозанятого» края, поражаешься точности и емкости дефиниции понятия «адаптация», предложенной ученым-этнологом Э.С. Маркаряном. «Адаптация есть процесс проигрывания процесса освоения окружающего пространства в целях обеспечения психологического равновесия с опасностями среды «по отработанным сценариям»¹. Следовательно, задачи психологической адаптации востребовали опыт и «отработанные сценарии» предков, бережно хранившиеся в культурных традициях. Поэтому в основу нашей гипотезы генезиса и эволюции культуры, ментальности и субэтнического характера русских сибиряков положено взаимодействие культур и ментальностей, разделенных историческими эпохами. В последующие эпохи на первое место выходит взаимодействие ментальностей «великорусской» и «старожильческой».

Ментальность великорусских крестьян к XVI–XVIII вв. была полностью адаптирована к окружающей среде Европейской России. Традиционное сознание обеспечивало адекватное психологическое равновесие в условиях воспроизводства «старопашенной» окультуренной среды. Однако с приходом субъектов – носителей окультуренной среды в Сибирь прежний психологический комфорт оказался нарушенным. Опасности экстремальной среды не могли быть нейтрализованы привнесенными традициями. Поэтому в Сибири XVII–XVIII вв.

¹ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. – С. 81.

должны были быть востребованы архаичные традиции и элементы культуры, несколько столетий назад служившие культурно-психологическим базисом освоения новых земель. Одновременно в него включены в качестве этнокультурного опыта все компоненты материального и духовного инструментально-технологического освоения новых территорий. Это и способы выживания, технологии природосообразного хозяйствования и формирования среды «кормящего ландшафта» производящего типа, эмпатии и взаимодействия с автохтонными этносами Сибири. Важным был опыт славяно-русской языческой культуры, верований, обрядов, праздников и ритуалов.

Культурные традиции времен «русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.» продолжали сохраняться в качестве наработанных условий выживания этноса. Архаика воспроизводилась в праздничной обрядности и повседневных верованиях, в фольклорных традициях. Несмотря на разницу в динамике политических и социальных процессов, славянский этнос VII–IX и русский этнос XVII–XVIII вв. имели единые корни и стереотипы – значения в культуре, существовали в условиях традиционной цивилизации. По-прежнему в сознании людей мир был двухкомпонентным, с борьбой сил «добра» и «зла», а территория вне материнской ойкумены русских была зоной «разлитого зла» и господства хаотического начала мира¹.

¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – С. 766–767.

Выводы культурологов гласят, что «основные черты исторического развития будущего этноса... программируются в доисторический период, отмеченный образованием национальной мифологии». Одновременно налицо повторяемость «типологически сходных культурно-исторических ситуаций, имеющих развитие по близким сценариям». Повторяющееся, общее составляет основу традиций, «культурно-исторической преемственности и традиционного национального сознания культуры»¹.

Согласно положениям исторической этнопсихологии мифологические установки этнической культуры в условиях экстремальных факторов и автохтонного окружения возрождались в качестве инструмента психологической адаптации к факторам среды. Смыслом бытия традиционного человеческого коллектива становится спасение мира, противостояние хаотическому началу». Элемент оппозиции «чужие» («они») угрожает миру, порядку и нарушает общепринятые правила. Элемент «мы» был тесно связан с культурой, традициями своей этнической общности, поэлементно и понятийно классифицирован. Сохранение своего «мира» требовало выполнения особых обрядов и ритуалов, являющихся смыслом жизни и миропорядка. Поэтому традиционная культура выступала в качестве важнейшего условия существования этноса. С формированием «освоенного» мира завершается психологическая адаптация.

¹ Кондаков И.В. Культура России. – М., 1999. – С. 28, 73.

Отсюда в процессе адаптации к факторам среды Сибири элементы ментальности членов таксономической группы эволюционировали или претерпевали трансформацию¹.

Таким образом, с позиций исторической этнологии и этнопсихологии процесс освоения сибирского края в XVII–XVIII вв. – это преобразование внешнего «хаоса» в «окультуренный мир» («русскую Сибирь»). Архаические установки и «отработанные сценарии» явились основой психологической комфортности традиционного сознания сибиряков. Именно этноисторические истоки славянских архетипов культуры явились важнейшим базисом духовно-нравственного формирования субэтнуса русских старожилов Сибири. Древние праздничные обряды, ритуалы «охранительного» характера укрепляли духовные силы человека в борьбе с силами «зла».

Свой социум в ментальности крестьян-старожилов воспринимался прежде всего в границах сообщества самоуправляющихся общин. Община должна была служить условием благополучия и защищенности от вмешательства «чужих», регулятором взаимоотношений «своих» в представлениях в «картине мира» и гарантом сохранения традиций. Община, воспроизводила в последующих поколениях адаптированную культуру, систему ценностей своего мира. В сознании русских сибиряков формировалась система ценностных показателей, характерных для успешной жизнедеятельности

¹ См.: Лурье С.В. Историческая этнология... С. 217, 236; Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. – М., 1994. – С. 27–29.

членов сообщества. Это способности человека обустроить «свой» малый мир – домохозяйство, достижение общепринятого уровня жизни, соблюдения общепринятых норм обычного права. Верования, обычно-правовые представления, нравственные идеалы, представления о будущем влияли на систему целенаправленных действий, на повседневные стереотипы поведения людей. В подобных замкнутых сообществах «не по моральному убеждению, а по традициям, бытующим в данной среде, совершается известный поступок», – писал известный психолог П.М. Якобсон³⁷.

Сохранение архетипных ритуалов, ежегодно проигрывавших процессы зарождения мира и воспроизводства жизненных сил, должно было проявляться в круге народных сибирских праздников. Логически оправданное суждение о превалировании языческого компонента над православным в «картине мира», в трудовой и праздничной обрядности. Задачам психологической адаптации в Сибири более адекватно соответствовали древние языческие компоненты двоеверия². Таким образом, в нашей гипотезе архетипные мифологические стереотипы в традиционном сознании сибирских крестьян считаем важнейшими инструментами адаптации и преодоления внешнего «хаоса».

Процесс освоения Сибири диктовался прагматичными причинами. Мы не должны забывать, что здесь складывались условия реализации «вечного»

¹ См.: Лурье С.В. Историческая этнология... С. 217, 236; Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. – М., 1994. – С. 27–29.

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 782.

социального идеала свободной, сытой жизни, условия свободного труда «на себя» с реальными результатами. Рациональные цели колонизации новых земель мотивировали установки изучения и необходимости адекватных оценок окружающего мира. Однако бинарные процессы определяли эволюцию традиционного сознания сибирских крестьян во взаимодействии архаичных иррациональных и рациональных компонентов. Но в этом состояло условие одновременного решения задач материальной и психологической адаптации.

Таким образом, процесс адаптации во взаимодействии с факторами Сибири привел к формированию нового миропонимания, новых стереотипов поведения, адаптированного самосознания. Таковы характеристики научной гипотезы исследования, определявшие парадигмы гипотетико-дедуктивных методов исследования традиционного сознания русских старожилов Сибири.

3.2. ВЗАИМНАЯ СИСТЕМНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКИХ СИБИРЯКОВ И ФАКТОРОВ СИБИРИ

Многочисленные труды по истории и этнографии засвидетельствовали факт значительных изменений в хозяйственной жизни, общинном устройстве, бытовой культуре, одежде, пище русских Сибири. Происходило это в условиях непрерывного приспособления русских «засельщиков» новых земель на восточных окраинах ареала традиционной русской культуры. Под воздействием факторов среды утверждались адаптированные

хозяйственные умения и навыки, социальные связи, культурные традиции. Одновременно в процессе освоения края менялись и факторы среды. Поэтому под адаптацией «понимается процесс взаимного приспособления между культурой и средой в целях выживания и стабильности социальной системы»¹.

При этом традиционная адаптивная культура эволюционировала в адаптированную культуру, а этническая группа приобретала свойства новой таксономической единицы этноса. На основе поэлементного анализа представлений и установок материальной и духовной культуры старожилов можно выявить динамику и итоги изменений. В XVII – первой половине XVIII в. сибирские земли стали неотъемлемой частью Российского государства, при этом на территории Приенисейского края процессы освоения притрактовых и южных районов затянулись до последней четверти XVIII в. Феномен русской колонизации сопровождался формированием постоянного земледельческого населения на осваиваемых землях. Многие этнические традиции в оценках и действиях не вполне соответствовали новым факторам, что мотивировало трансформацию материальной и духовной культуры. Активное восприятие инноваций, адекватных новым потребностям, во взаимодействии с этническими культурными традициями служило выработке ответных мер по нейтрализации и преодолению негативных факторов среды.

¹ Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 228.

В адаптивных процессах созидательное значение принадлежало русской этнической культуре как особой «технологии выживания», «технологии освоения естественных ресурсов и формирования социальной структуры»¹. Опыт этнической культуры помогал в становлении адаптированной общности, в преемственности устойчивого материального производства, социальных отношений, духовности. Российский ученый Г.В. Вернадский обобщил комплекс факторов влияния среды на историю и культуру народа в понятие «месторазвитие». Он определил его «как совокупность социально-исторических и географических признаков определенной среды обитания, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общезжития, развивающиеся в этой среде»². Мы систематизировали всю «совокупность признаков среды обитания» с учетом их комплексного влияния на традиции, жизнедеятельность, сознание русского населения Сибири. Факторы влияния, активно воздействующие на русских переселенцев во взаимной адаптации, имели в сибирских условиях иной, чем в Европейской России, набор типологических признаков. В данном варианте классификации нами выделены три группы факторов:

а) сибирские адаптивные по отношению к переселенцам из Европейской России ландшафтные, природно-географические, климатические, автохтонные полиэтнические и этнокультурные факторы;

¹ Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 228.

² См. по кн.: Кондаков И.В. Культура России. – М., 1992. – С. 46.

б) внешние адаптивные, в том числе и российские, по отношению к Сибири и русским сибирякам-старожилам, исторические, политические, экономические, социальные, демографические, религиозные и этнокультурные факторы;

в) внутриобщинные адаптивные экономические, демографические, социокультурные, ментальные, нормативно-поведенческие социализирующие факторы по отношению к крестьянской старожильческой молодежи и новым переселенцам.

Наибольшее влияние на формирование хозяйственной инфраструктуры, приспособительную изменчивость и традиционное сознание старожильческого населения в комплексе внутрисибирских адаптивных оказали естественно-географические, природные факторы¹. На специфику адаптации русских крестьян накладывали отпечаток конкретные сочетания природных зон и областей, речной сети, рельефа местности и характера почв, наличие очагов заболеваний. Сибирские ландшафты, расстояния, речная система существенно влияли на земледелие и животноводство, жилища и транспорт. Они обусловили формирование адаптированных представлений о влиянии факторов среды на людей.

Велико влияние природно-климатического фактора на формирование образа жизни, характер питания и комплекс одежды русского населения Сибири. Однако историк В.О. Ключевский обратил пристальное внимание на взаимосвязь климата и особенностей русского национального характера.

¹ Русские старожилы Сибири. – М., 1973. – С. 165–166.

Экстремальность климата Европейской России выражалась, по его мнению, в том, что здесь «разность температур между зимой и летом... не менее 23 градусов, но местами... до 35 градусов»¹. В сравнении с данными показателями на территории Приенисейского края средняя температура января колеблется от -18-22 до -30-35 градусов, средняя температура июля – от +20 до +30 градусов. Отсюда перепад температур составляет от 35-38 градусов до 65 градусов. Перепад же подлинно экстремальных температур доходит до 85-95 градусов (летние температуры до +38; зимние – до -55-60 градусов).

Крайне неблагоприятно действуют на организм человека суточные перепады температур. В осенний и весенний периоды они доходят до 15-20 градусов (от +10 днем до -10 ночью). Естественно, приспособление к сибирским климатическим факторам вырабатывало устойчивость иммунитета, культуру закаливания, производило в течение ряда поколений отбор людей с «сибирским здоровьем». Сибирский климат существенно влиял на систему ценностного оценивания объектов и явлений внешнего мира. Экстремальные условия способствовали формированию стойкости, выдержки, самообладания. Условия борьбы за выживание закрепляли устойчивость психики человека и установки на собственные силы². Сибирская поговорка гласит: «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, а кто мороза [умеет] хоронится».

¹ Ключевский В.О. Соч. – М., 1987. – Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 66.

² Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 14-17.

К факторам экстремального характера можно отнести обширные пространства тайги и степей, глубокий снежный покров, болотистые пространства и горные равнины. В XVII–XVIII вв. к наиболее серьезным препятствиям на пути хозяйственного и культурного освоения сибирского края относилось отсутствие развитой сухопутной дорожной инфраструктуры. И в течение полутора-двух столетий русское население Сибирского края активно преодолевало воздействие природно-ландшафтных факторов.

Важнейшим условием и показателем приспособления русских сибиряков к неблагоприятным природно-климатическим факторам прежде всего служит жилище, адаптированное к локальным особенностям среды. О высокой степени адаптивности русских сибиряков свидетельствует многообразие видов кожаной и меховой одежды и обуви.

Историко-этнографические исследования подтверждают, что в эволюции одежды «под влиянием климатических условий и в процессе общения с аборигенным населением возникли локальные варианты. Сочетание разнородных черт придавало одежде русского сибирского крестьянства неповторимость и своеобразие»¹. Факторам климата Сибирского края адекватно соответствовали как традиционно русские, так и заимствованные элементы местной культуры: меховые бокари, унты, хамчуры, курмы и дохи.

¹ Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX вв. – М.: Наука, 1981. – С. 142–182.

В процессе формирования новой хозяйственно-бытовой инфраструктуры удалось значительно нейтрализовать и наиболее негативную психологическую «чуждость» среды. Показателем окончательного преодоления ее в сознании русских сибиряков является перемещение образа Сибири в позитивный компонент этнических констант¹.

В «картине мира» оценка суровых условий Сибири и ее экстремальности служила русским переселенцам для объяснения культурной «инакости» автохтонного населения. Историк Е.А. Ерохина пишет об этом: «Отношение русского населения к представителям коренного можно охарактеризовать как снисходительное». Проявления «странностей» и необычности в их культуре «объясняли суровыми условиями окружающей среды», которая наложила отпечаток «дикости» на образ жизни².

Не менее значимыми для русских людей на начальном этапе освоения Приенисейского края были внешнеполитические (точнее, геополитические) факторы. В ходе колонизации русскими данной территории политическая борьба, расстановка сил и отдельные этапы ее во многом определялись соперничеством с киргизами, Джунгарией, Северомонгольским государством, Цинским Китаем. Только в ходе вооруженного противостояния и силового разрешения данной проблемы в течение XVII в. «Южная Сибирь, бассейн Верхнего

¹ Цит. по: Очерки общественного движения в Сибири // Вестник знаний. – СПб., 1908. – № 5. – С. 608.

² Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998. – С. 13.

и частично Среднего Енисея... в XVIII в. стали неотъемлемой частью России»¹. Внешние по отношению к адаптивной культуре русского населения, автохтонные факторы частично уничтожались (наиболее агрессивная часть местного «немирного» населения) или переводились в разряд «своих». Многие экстракультурные элементы одежды, пищи, жилищ, обычаев и верований аборигенов стали использоваться в целях выживания, вошли в состав инноваций. Одновременно происходило культурное «русифицирование» местных народов, русский «инокультурный» элемент вводился автохтонным населением в компонент сознания «своей культуры»².

Существенное влияние на этнокультурное сближение русских и местного автохтонного населения оказывала христианская церковь. Благодаря крещению в глазах русских местные «инородцы» воспринимались «своими»; в свою очередь, у аборигенного населения менялось мировоззрение. Психологическое сближение русского и автохтонного населения шло по линии взаимного признания нравственно-этических ценностей. Наиболее добрососедские контакты складывались с теми народами, которые, по мнению русских, «отличались трудолюбием», но одновременно их «ценили за взаимопомощь, уважение родителей, почитание предков». Итоги взаимного сближения позволяют говорить о завершении этнокультурной адаптации русских сибиряков и «инородцев». Но результаты

¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 33–47.

² История Сибири. – Л., 1968. – Т. 2. – С. 363.

взаимодействия этнических и культурных адаптентов во многом зависели от соотношения и компактности проживания русского и местного населения.

Этнологи сделали вывод, что в общем по Сибири влияние местного населения на формирование социума старожилов составляет не более 5–10 %. На территории Западной и Центральной Сибири не возникли обширные смешанные популяции русских и местных этносов. Однако в населении Забайкалья доля бурятской крови составляет до 40 %. Именно вследствие этого здесь сформировалась смешанная этнографическая группа «гуранов».

Результаты генетической адаптации под воздействием антропологических и климатических факторов изучены очень слабо, однако авторы работы «Русские старожилы Сибири» сделали вывод: «Русские Сибири, несмотря на то, что пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и носа... Размах колебаний признаков в сибирских группах в полтора раза меньше, чем у русских европейской территории страны... Каждая категория русского сибирского населения имеет некоторые свойственные только ей черты»¹.

Степень адаптивного воздействия местных народов на материальную и духовную культуру русских старожилов достаточно высока. Она зафиксирована во множестве элементов хозяйственной

¹ Русские старожилы Сибири... С. 119.

деятельности, одежде, пище, народной медицине, верованиях, говоре русских сибиряков. В течение жизни первых трех-четырех поколений сибиряков русская адаптивная культура видоизменилась в старожильческую адаптированную культуру.

Мы учитываем, что хронологические рамки работы приходятся на период существенных инновационных изменений в экономической и общественно-политической жизни в Европейской России в XVIII–XIX вв. С завершением процесса оформления социума русских старожилов российские адаптивные факторы перемещались в разряд внешних факторов по отношению к старожильческим «обществам». Одновременно культура Европейской России, ускоренно эволюционировавшая в XVIII–XIX вв., все более воспринималась как «чужая». Для потомственных старожилов становилась традиционной «своя» адаптированная культура. Для крестьян-старожилов Приенисейского края и в целом всей Сибири жизненно важными становились задачи сохранения баланса старожильческих (традиционных), русских (этнических) и российских (инновационных) компонентов народной культуры.

В условиях адаптации с XVII в. вырабатывались приемлемые установки поведения субъектов сибирской истории по отношению к представителям центральной и местной власти в целях защиты и сохранения своего социума. Поэтому российские политические факторы проявлялись в качестве внешних, инновационных, воздействующих на адаптированные ценности старожилов.

История «Красноярской шатости» 1695–1698 гг. является блестящим доказательством адекватных действий в контексте «проигрывания сценария» использования противоречий между центральной и местной властями. В ответ на притеснения «жители Красноярска «отказали» трем воеводам... и выбрали свое казачье самоуправление». При проведении расследования новый воевода П. Мусин-Пушкин установил, что «красноярцы» единой силой выступили против «ссылных воров, и которые были с воеводами» и «от воеводства отказали». По словам историка С.В. Бахрушина, красноярцы заставили Москву возложить всю вину «на воевод, которые, мстя за поданные на них челобитья, хотели тот Красноярский город... разорить»¹.

Противоречия в процессах взаимной политико-административной адаптации центральной власти и сибирских территорий отразились в многочисленных реорганизациях. К началу XIX в. окончательно закрепилось признание центральной властью специфики административного положения Сибири в составе Российской империи. Упорядочение системы управления на основе внутренних итогов освоения края завершилось по результатам ревизии видного реформатора М.М. Сперанского. Он тонко подметил социокультурные особенности ряда регионов края, сложившиеся в процессе первоначального освоения Сибири в границах пяти земледельческих очагов. Административное выделение Енисейской губернии окончательно закрепляло итоги «создания особой конфигурации

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1959. – Т. IV. – С. 178–192.

в группировке населения» и констатировало существующее деление на «земли». Косвенным признанием взаимного «соглашения» о границах сложившейся «группировки населения» мы считаем предписание, данное М.М. Сперанскому императором: «Сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края»¹.

Отсутствие крепостного права в Сибири, личная свобода крестьян, существенный фонд свободных земель были важнейшими факторами формирования новых социальных отношений. Превалирование среди переселенцев крестьян Русского Севера позволяло практически реализовать традиционные устойчивые представления русских крестьян о правах и свободах. Столкновение «сибирских» представлений с «российскими» в субъективной картине мира подтверждают записки ученого-путешественника второй четверти XVIII в. И.Г. Гмелина. Он негативно оценивал представления сибиряков о роли экономического принуждения в земледелии: «Земля благословенна, а людей не заставляют работать...». В то же время он явно не замечал преимущества свободного труда и считал, что крестьяне «выгоды получают за счет плодородия здешней почвы...». Его поразила иной, чем в России, тип социальных отношений в Красноярске: «Служивые живут с воеводой... по-панибратски»².

¹ Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформа в Сибири // Вестник Европы. – 1976. – № 5. – С. 94; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб., 2000. – С. 21.

² Записки И.Г. Гмелина и С.П. Крашенинникова о пребывании в Красноярске представлены в кн.: Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII – XVIII вв. – Красноярск, 1981. – С. 136–137.

Сибирские крестьяне сохранили значительные личные и имущественные права, в отличие от крестьян Европейской России. Даже в условиях закрепления крестьян на государственной пашне власти не смогли обеспечить господство крепостнических отношений. В дальнейшем все более выявлялось несоответствие норм землепользования реальным владениям домохозяев. Противоречие разрешалось тем, что государство соглашалось с традициями обычного права при условии выполнения крестьянами обязанности освоения новой территории. Сибирская община жила более по неписанным традициям предков в согласовании с Законами Российской империи. Показателем иного, адаптированного права на землю становилось несоответствие между отводом земли государством за тягло и обычаем «захватного» потомственного владения и распоряжения угодьями.

С началом сибирской колонизации в динамике процессов освоения преобладали политические и пушно-промысловые цели. Вследствие этого в первой половине XVII в. преобладала неукорененность «государевых» и «промышленных» людей, хищническое истребление пушного зверя на «чужих» землях. В источниках этого времени фигурируют многочисленные описания голода, повсеместная нехватка хлеба. На первых порах и с началом сибирского землепашества еще отсутствовала адаптированная культура земледелия, адекватная инофакторным природным условиям. В психике русских крестьян в течение первых десятилетий довлели установки прежних

стереотипов – значений в традициях земледельческой культуры. Крестьяне-переселенцы, первоначально, «опираясь на привычные представления и сталкиваясь с суровой действительностью» «терпели поражение» в Сибири при воспроизведении российской технологии земледелия¹.

Земледелие становится ведущей отраслью во второй половине XVII в. Источники последней четверти XVII в. уверенно констатируют, что сибирские крестьяне «пашут не по русскому обычаю». Если стереотипы – свойства выражались в виде новых приемов земледелия «не по русскому обычаю», значит, мотивировались они изменившимся ценностным содержанием стереотипов – значений в «картине мира» сибирских крестьян. Адаптированная к сибирским условиям культура земледелия, формировалась постепенно: на основе эмпирического анализа десятков показателей качества земли, районированных климатических примет, испытания зерновых и овощных культур, пробных посевов для «опыта».

Можно считать, что в процессе взаимного приспособления культуры земледелия и среды произошла серьезная психологическая переоценка русских традиций земледелия в сознании сибирских крестьян. Следовательно, первый этап освоения края был периодом экономической (материальной) адаптации, взаимосвязанной с динамикой изменений в «картине мира» сибирских крестьян во втором-третьем поколениях.

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 97.; История Сибири. – Л., 1968. – Т. 2. – С. 61–67.

С образованием первых пяти земледельческих районов и обустройством Великого Сибирского тракта формируются единый общесибирский рынок и культурно-хозяйственный комплекс адекватного преодоления и нейтрализации экстремальных факторов («окультуренные районы»). Первые пять земледельческих районов стали новым «месторазвитием» формирующегося социума русских старожилов Сибири.

В результате этого в XVIII в. не вольный переселенец, а крестьянин-старожил «окультуренных районов» стал играть ведущую роль в заселении и освоении всей Сибири. Это проявилось прежде всего в преобладании естественного прироста русского населения Сибирского края в сопоставлении с численностью мигрантов из Европейской России².

В отличие от Западной Сибири, количественная динамика роста русского населения Приенисейского края была ниже. Если в 1722 г. здесь проживало 10,3 % русских сибиряков, то к 1795 г. этот показатель снизился до 9,6 %. Однако в показателях внутренней динамики прироста в течение XVIII в. русское население выросло в 2,3 раза. С учетом динамики рождаемости в течение 75 лет (т.е. 3 поколений) основной прирост достигнут был за счет естественного прироста старожильского населения. Дополнительно шел прирост за счет старожилов Западной Сибири.

Русское население, пройдя там первоначальную адаптацию, успешно осваивало более экстре-

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 97.

мальный Приенисейский край. Авторы коллективной монографии «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» пришли к выводу, что «Западно-Сибирский регион, отдавая большой людской контингент соседней Восточной Сибири, восполнял эту убыль с лихвой за счет притока из-за Урала»¹.

На рубеже XVII–XVIII вв. крестьянство, как ядро старожильского населения, по данным А.Д. Колесникова и В.В. Воробьева, составляло в Западной Сибири 61 %, в Восточной Сибири – 67 % всего русского населения.

В трудах историка Г.Ф. Быкони доказано, что в источниках первой половины XVIII в. в отношении потомственных крестьян Приенисейского края систематически фигурирует термин «русский старожил»².

Статистические данные говорят о том, что с конца XVII в. имеется положительная динамика внутреннего прироста за счет «старожильцев». Однако если в XVIII в. общее увеличение между I–V ревизиями прироста населения по будущей Енисейской губернии составило 2,3 раза, то в Енисейском старожильческом районе только 1,4 раза. Таким образом, отток крестьянского населения преобладал над процессом внутреннего «уплотнения» и расселения на освоенной территории. Связано

¹ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск, 1973. – С. 323, 336–337; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). – Новосибирск, 1975. – С. 61.

² Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – С. 66; и др.

это с выраженными неблагоприятными климатическими факторами и ограниченными условиями для земледелия в таежной зоне нижнего и среднего течения Енисея.

С 1703 по 1760-е гг. на территории Приенисейского края продолжился процесс земледельческого освоения южных и притрактовых районов. Анализ источников формирования крестьянского населения Хакасско-Минусинского района к середине XVIII в. подтверждает факт преобладания старожилов среди участников как приенисейской миграции, так и в пределах уезда¹. К первой ревизии 1722 г. старожилы составляли 85,7 % из числа крестьян. К 1722 г. 53,3 % старожилов продолжали участие во внутриуездной миграции.

Из общего числа пришедших в Хакасско-Минусинском районе крестьяне Енисейского уезда составляли 74,3 %, Красноярского уезда – 25,7 %. Крестьяне-старожилы Енисейского уезда, первоначально адаптировавшиеся в Средней Сибири, являлись основными носителями новой культуры на остальной территории Приенисейского края. Приняв участие в освоении юга края, они успешнее адаптировались в новой среде. Об этом свидетельствует высокая рождаемость в их семьях – 276,9 % за 1722–1745 гг. Рождаемость среди местных старожилов составляла 123,3 %. У местных старожилов в среднем в семье было 3,7 души м.п., у мигрантов из Енисейского уезда – 5,7 души. К 1745 г. все категории крестьян, зафиксированные

¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – С. 119; и др.

в 1720-х гг. по отношению к вновь прибывшим, числились местными старожилами¹.

Согласно подсчетам Г.Ф. Быкони на приенисейском юге крестьянское старожильческое население составляло к 1760-м гг. до 75 % от общего числа учтенных крестьян и разночинцев, или «почти 2/3 податных». Далее ученый делает вывод о том, что «формирование костяка русского старожильческого населения в Хакасско-Минусинском районе закончилось в 60-е гг. XVIII в.». Население южного Хакасско-Минусинского района росло с этого времени за счет высокого естественного прироста в старожильческих семьях. При этом внешний приток крестьян-мигрантов, большинство которых составляли по-прежнему выходцы из Енисейского и Красноярского уездов, давал не более 25–30 % ежегодного прироста населения. К 1860-м гг. Минусинский округ был наиболее населенным. Здесь проживало 30,5 % всех крестьян-старожилов Енисейской губернии².

С 1734 г. началось устройство трактовой дороги на территории Томского и Красноярского уездов. По подсчетам Г.Ф. Быкони, в притрактовые районы прибывало до 30 % переселенцев из других районов бассейна Енисея. При этом переселение из Европейской России составляло не более 10 %. Население сельских поселений формируется здесь как за счет крестьян, добровольно переселяющихся из Енисейского уезда, так и за счет прину-

¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. – Красноярск, 1863. – С. 214–225.

² Там же.

дительного переселения из Центральной России и Западной Сибири. Особое значение приобретало встречное движение населения с запада и с востока в Красноярский уезд. Анализ источников показал, что 3/4 населения к середине XVIII в. составляли местные старожилы и старожилы-мигранты из Западной Сибири².

К 1745 г. местные старожилы составляли 62,6 % по отношению к переселенцам и ссыльным. В старожильской семье в среднем было 4,4 души м.п., в переселенческой семье – в среднем 3,1 души м.п., у ссыльных – 1,7. Таким образом, в течение первой половины XVIII в. наблюдается рост численности членов патриархальной семьи у старожилов. Это было важным условием естественного прироста потомственного адаптированного старожильского населения. В Красноярском старожильском районе усиление миграционных движений 1750–1760-х гг. за последующие три десятилетия завершается стабилизацией численности населения в 1790-е гг. К этому времени крестьяне-старожилы составляли здесь 67,9 % всех жителей уезда. Во второй половине XVIII в. завершилось сплошное заселение русскими притрактовых областей. Учитывая государственный интерес, население района увеличилось за счет принудительного заселения «посельщиков» и ссыльных. Численность старожилов снизилась к 1782 г. до 48,6 %, но к 1795 г. вновь возросло до 62 % всего населения притрактовой полосы².

¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 140–153.

² Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. – Красноярск, 1863. – С. 214–225.

Наши обобщения показывают, что количество селений выросло за вторую половину XVIII в. с 29 до 90, прежде всего за счет центрального и восточного участков тракта в результате внутреннего расселения жителей. Несмотря на то что селений на восточном участке тракта всего 9, они довольно крупные, за 50 лет число жителей выросло в 80 раз!

За 30–40 лет второй половины XVIII в. оформились ядра потомственных групп крестьян-старожилов в селениях к западу и востоку от Красноярска, что позволяло социализировать адаптированные достижения материальной и духовной культуры в притрактовых районах. В связи с заселением и хозяйственным освоением притрактовой зоны к концу XVIII в. «старожильческие районы в бассейнах Средней Оби, Енисея и Илама впервые соединились в одно целое»¹. В 70–80-е гг. XVIII в. миграционные процессы стабилизировались и выражались во внутриуездных перемещениях крестьян-старожилов в выселки и заимочные деревни, что обеспечивало количественный рост селений центральных и южных районов края.

На основе анализа динамики формирования постоянного населения на всей территории Приенисейского края в течение XVIII в. мы делаем вывод о том, что к 1760-м гг. здесь сложилось постоянное потомственное старожильческое крестьянство, составлявшее основной костяк сельских общин. Переселение старожилов-крестьян Енисейского уезда в притрактовые и южные районы

¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. – Красноярск, 1863. – С. 214–225.

способствовало воспроизводству адаптированных форм жизнедеятельности на остальной территории Приенисейского края.

В течение первой половины XIX в. население Енисейской губернии продолжало расти значительными темпами. Так, по данным губернатора А.П. Степанова, к 1830 г. здесь числилось 50 235 государственных крестьян. Можно считать, что всего крестьян обоего пола было до 100 тысяч человек. В 1830–1860-х гг. (за 30 лет) процесс естественного прироста сельского старожильческого населения составляет не менее 120 тысяч человек. Тогда с учетом естественной смертности численность старожилов будет составлять от 200 до 220 тысяч душ обоего пола. В 1863 г. в Енисейской губернии проживало 249 986 душ крестьян обоего пола. Разница в числе лиц крестьянского сословия, прибывших по переселению, и причисленных к крестьянам ссыльных составила около 30 тысяч душ обоего пола (12 %). Поэтому можно сделать вывод о подавляющем количественном превалировании крестьян-старожилов в течение первой половины XIX в.

Таким образом, с 60-х гг. XVIII в. на территории Приенисейского края сформировалась устойчивая общность крестьян-старожилов, в основном принадлежавшая к русскому этносу. Приток переселенцев из Европейской России был крайне незначителен по сравнению с естественным приростом и внутренней миграцией старожильческого населения. Поэтому мы делаем вывод, что русские крестьяне-старожилы как системная таксономи-

ческая единица этноса на территории Приенисейского края являются исторической реальностью в исследуемый период. Это позволяет говорить о формировании у крестьян-старожилов как субъектов-носителей традиционного сознания, адаптированного к сибирским факторам, и приступить к его последующей реконструкции. На степень трансформации этнической культуры, традиций, этнического сознания в процессе адаптации влияло конкретное сочетание воздействующих факторов и локальных культур переселенцев из России.

Несомненно, культура русских сибиряков Приенисейского края включала в себя конкретный результат материальной, социальной и психологической адаптации, выразившийся в формировании определенного образа жизни. Формирование образа жизни социальной группы детерминировалось «их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями жизни» и было мощным социализирующим фактором старожильской культуры. Адаптированные внутриобщинные социальные факторы оказывали влияние на воспроизводство традиционного сознания в новых поколениях крестьянской молодежи. Одновременно адаптированные «привычки, идеалы и принципы» служили факторами социализации «российских» крестьян-переселенцев в среду старожилов.

В дореволюционных работах И.С. Гурвича, А.А. Кауфмана неоднократно приводились описания превращения вольных переселенцев из Европейской России в средних или зажиточных

домохозяев. Красноярский историк В.А. Степынин, подытожив выводы авторов XIX в., определил сроки заведения домохозяства – от 3 до 7 лет. Он выделил почвенно-климатические, финансово-экономические и социальные условия, «необходимые для организации хозяйства переселенцем без ряда оговорок»¹. «Ряд оговорок» трактуется нами как внутриобщинные факторы психологической и культурной адаптации переселенцев.

Динамику хозяйственной и психологической адаптации переселенцев 50–80-х гг. XIX в. под воздействием «старожильческих» факторов, анализируем на основе реконструкции динамики «осибириячивания» реальной крестьянской семьи.

История адаптации крестьянина д. Жербатихи Курагинской волости Минусинского округа Михаила Ильича Щелкунова может служить примером благополучного закрепления в Сибири. По итогам подворного обследования крестьян-старожилов в 1890 г. состав семьи М.И. Щелкунова был следующим: домохозяин (М.И. Щелкунов. – *Н.Д., А.Б.*) – 51 год, жена – 50 лет, мать-вдова – 75 лет, три женатых сына с невестками, четвертый сын – 12 лет – и три малолетних внука. В домохозяйстве имелась усадьба размером 40 на 40 сажен (в метрической системе 85 на 85 метров. – *Н.Д., Б.А.*), огород, 60 десятин пашенной земли, из которых засеивалась 31 десятина. Накашивалось по 600 копен сена. Для перепродажи ежегодно покупалось до 100 голов скота. Нанимались работники: 2 годовых и 1 сезонный.

¹ Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962. – С. 214–215.

Михаил Ильич Щелкунов, родился в 1839 г. в семье крестьянина-середняка Пермской губернии, в 1852 г. в возрасте 13 лет прибыл с родителями в Сибирь. В подростковом возрасте вместе с отцом «занимался смолокурением и выгонкой дегтя, затем завел и развил хлебопашество», впоследствии «торговал хлебом до Енисейска». В возрасте 24 лет, женившись на дочери местного старожилы, Михаил Щелкунов «породнился» с членами крестьянского «общества». Из «подворных записей...» известно, что к началу 1880-х гг. домохозяйство М.И. Щелкунова не только числилось в составе старожильческих, но и по экономическим показателям выделялось среди других в данном селении.

Первым важным условием в позитивной адаптации семьи Щелкуновых было происхождение из государственных крестьян-середняков Пермской губернии. Вторым фактором превращения в зажиточных сибиряков явилось заселение в старожильческую деревню Жербатиха Курагинской волости, основанную в середине 1820-х гг., в ходе внутригубернской миграции. Немаловажную роль в укреплении статуса семьи в Жербатском сельском «обществе» сыграли позитивные родовые качества Щелкуновых: трудолюбие, настойчивость, готовность браться за любую работу, коммуникабельность и отзывчивость. Женитьба на местной сибирячке также явилась важным условием ускоренного вхождения в старожильческое сообщество.

В контексте нашего исследования важен анализ психологической адаптации переселенцев Щелкуновых в 1852 – 1890 гг. Косвенные данные позво-

ляют говорить о позитивной динамике в формировании нового самосознания. Во-первых, на момент переселения в Сибирь в 13 лет у Михаила Щелкунова не вполне закончилось формирование выраженной «российской» идентификации. Период взросления его проходил в течение 10 лет (1852–1862) в старожильческой среде, в кругу сверстников-подростков. В деревне, насчитывавшей в 1855 г. 25 дворов, находившейся от волостного центра в 35, а от уездного в 90 верстах, процесс адаптации прошел в границах традиций «замкнутого мира». Женитьба на 23-летней девушке из старожильческой семьи в 1863 г. напрямую свидетельствует о признании Михаила «своим» сверстниками-старожилами. К этому времени он в течение 5–6 лет участвовал вместе с отцом в сходах общины наравне со всеми членами крестьянского мира. К середине 1870-х гг. Михаил Ильич утверждается в статусе главы домохозяйства.

Данные о высоком уровне хозяйствования («торговал хлебом до Енисейска») относятся к 1875–1885 гг. В хронологическом наложении десятилетие 1875–1885 гг. приходится на 23–33-й годы проживания М.И. Щелкунова в Енисейской губернии. В 1880 г. у М.И. Щелкунова подрастали сыновья 16, 14, 12 лет, которые по факту своего рождения в Сибири считались «сибиряками-старожилами». Старший сын Егор Михайлович женился в 1886 г. на старожилке с. Имисского и в 1890 г. имел дочь 3 лет. Через 10 лет он продолжил торговые операции отца, развернув несколько торговых лавок в соседних селениях Курагинской волости.

Таким образом, в течение 20–30 лет завершился процесс материальной, социальной и психологической адаптации семьи Щелкуновых в старожильской общине¹.

Возобновление «мини процессов» адаптации последующих поколений переселенцев XIX в. происходило в благоприятных условиях материальной и психологической поддержки со стороны старожилов. Однако от переселенцев требовалось позитивное восприятие традиционных ценностей сибирской крестьянской общины. Источники подтверждают, что мир старожилов был мощным фактором воздействия на сознание переселенцев. «Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются... непрерывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами, как поступать на сибирской почве, как пахать землю, наконец, даже советами, как говорить не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и советов, подтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, и не далее как следующее поколение считает себя коренными сибиряками»².

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. – Иркутск, 1890. – Т. IV, вып. 5–6. – С. 348; В начале XX в. среди зажиточных «торгующих крестьян» Имисской волости назван Егор Михайлович Щелкунов. См.: Справочная книга по Минусинскому уезду за 1912 год. – Минусинск, 1912. Биографические изыскания были проведены нами в ходе полевых исследований. Е.М. Щелкунов в начале 1920-х гг. «был лишен права голоса как антисоциальный элемент» и в 1930-х гг. репрессирован.

² Кауфман А.А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. – 1891. – С. 37; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Спб., 1892. – С. 126.

Стереотипы поведения, принятые в старожильской общине, являются существенной частью традиций. Психолог М.П. Якобсон писал, что «по традициям, бытующим в данной среде», «подражанию определенному образцу поведения, следованию примеру» трансформируются прежние установки поведения. Поэтому под внешним социализирующим воздействием меняется содержание ценностей и структуры элементов субъективной картины мира. Переселенцы «быстро уступают местным обычаям» (т.е. воспринимают местные стереотипы поведения) и через два-три десятилетия у них закрепляется новое самосознание.

«Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» дают возможность сравнить с официальными оценками наши выводы о хронологических границах адаптации переселенцев. Во второй половине XIX в. к категории крестьян-старожилов относились прежде всего «такие крестьяне, которые родились уже в Сибири». «Добровольные переселенцы» включались в состав старожильского населения по прошествии 25 лет проживания в Сибири. Непременным условием включения данной категории крестьян в статистические данные по старожильской группе считалось их проживание в старожильском селении. Одновременно ставилось важное условие – для переселенцев был необходим «совершенный достаток для полной экономической ассимиляции их старожилами».

Переселенцам, поселившимся коллективно во вновь образовавшихся селениях, необходимо было прожить в Сибири от 25 до 50 лет для признания их старожилами¹.

Однако по итогам массовых обследований крестьянских хозяйств 1880–1890-х гг. экономист и статистик А.А. Кауфман предложил свое видение структуры крестьянства Сибири. Это «новоселы» – крестьяне, прибывшие из Европейской России не более 15–20 лет тому назад, «крестьяне-староселы» – та часть сибирских крестьян, которые пришли сюда более чем за 15–20 лет, и «крестьяне-старожила», живущие в крае уже несколько поколений². Общепринятая трактовка понятия «старожила» гласит, что это категория потомственных крестьян, заселившихся в Сибири в дореформенный период. Мы считаем, что в данной интерпретации понятие «старожила» имеет характер статической величины. На наш взгляд, социум сибирских старожилов действительно представлял собой динамично развивающуюся категорию. Он включал как потомственных крестьян, так и вольных переселенцев, в течение 25–50 лет переживших процесс экономической, социальной и психологической адаптации.

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Иркутск, 1893. – Т. IV, вып. 1. – С. 48.

² Кауфман А.А. Сибирь: Население // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.Ф. Брокгауза, И.А. Ефрона. – Спб., 1900. – Т. 29а, кн. 58. Ст. 762 – 764. (Цит по: Зверев В.А., Кузнецова Ф.С. История Сибири: хрестоматия по истории Сибири: учебное пособие. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2003. – Ч. 1: XVII – начало XX века. – С. 119.)

Поэтому в качестве альтернативных нам ближе формулировки А.А. Кауфмана, рассматривавшего этапы «осибирячивания» «российских» крестьян в динамике последовательной адаптации. Однако анализ глубинных процессов поэтапной адаптации русских «засельщиков» на первом этапе сибирской истории заставляет нас выделить особую группу «старожилов». Это «чалдоны» – первопроходцы в ходе освоении сибирского края в XVII – первой половине XVIII в. – и их потомки в последующих поколениях. Вклад данной категории русских сибиряков поистине неоценим.

Таким образом, на территории Приенисейского края социум русских крестьян-старожилов сложился к 60-м гг. XVIII в. как историческая реальность, обладавшая адаптированной материальной и духовной культурой. Данная адаптация имела перманентно выраженный характер и проходила под комплексным воздействием факторов среды и социализирующих факторов формирующегося сообщества. Итогом взаимного приспособления стало формирование новой «окультуренной» среды («кормящего ландшафта», или «месторазвития» эволюционирующей этнической группы). В Европейской России базовым «месторазвитием» русского этноса являлась земледельчески окультуренная среда. Однако иные воздействующие факторы, исторические и социально-политические условия не могли изначально позволить воссоздать прежнее «месторазвитие» в Сибири в XVII–XVIII вв. Здесь в процессе взаимного воздействия русской этнической культуры и «ино-

факторной» среды создавалось «месторазвитие» с новыми характеристиками¹. В ментальности сибиряка в процессе адаптации эволюционировали и прежние представления о российском «кормящем ландшафте», технологии земледелия, технологии «окультуривания» среды. Иной характер взаимодействия человека с объектами и явлениями окружающей среды формировал новое содержание ценностей субъективной «картины мира», иные традиции, обычаи и обряды, иные стереотипы поведения.

3.3. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ОБРАЗ СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛА В РАБОТАХ XIX в.

В течение XIX в. в сибиреведении особое место стало занимать комплексное изучение природы, социального и культурного развития. Это было время взлета исследовательской мысли и практической деятельности в изучении истории, географии, этнографии, культуры Сибири. Во всех уголках от Урала до Тихого океана появилась блестя-

¹ Понятие «кормящий ландшафт» ввел в научный оборот Л.Н. Гумилев в качестве обозначения социогеографического пространства, ареала формирования и проживания этнической общности. Г.В. Вернадский предложил использовать для обозначения географических факторов окружающей среды и социально-исторических факторов взаимодействующего с ней этноса термин «месторазвитие». На наш взгляд, второе понятие более соответствует задачам исторической науки и в дефиниции, и в процессуальном использовании самого слова. Поэтому мы считаем возможным применение значений в контексте общей терминологии междисциплинарного исследования – «адаптивное месторазвитие» (среда освоения) и «адаптированное месторазвитие» (освоенная среда).

щая плеяда поэтов и писателей, ученых и публицистов, сотрудников ИРГО и музеев и общественных деятелей. Все они в разной степени значимости и результатов внесли общий вклад в комплексное изучение огромного края. Обращение к публицистическому и научному наследию представителей сибирской интеллигенции второй половины XIX в. позволит нам в полноте взглянуть на исследование особенностей этнотипа «русского сибиряка» («сибирского старожил»).

Попытки углубленного изучения итогов адаптации русских в Сибири, формирования локальных групп на основе внутри- и межэтнических факторов, этнопсихологических характеристик русских старожилов одними из первых были комплексно представлены в трудах А.П. Щапова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева. Они являлись видными представителями общественного движения «сибирских областников» и видными исследователями и публицистами со своими неповторимыми взглядами и оценками.

Щапов Афанасий Прокофьевич был наиболее крупным ученым по истории Сибири в этот период. Будучи по рождению сибиряком, он «изнутри» смог увидеть и объяснить многие события и процессы сибирской истории. Он попытался установить взаимосвязь факторов адаптации с эволюцией культуры, сознания и поведения русских сибиряков. Эмпирически обобщив типичные образы сибиряков-старожилов, стереотипы поведения, обычаи и традиции, он выделил русское старожильческое население в «особую русско-

сибирскую народность»¹. В обоснование своего вывода о формировании «русско-сибирской народности» положил тезис об этнически «смешанном» типе населения Сибири. Его последователи углубили данную постановку вопроса об «особенности» русских сибиряков.

«Любой человек с первого взгляда заметит, что славяно-русская раса, представляемая великорусским и малороссийским народом, смешиваясь с разными сибирско-азиатскими племенами, благодаря своей культурно-исторической и национальной крепкости и устойчивости, всегда преобладала и преобладает в передаче своих типических признаков сибирскому русскому населению».

Русско-сибирская народность образуется в этот период путем физического смешения славянской народности с северо-азиатскими племенами: финскими, тюрко-татарскими, монголо-бурятскими и др. Далее А.П. Щапов утверждал, что «вследствие скрещивания с разными сибирско-азиатскими племенами национальный и племенной тип славяно-русской народности, в физической и психической

¹ Щапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Русское Слово. – 1865. – № 1, 2, 3; Щапов А.П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа // Отечественные Записки. – 1870. – № 3, 4, 12; Щапов А.П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Известия Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического Общества. – 1872. – № 3; Щапов А.П. Историко-географические заметки о Сибири // Там же. – 1873. – № 2; Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского // Там же. – 1873. Т. 4, 5; Щапов А.П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кубинско-Ленском краю // Там же. – 1875, – № 3, 5–6; Щапов А.П. Социальные потребности Сибири накануне реформ // Сибирь. – 1876. – № 3, 4.

организации русского сибирского населения, подвергся и своеобразным вариациям». «Путем повторного скрещивания славяно-русского племени с разными сибирско-азиатскими народами стремится образоваться однородная масса населения, но несколько своеобразная, не разделяющая в одинаковой степени признаков родоначальных рас или племен, – чисто славяно-русской, представляемой русскими колонистами, и северо-азиатской, представляемой аборигенным населением».

Больше всего А.П. Щапова занимал вопрос о результатах смешения русских с местным населением путем межэтнических браков в XVII–XVIII вв. Развивая взгляды П.А. Словцова, восхвалявшего черты характера русских сибиряков, он создал теорию «русско-сибирской народности». Эта теория основывалась на признании русского старожильческого населения Сибири особым «этническим типом», весьма отличным или даже противоположным по своим характеристикам великороссам, т.е. жителям Европейской России. Знаменитый ученый считал, что потомки людей, населявших и основавших Азиатскую Россию в конце XVI–XVIII вв., со временем утратили многие положительные черты русского народа. У них «затеряна старина» (забыта традиционная культура), испорчен «физический тип», огрубела нравственность – все это под влиянием якобы отсталых в культурном отношении азиатских народов, с которыми смешались русские, суровости природы, продолжительной изоляции края, удаленности от центров просвещения, дурной администрации

и уголовной ссылки. Исходя из его положений, после смерти А.П. Щапова областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин обосновывали особые физические и психические черты сибиряка по сравнению с жителями Европейской России.

Эмпирическое изучение культурно-бытовых и социопсихологических характеристик русского населения Сибири в более широких масштабах продолжил Н.М. Ядринцев¹. Следуя идее «выполнения первейшего долга сына Родины – изучать ее во всех отношениях», он, как и все сибирские «областники», активно занимался историческими и этнографическими изысканиями. Н.М. Ядринцеву принадлежит одна из первых характеристик отличительных черт «россиян» и «сибиряков» – переплетение социокультурных процессов в регионе, в том числе признаков влияния русской культуры на традиции коренных народов Сибири. Так же, как и А.П. Щапов, он доказывал, что формирование русско-сибирской народности происходило в результате смешения русских жителей Сибири и аборигенного населения.

Соприкосновение и метисация русского населения с инородческими племенами на громадных пространствах Сибири сопровождались не только изменением физиологических и общественных свойств пришлого племени, но отчасти и совершенным его поглощением. Изменения эти не составили отдельных и случайных фактов,

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб, 1882; Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. – 1865. – № 16–23.

но отразились на всей массе русского населения на Востоке. Иностранческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где не имела непосредственного соприкосновения с иностранцами. Из русского населения на Востоке сложился новый этнографический тип как в физическом строении, так и в нравственных признаках¹.

Делая вывод об изменениях великорусской народности на Востоке во всем ее составе и о том, что эти изменения стремятся сделаться наследственной органической особенностью всех жителей данной местности, Ядринцев ссылается на материалы этнографических исследований Восточно-Сибирского отдела Географического общества².

По его мнению, люди, выросшие в смешанных семьях, отличались от русских европейской части России не только антропологическим типом, особенностями психики, но и образом жизни и бытовой культурой. Особое место в этих рассуждениях уделялось говору русских сибиряков, прежде всего влиянию на него местных языков: заимствования слов, изменение качества звуков, особенности в построении фраз, кроме того, в сибирском наречии обнаруживается более 3000 слов, неизвестных великороссам. Однако автор находил изменения в хозяйстве, традиционной культуре и языке и у тех сибиряков, которые не имели примеси «иностранческой» крови, но долго, порой на протяжении нескольких поколений жили в Сибири.

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – Спб., 1882. – С. 50–51.

² Ядринцев Н.М. Сибирь... – С. 55–74.

Известный этнограф Г.Н. Потанин не соглашался с официальной точкой зрения, будто между русским сибиряком и великороссом нет никакой разницы в принципе. Как и его предшественники А.П. Шапов и Н.М. Ядринцев, ученый доказывал, что этнокультурные особенности русских сибиряков хорошо проявляются, стоит понаблюдать за старожилами и переселенцами из Центральной России, и разница в физическом облике, языке и общей культуре будет очевидна.

В сибирской прессе он активно участвовал в обсуждении вопроса о наличии у населения Сибири существенных отличий в сравнении с жителями Европейской России¹. По этому поводу он писал: «Сибирь делится на две части, на Сибирь инородческую и Сибирь русскую. Если относительно инородческой Сибири централисты не спорят, признают существование у них бытовых особенностей, признают за инородцами право на дальнейшее развитие этих особенностей и на культурное обособление от остальной империи, то и за русскими сибиряками необходимо признать право на «культурное обособление». Г.Н. Потанин, говоря об этой проблеме русских в Сибири, склонял общество к мысли о том, что наилучшим вариантом для всех будет признание прав населения Сибири в России.

Другими причинами, влияющими неблагоприятно на антропологический тип сибиряка, являются рождаемость, здоровье, болезни, заносимые

¹ Потанин Г.Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости». – 1865. – № 17. – Нужды Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Г.Н. Потанина. – Томск: Типо-Литография Сиб. Тов-ва Печатного дела, 1915.

в Сибирь ссыльным людом. Каторга принесла из тюрем и арестантских физическую хилость и нравственную испорченность, беспорядочный половой отбор вследствие численного неравенства полов, сильное развитие проституции, соединенной с безобразным пьянством. Данные факторы не могли не оставить свой след в физическом и нравственном отношении. Все это, нет сомнения, — пишет Ядринцев, — должно подрывать в самом корне народное здоровье, отзываться как на физическом вырождении сибирского населения, так и на понижении его умственного уровня¹.

В целом же русское областное население в физическом отношении довольно крепко сложено и здорово, хотя не всегда обладает высоким ростом и толщиной. Сибиряки приземисты и коренасты. В развитии чувств и восприятии впечатлений сибиряк выработал, а отчасти получил в наследство от инородца многие изощренные способности, например чуткость слуха и зоркость. Оценивая влияние среды обитания, в которой формировалась великорусская народность, И.А. Сикорский отмечает, что внешняя природа Европейской равнины более бедна, а условия жизни более тяжелы по сравнению с природой и жизненными условиями, в которых жили другие народы Европы. Серая, унылая, почти лишенная красок, она сурова и небогата впечатлениями. «Удивительно, — пишет он, — каким образом эта плоская, приземистая, монотонная по своему рельефу страна, почти

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. — Спб., 1882. — С. 57.

лишенная внешних впечатлений, могла воспитать великий народный дух»¹.

Природа Восточной Европы, не давая своим обитателям ни ласк, ни тепла, ни ярких и сильных впечатлений, требовала от русской народности другой стратегии выживания и других антропологических и психологических качеств, при адаптации рано заставляя их углубляться в самих себя и искать ободряющих впечатлений в человеческом духе. У русских, при бедности внешнего колорита жизни, в то же время бросаются в глаза обилие и глубина ее психологических тем. Именно здесь, по мнению ряда авторов, нужно искать истоки русской склонности к внутреннему анализу, в особенности к анализу нравственному.

Во многих исследованиях XIX–начала XX в. признается, что наибольшее влияние на приспособительную изменчивость и традиционное сознание старожильского населения оказали естественно-географические, природные факторы². Природа, климат, расстояния существенно влияли на земледелие и животноводство, жилище и транспорт, питание и одежду крестьян-старожилов. В этой связи можно проследить и особенности этнокультурных проявлений сибиряков. На специфику адаптации русских крестьян накладывали отпечаток конкретные сочетания природных зон и областей, осадков и климата, речной сети, рельефа местности и характера почв, наличие очагов заболеваний.

¹ Сикорский И.А. Сб. научн.-литер. ст. – Киев, 1900. – Кн. 3. – С. 32.

² Русские старожилы Сибири. – М., 1973. – С. 185–186.

Все вышеперечисленное влияло и на формирование черт характера сибиряков.

Обособленность по отношению к России, по мнению областников, еще больше углублялась в ходе продвижения от Урала на Восток. Сибирский климат, сухой и континентальный, отразился на физической организации сибирского населения, оказывая негативное воздействие на культурное состояние сибирского общества. В борьбе с ним у сибиряков изменялось как физическое, так и психическое состояние. «Действительно, – приводил свои доводы в пользу этого утверждения Г.Н. Потанин, – если растения испытывают влияние сибирского климата, то, вероятно, подчиняются ему и животные, а вместе с ними человек. Сделано наблюдение, что в сухом климате у людей развивается раздражительность, ухудшается умственное состояние. Он влияет на жизненную обстановку, действует через тысячи других... обстоятельств».

Силу этого влияния всесторонне показал К. Веселовский в сочинении «Климат России». Именно в этой книге приводится комплексное научное сравнительное описание климата Сибири и Европы. Особенность сибирского климата, по его мнению, сильно и разнообразно отражается на природе и на человеке. В своих выводах о влиянии климата на изменчивость антропологического типа пришлого населения Г.Н. Потанин ссылался именно на Веселовского и на собственные наблюдения. Он утверждал, что именно в климате Сибири состоит прочный залог обособления сибирского населения как в физическом, так и в духовном

отношении. У сибиряка, находившегося в более экстремальных условиях среды, славянская склонность к внутреннему нравственному анализу как черта народного характера приобрела несколько другой оттенок. Нельзя не заметить, – отмечают этнографы, – в этом населении некоторых своеобразных умственных и нравственных черт, более или менее заметно отличающих его от психического настроения великоросского и малорусского народов. Российский человек более развязан в своих суждениях, чем сибиряк. У него умственный кругозор большею частью шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витиеватее и выразительнее, с большою примесью слов книжного языка, хотя часто и своеобразно употребляемых. Сибиряк, наоборот, первобытнее, менее развязан в суждениях. Ум его менее развит и гибок. Логические приемы его мышления менее развиты, ассоциации идей не так многосложны, как у великоруса – какого-нибудь иногородца или ярославца. Углубленность в себя приобретает черты закрытости, сдержанности. В сибирском народе рассудок преобладает над чувством.

Н.М. Ядринцев говорит, что холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них всякое идеалистическое умонастроение¹.

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – Спб., 1882. – С. 59.

Сибиряки более утилитаристы и материалисты, чем мистики и идеалисты. При всей неразвитости и некультурности ума внутренний анализ, хотя и в простых и грубых формах, не чужд сибирякам, но происходит он не в нравственной сфере, а в нем намечаются признаки реалистического утилитарного направления мысли. Эта черта характера проявляется и в языке. Как подметил Словцов, сибирский разговор ленив, холоден, без легкомыслия, нетягуч и малословен, как бы с числом и весом. Сибиряк привык не раскрываться собеседнику, взвешивать каждое слово, по привычке пропускает глаголы, оживляющие мысль¹.

Следы местного умонастроения обнаруживаются также в том, что сибирское население на многие традиционные учреждения или принципы и правила смотрит гораздо свободнее и смелее, чем великоросский народ, руководствуясь более натуральными чувствами, потребностями и побуждениями. Так, по замечанию Щапова, простонародье весьма свободно относится к гражданским бракам или свободному сожителству, руководствуясь исключительно влечением чувства и страсти, в то время как в России это явление воспринимается однозначно как блуд.

Столь разительные отличия в культуре мышления Н.М. Ядрийцев видит в том, что ум великоросса формируется под влиянием историко-традиционного воспитания, а ум сибиряка – непосредственно-натуральной дрессировки. За умонастроением великоросса, – пишет Щапов, – стоит

¹ Ядрийцев Н.М. Сибирь... – С. 59–60.

продолжительный тысячелетний исторический опыт, отчасти влияние европейски образованного класса. В умонастроении сибиряка отпечаталась дикая сибирская природа¹.

Оно характеризуется забывчивостью всякой исторической традиции, утратой поэзии и отсутствием всякого идеального чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки большей частью, – указывает Щапов, – забыли всю древнерусскую старину, все эпические сказания и былины великорусского народа, даже большую часть великорусских верований или суеверий, примет, обрядов увеселительных².

Они забыли не только вынесенную из России историю, но и свою собственную. При этом считают себя русскими, а к коренным русским относятся как к иностранцам. К судьбам России сибиряки холодны, поэтому любые политические или прочие события там не возбуждают в сибиряке особого патриотизма. В самоидентификации граница между «мы» и «они» у сибиряка проходит по «Уральскому камню».

Таким образом, обращение к публицистическому и научному наследию виднейших представителей сибирской интеллигенции в лице областников позволяет по-новому взглянуть на исследование особенностей этнотипа «русского сибиряка» («сибирского старожила»). Работы А.П. Щапова и его идеи были достаточно высоко оценены

¹ Щапов А.П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Известия Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического Общества. – 1872. – № 3.

² Там же. – 1872. – № 3.

современниками. Так, известный этнограф П. Ровинский назвал их «поворотом в русской исторической науке».

О сибирском историке писали в своих очерках и воспоминаниях Шашков, В. Вагин, Н.Н. Козьмин и др. В своих оценках авторы не обошли вниманием и позицию об этнокультурных характеристиках русских сибиряков, многие поддержали, но большинство уклонилось от критических оценок, ограничившись выводами о недостаточной изученности вопроса¹.

Исследователи советского периода иногда возвращались к описанию этносоциальных характеристик русского населения Сибири в целях изучения общих черт культуры русского народа. В 1930-е гг. к наследию А.П. Щапова обращался М.А. Гудошников, в послевоенный период воззрения Щапова анализировали Н.П. Болтухин, П.И. Кабанов, Г.И. Ильющенко, Н.Н. Комов, А.А. Гельфман². Большинство исследований советских историков выполнены в критических оценках воззрений и выводов А.П. Щапова на этническую историю русской Сибири.

Качественный прорыв в изучении русских Сибири был сделан по результатам экспедиционных антропологических исследований 1960–1963 гг.

¹ Сторожев В. О Сочинениях А.П. Щапова: в 3 т. – Спб., 1906. – Т. 1–3; Козьмин Н.Н. А.П. Щапов, его жизнь и деятельность. – Иркутск: Типография И.И. Макушина, 1902.

² Гудошников М.А. А.П. Щапов // Будущая Сибирь. – Иркутск, 1931; Болтухин Н.П. Вопросы социально-экономического развития Сибири XVI–XIX вв. в трудах А.П. Щапова. – Томск, 1958; Он же. А.П. Щапов о колонизации Сибири. – Томск, 1960; Гельфман А.А. Взгляды А.П. Щапова на исторический процесс русской истории. – М., 1958.

в работе «Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк». До сих пор она продолжает быть настольной книгой сибиреведов. В отличие от «простой эмпирики» А.П. Щапова и его последователей, было доказано наличие особенностей физического типа русских сибиряков-старожилов в локальных вариациях в зависимости от происхождения, климатической адаптации, изоляции и метисации. Поднят вопрос о смешении русских с автохтонным населением, выделены антропологические типы локальных конвексионных групп сибиряков¹. Авторы историко-антропологических очерков сделали вывод: «Русские Сибири, несмотря на то, что пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и носа... Каждая категория русского сибирского населения имеет некоторые свойственные только ей черты».

В конце 1980-х гг. важной заслугой выдающегося сибирского историка М.В. Шиловского стал поворот от жесткой критики взглядов областников к независимому от идеологии критическому научному анализу проблемы². Данная тенденция продолжена в 1992 г. в коллективном труде группы ученых РАН «Этнопсихологические сюжеты: из отечественного наследия (Лад, мир, согласие, consensus)». Впервые за последнее столетие

¹ Русские старожилы Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 119.

² Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX века. – Новосибирск, 1989.

делается попытка согласования позиций об этносоциальных особенностях русских сибиряков¹.

Комплексные междисциплинарные исследования этнической особенности русских сибиряков, которые начали сибиреведы XIX в. с работ А.П. Щапова почти столетие спустя, возобновились в 1990-е гг. Ученые обратились к изучению этносоциальных процессов в сибирском «обществе», культурных традиций, ментальности и этнической идентичности русских Сибири.

В целом продолжение исследований этнических и социокультурных характеристик населения «русской Сибири» привело нас к обоснованию его в качестве субэтнуса русских старожилов.

3.4. СУБЭТНОС РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

«Всякий народ несет в себе самое то особое начало, которое накладывает свой отпечаток на его социальную жизнь, которое направляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества; это образующее начало у нас – элемент географический. Вот чего не хотят понять: вся наша история – продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел», – так П.Я. Чаадаев, русский мыслитель и философ XIX в., означил русский этнос как продукт обширных пространств Восточной Европы².

Эта мысль всецело поддержана и развита в трудах выдающегося историка В.О. Ключевского:

¹ Этнопсихологические сюжеты: из отечественного наследия (Лад, мир, согласие, consensus). – М., 1992.

² Чаадаев П.Я. Философические письма. — Казань: Тип. Д.М. Гран, 1906.

«Лес, степь и река – это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека. В лесной России положены были основы русского государства. Несомненно то, что человек поминутно и попеременно приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действий, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям». Далее он отмечал влияние природы на выработку сообразительности, характер, чувства, понятия, стремления, на отношение к другим людям. На просторах Восточноевропейской равнины издревле ковались в людях смелость, стойкость, трудолюбие, взаимовыручка. Лучшие качества проживавших здесь русского, финно-угорского, тюркского этносов сформировались во многом благодаря суровым реалиям вмещающего ландшафта.

Этнос – исторически сложившаяся на территории устойчивая многопоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства от всех других подобных образований, фиксированным в самоназвании.

Не только у отдельных людей, но и у этносов есть Родина. «Родиной этноса является то сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему», – писал Л.Н. Гумилев. Природа действует на человека принудительно, заставляя развиваться в определенном направлении. Этносы,

которые не могут приспособиться и измениться (адаптироваться), должны переселиться в другой вмещающий ландшафт или вымереть.

При переселении части этноса в другой вмещающий ландшафт происходят изменения в культуре, общественных отношениях, образе жизни этнической группы на новой территории в сравнении с характеристиками материнского этноса. Отсюда можно сделать вывод и об изменениях в чертах характера этих людей, в их поведении, миропонимании и новом самосознании. Экстремальные факторы существенно преобразовали все стороны жизни русских сибиряков.

«Русские крестьяне и казаки, переселяясь в Сибирь, создали ряд оригинальных вариантов русской культурной традиции... и образовали субэтнос русских сибиряков», – сделал вывод Л.Н. Гумилев¹.

Субэтнос – это таксономическая единица, находящаяся внутри этноса как зримого целого и не нарушающая его единства, обладающая специфической культурой и выраженным самосознанием. Как и этнос, субэтнос обладает определенными стереотипами поведения, закономерно меняющимися в историческом времени.

Подобные процессы формирования малых подгрупп этноса происходили и в европейской части России. Здесь сложились такие субэтнические группы русского народа, как поморы, казаки, полехи, старообрядцы, мещеряки, севрюки, однодворцы, тумы. В данном ряду этнографами выделяются уральцы и сибирские старожилов.

¹ Цит по: Андюсев Б.Е. Сибирь и субэтнос русских старожилов / <http://andjusev.narod.ru/b/ergo.htm>

Все субэтноты имеют «специфические черты культуры... осознают свою общность совокупности людей внутри этноса».

Субэтнос – явление эволюционное. Этнограф Ю.В. Бромлей подчеркивал, что эволюционность предполагает «изменение отдельных компонентов этнической системы». В данном виде отпочковавшаяся часть этноса группируется в таксономическую единицу на основе консолидации мелких групп. Основой консолидации могут выступить географический, экономический, социально-политический, религиозный факторы¹.

Для ряда субэтнот характерны процессы межэтнической интеграции и ассимиляции в новых территориально-географических условиях, включения компонентов культуры местных народов. Главным критерием завершения формирования субэтноса, по словам Ю.В. Бромлея, является оформление «у людей двойного этнического самосознания: сознания принадлежности к субэтноту и этноту». Так осознает себя представителем казачества и одновременно русского народа житель Дона или Кубани.

В течение нескольких поколений инновационность, превалируя над этнической традиционностью, под воздействием рассмотренных факторов быстро обретала форму традиции. При этом многие свойства этнической культуры могли утрачиваться, многие изменяться за счет межэтнических связей и воздействия экстремальной среды.

¹ Бромлей Ю.В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. – 1983. – № 3. – С. 71; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1982. и др.

Субэтнос обретал название (субэтноним). В свою очередь, члены субэтноса могли сформулировать свой этноним для «материнского» этноса. Ареал проживания субэтноса становился социокультурным регионом. Одновременно происходило оформление приоритетов, норм и моделей поведения членов субэтноса в конкретных обстоятельствах борьбы за выживание. Изменения начинали проявляться в стереотипах поведения, в обрядах, в меняющемся субэтническом образе, фиксировались в исторических источниках. Следствием данных изменений у русских в Сибири стало формирование субэтноса русских старожилов Сибири.

Любой субэтнос включает в себя ряд внутренних групп, обладающих особенностями в одежде, укладе хозяйственной и общественной жизни, образе жизни и верований. Данные группы, конвиксии, могли быть исходными общностями в формировании субэтноса или сформировались как отличительные в ходе адаптации к новым условиям.

Конвиксии – группы людей с одинаковым, однохарактерным бытом и семейными связями.

Субэтнос русских старожилов состоял из множества конвиксионных групп: несколько групп сибирских «чалдонов», «каменщики», «поляки», «марковцы», «кержаки», «карымы», «семейские», «русаки», «смешицы», «гураны» и другие.

Таким образом, принятие позиций теории субэтноса по отношению к русским старожилам Сибири ставит перед нами вопрос об изучении истоков характера и духовности в русских селениях, патриархальной семье и сибирской общине.

Глава 4.

СОЦИУМ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

4.1. РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

В первое столетие сибирской истории особую роль выполняли крепости, называемые здесь острогами. Они служили опорными пунктами и административными центрами российского государства на новых землях. Остроги были деревянными: расположенные по периметру башни соединялись стенами. Внутри города располагались различные по назначению строения срубного типа или землянки.

Основание Красноярска. «В 1623 г. московский сын боярский Андрей Дубенский выбрал для строительства острога плоский высокий мыс между Качей и Енисеем. Красивое местоположение побудило Дубенского назвать это урочище Красным Яром. Москва доверила этому опытному потомственному воину основание новой крепости... С большими трудностями отряд казаков в 303 человека достиг назначенного места и заложил 6 августа 1628 г. (по новому стилю 16 августа) Красный, или Новокачинский, острог (так первоначально назывался Красноярск).

Казаки возвели тыновую стену с 4 башнями, общей окружностью около 450 метров, окружили ее рвом и земляным валом, сделали перед рвом надолбы, а по дну поставили рогатки. Внутри укреп-

ленного четырехугольника срубили воеводский двор, приказную избу, зелейные, хлебные амбары и 30 избенок из расчета одну на десяток казаков».

Как в остроге, так и в возникавших вокруг посадах расселялись служивые люди, ремесленники, охотники-промысловики, крестьяне. Если первоначально большая часть русских в Сибири была связана с военным делом, то к началу XVIII в. — с ремеслом, сельским хозяйством, торговлей.

Довольно быстро вслед за острогами вокруг них начинают возникать сельские поселения. Даже во второй половине XIX в. сибирские города были относительно небольшими: в них проживало от 5 до 10 % населения огромного края. Со строительством Великой Сибирской магистрали в начале XX в. наблюдается бурное городское строительство. Население многих городов выросло в 3–4 и даже 10–12 раз. Отметим, что по традиционному укладу жизни, мировоззрению, характеру культуры сибиряки-горожане мало отличались от крестьян-старожилов вплоть до последней четверти XIX в.

С процессами заселения и освоения края русскими людьми тесно связано возникновение и развитие поселений сельского типа на огромной территории за Уралом. Оно обусловило и возникновение постоянного потомственного старожильского населения Сибири. В отличие от формирования городских поселений на основе сельских у славян Восточной Европы, в Сибири сначала возникали города-остроги, а затем их жители совместно с оседавшими вокруг них землепашцами основывали сельские поселения.

В начале XVII–XVIII вв. осваивались в основном таежная зона и частично лесостепь. Все же за первое столетие «русской Сибири» наиболее плотно были заселены Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Илимско-Забайкальский районы, где главным занятием стало земледелие. Именно это позволило с 1685 г. прекратить целевые поставки государством хлеба в Сибирь.

При основании сибирских городов документально засвидетельствованы в XVII в. наказы воеводам о приискании земель, пригодных для хлебопашества: «Город ставить... где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести»; «Тут место самое лучшее, угоднее для пашен, и скотинный выпуск, и сенные покосы, и рыбные ловли – все близко». Встречались и такие случаи, когда «...острожек поставлен не у места, потому что... пашенных мест и сенных покосов вблизи нет». Вначале жители острогов заводили в пригородных местах пашни и обрабатывали их наездом. Постепенно за пределами городских укреплений вырастали посады и слободы, жители которых также имели пашни.

Поселения крестьян основываются как «вольно», так и по «государеву решению». При этом политика государства строилась на том, чтобы «у ясачных людей (представителей местных народов) угодий не отнимать». В связи с изменившейся политической ситуацией XVIII–XIX вв. и установлением контроля до предгорий Алтая, Саян и р. Амур большинство селений основываются вольными переселенцами. Так, к середине XIX в. в Енисейской губернии 674 селения было основано

«вольными» людьми, а 104 появились в результате правительственной деятельности.

Выбор места поселения осуществлялся очень тщательно. Особенно внимательно приглядывались в первый год жизни: не затопит ли место заселения, быстро ли сходит здесь снег, затишье или постоянно дуют ветра, нет ли постоянной сырости и т.д. Были случаи, когда «засельщики» меняли место, если оказывалось, что «земля хлеб худо родит». В ходе освоения южных районов Сибири многие крестьянские поселения перемещались сюда из более северных районов.

Чтобы основать селение, вначале подыскивали подходящую лесную поляну у реки или озера, по-сибирски – «елань». Затем ее расчищали от кустарника, расширяли, вырубив лес. Выкорчевывали пни; пустив «палы», выжигали старую траву и остатки кустарника. Затем готовили пашню, по 2–3 раза перепаживая землю. Сеяли вначале немного – «учиняли опыт».

В то же лето старались начинать рубить жилье, но часто не хватало ни времени, ни сил, поэтому в первую зиму на сибирской земле жили в землянках. По преданиям старожилов, в первый год в глиняных берегах рек копали углубления под печи и в них пекли хлеб. Так как часто дома рубили на месте леса, то ставили их на сосновые и лиственничные пни.

Осваивая новые земли, крестьяне уходили в совершенно глухие места, часто даже неподконтрольные властям. Еще в начале XVIII в. русские люди расселились в долине р. Бухтармы, в горах Алтая.

Вольных поселенцев здесь называли «каменщиками». Возникло более 50 «вольных» селений. Только в конце XVIII в. «каменщики» были приняты в русское подданство. Многие селения, неизвестные властям, «открывали» вплоть до XX в. Писатель Г.А. Мачтет отмечал в 1880-х гг.: «И вдруг деревня оказывалась “открытой”, точно золотая жила, каменный уголь или даже Америка!.. Оказывалась открытой с домами, с обывателями, стадами и всеми прочими атрибутами деревни. В ней пекли и жарили, умирали и множились, работали и отдыхали, творили все человеческое без денег, без паспортов, без «управ», без законных властей... Это было возмутительно и тем не менее несомненно!»

Основным типом сельских поселений была деревня. Это сравнительно небольшое селение, не имевшее церкви. Для начала XVII в. характерны малодворные деревни-поселения в 1–3 двора, они составляли 91,8 %, во второй половине века их было 42,1 %. К началу XVIII в. стали преобладать деревни в 10 и более дворов. При заселении деревни родственниками ее именуют «однопородной». Так, документы свидетельствуют, что с. Абан Канского уезда основали 5 семей Туровых. Другой тип деревни – «разнопородная», в которой проживали семьи разных крестьянских родов.

Так как «елани» были довольно редки, первые пашенные участки располагались в XVII–XVIII вв. на расстоянии до 75–125 верст от деревни. Позднее в связи с высвобождением земли из-под леса среднее расстояние до пашни сократилось до 10–50 верст. Поэтому в целях эффективной работы

на пашне крестьянин был вынужден возводить на пашенном участке избушку, хозяйственные постройки. Данный вид поселения в Сибири называли «заимкой». Если пашня находилась недалеко, то хозяин обрабатывал ее «наездом», без строительства построек – эта пашня называлась «займищем». В условиях «захватного» принципа освоения пашни достаточно было опахать участок земли или проложить полосу пахоты («очертить»), чтобы земля считалась занятой. В лесу ограничивали деляну, окольцовывая деревья.

До сегодняшнего дня в ряде сибирских регионов сохранился обычай «первого закоса» на покосе. При этом небольшой прокос косой-литовкой на свободной поляне является знаком принадлежности по «захватному принципу». Если кто другой скосит траву на данном участке, то первый человек по традиции имеет право забрать себе весь стог сена. В старину в случае возникновения спора волостной суд мог решить вопрос о частичной компенсации за вложенный труд сеном или деньгами.

На заброшенном и вновь распаханном займище через много лет могло возникнуть новое поселение. Название заимки или займища по имени прежнего хозяина часто становилось топонимом деревни. Многие заимки дали начало новым деревням и селам. На заимку могла переселиться семья сына или сам домохозяин. За счет подселения новоприбывших переселенцев или односельчан и дополнительной разработки земли поселение разрасталось. Вокруг появлялись новые заимки, постепенно становившиеся деревнями.

В таежной зоне многие селения обязаны возникновением охотничьим заимкам.

Вновь созданное селение, которое в перспективе могло стать крупной деревней, обозначали термином «починок». Таким образом, деревни, заимки, займища и починки своим возникновением обязаны возделываемой крестьянской пашне. Несколько иную функцию выполняло село.

Село – сравнительно крупное селение, в котором обязательно имелась церковь. Таким образом, село становилось центром церковного прихода. Село выполняло и административные функции: оно могло быть центром волости, включавшей от 15 до 30 малых населенных пунктов (деревень). Вначале их было немного: так, в Красноярском уезде в 1700 г. было три села. В самом крупном из них – Ясаулово – было тогда 73 двора, а в 1795 г. – уже 194 двора. Со временем в селах налаживались ремесленное производство и торговля и они становились местом проведения ярмарок.

Развитие населенных пунктов в начале XIX в. шло по пути как быстрого укрупнения имеющихся селений, так и увеличения количества новых. Декабрист Н. Бестужев писал: «Теперь едущий по Сибири увидит огромные деревни: я говорю “огромные” потому, что они действительно таковы; например, в Красноярской губернии (т.е. в Енисейской губернии) между прочими большими есть д. Бояроновка, которая тянулась еще в 1827 г. на 6 верст. Деревни изумляли бы любого русского огромностью и довольством». Можно отметить, что в начале XIX в. самым крупным селом всей

Сибири от Урала до Тихого океана было село Боготольское, насчитывавшее 606 дворов.

В середине XVII – начале XIX вв. в освоении междуречных пространств немалую роль стали играть тракты. Через Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии прошел Большой Сибирский (Московский) тракт. С его прокладкой возникло множество селений, непосредственно обслуживающих его. Вдоль тракта принудительно селили переселенцев-крестьян, ссыльных-поселенцев. Здесь часто оседали на жительство не только крестьяне, но и беглые люди. Жители трактовых селений заготавливали сено, дрова для нужд дороги, выращивали на продажу овес, зерновые культуры, овощи. Многие жители данных деревень и сел зарабатывали на жизнь обслуживанием проезжавших путников, служили на тракте постоянными ямщиками.

Сибирский тракт обеспечивал перевозку товаров, перемещение воинских команд, административные сообщения между сибирскими губерниями и центром. Почтовым ведомством было налажено постоянное почтовое сообщение. Любой проезжавший по тракту во второй половине XIX в. мог насчитать в день от 1 до 2 тыс. встречных повозок, подвод.

Основными населенными пунктами на тракте были станции (станки), полустанки и зимовья-станции, расположенные в глухих местах. На каждой станции всегда были наготове повозки, лошади для смены, имелись постоялые дворы, «обогранные» избы. В домах, постоялых дворах, обог-

ревных избах круглыми сутками кипели самовары: любой путник мог найти приют и обогреться, был накормлен.

Типы застройки селений зависели от многих факторов: времени возникновения, ландшафтных особенностей, путей сообщения, степени родства «засельщиков». До начала XIX в. была более распространена свободная застройка. Данные деревни были раскинувшимися, разбросанными на расстоянии группами строений. Избы стояли как группами («кучковались по-родственному», «по артельности», по времени подселения), так и отдельно друг от друга. Так, в с. Имисском Минусинского уезда крестьяне из Симбирской губернии, переселившиеся сюда в 60-х гг. XIX в., основали отдельную улицу в стороне от села. Впоследствии она соединилась с остальными улицами, но до сих пор называется ул. Симбирской. Зачастую при свободной застройке дома могли располагаться группами вдоль озера, реки, тракта и ориентировались фасадом на южную сторону.

Рядовая застройка – тип улицы из одного ряда домов с подворьями. Такое селение могло тянуться на несколько верст.

Уличная застройка – тип улицы из двух рядов домов с постройками, обращенными фасадами друг к другу. Данные селения более характерны для второй половины XIX – начала XX в. Дома вдоль улицы стояли как на грани, так и в глубине дворов. Одна-две усадьбы разделялись прогонами для скота, а группы подворий по 4–6 разделялись переулками. Передняя линия «заплотов»

с воротами была ровной. Палисадники перед домами в сибирских селениях появились только в первой трети XX в. Современники отмечали, что улицы старожильческих селений широкие, ровные, ухоженные.

Еще во второй половине XIX в. усадьба от усадьбы располагались на достаточном расстоянии, но разделы хозяйств, увеличение количества дворов, постоянные подселения переселенцев уплотняли застроенность селений. Даже в старожильческих селениях появилась скученность. Дома стали строиться в переулках, застройка при этом стала походить на квартальную.

Практически все сибирские селения имели еще одну особенность: даже при плотной уличной застройке они сохраняли обособленность на отдельные участки-коллективы по принципу родства, времени застройки, подселения, иногда по этническому признаку и пр. Назывался данный участок – «край», «гнездо», «кулига», «куток», «конец».

Наиболее высоким и красивым зданием села была церковь. Строили ее на возвышенном месте. Между храмом и домами обязательно сохраняли незастроенное пространство. На площади проходили ярмарки, но праздникам здесь разворачивалась торговля, проходили гулевания. Рядом с церковью обычно стояла церковно-приходская школа.

В сибирских селах было, как правило, несколько торговых «лавок». В начале XX в. частные торговцы быстро богатеют и строят свои дома и «лавки» из кирпича. Магазины же в Сибири называли амбары-хранилища общественного зерна

на случай неурожая, стихийных бедствий и т.д. Из магазинов оказывалась помощь сиротам, инвалидам, выплачивалась хлебная «руга» священнослужителям.

Важнейшим административным зданием крупного села была «волость» – волостное правление. При здании «волости» имелось специальное помещение для содержания наказанных по решению общественного схода или волостного старшины – «кутузка» («холодная», «чижовка»).

Каждое селение располагало пожарной службой: пожарным сараем с необходимым инвентарем и пожарной «каланчой» – вышкой. Кроме этого, каждый домохозяин обязывался по общему решению схода участвовать в тушении пожара в той или иной роли с определенным инвентарем. Пожары были нередки в сибирских селениях и приносили страшные последствия. Так, в мае 1849 г. дотла выгорело богатейшее село Енисейской губернии – Тасеево. Крестьянам удалось спасти весь скот и хлебные запасы. К ноябрю того же года все домохозяева успели выстроить новые жилища, некоторые хозяйственные постройки, но прежнего благополучия и довольства после такого опустошительного пожара с. Тасеево уже не смогло достичь...

Сибирские старожильческие селения были чисты, ухожены, но общий вид и экологию портили груды навоза, вывозимые на определенное расстояние от строений. До последних десятилетий XIX в. сибиряки землю не удобряли, а восстанавливали плодородие переложным способом.

Вокруг сел и деревень на много верст шла изгородь – поскотина (в «России» она называлась «околица») из 3–4 рядов жердей. Каждый домохозяин «присматривал» (ремонтировал, подновлял) за участком поскотины в 30–50 м. На дорогах в изгороди делали легкие ворота, оставлять их открытыми считалось серьезным проступком, т.к. за поскотиной расстилались пашенные и лесные угодья крестьян, членов общины.

Во второй половине XIX в. в отдельных местах начали ощущаться затруднения в землепользовании, «утеснение» населения: в пределах общинного землевладения группа домохозяев одновременно переселялась на отдаленные угодья. Появившиеся таким образом селения назывались «выселки».

Незначительным явлением для Сибири на рубеже XIX–XX вв. стало появление хуторов-поселений одной семьи с двором и прилегающими угодьями. Многие хутора в Енисейской губернии основывались переселенцами из Польши или Прибалтики.

4.2. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ОБЩИНЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ

Одно из ключевых понятий исторической этнологии – самосознание этноса – включает в себя представления о характерных чертах своей общности, традициях, обычаях, территории проживания, установках социальных связей¹. Этническое самосознание российского крестьянства

¹ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – М., 1986. – С. 14.

формировалось и социализировалось в условиях «микроскопа» общины. Поэтому элементы самосознания приенисейских крестьян, отношения в границах сибирской общины в значительной степени были обусловлены представлениями о специфике коллективных форм социальной жизни. С учетом этого понимания мы исследовали вопросы «установок социальных связей».

Истоки ментального образа сибирской крестьянской общины мы находим в феномене сибирской «однопородной деревни». На стадии возникновения у истоков малодворных сельских поселений была большая патриархальная семья. В дальнейшем, в первой половине XIX в. в условиях естественного прироста крестьянского населения и постоянных разделов семей формировалась преимущественно «однопородная» община. Семейно-родовые связи и внутриобщинные корпоративные отношения «по-родству» продолжали сохраняться. Естественно, в картине мира старожильческого социума должны были сохраниться ценностные оценки семейно-родовых сообществ.

Согласно ведомости учета жителей д. Ковригино Сухобузимской волости Красноярского округа в 1858 г. здесь числилось 34 домохозяйства, из которых род Ковригиных представлял 21 глава семейств (62 %), род Криворуцких – 2 хозяина (6 %). Остальные 11 домохозяев (36 %) имели разные фамилии¹. Как видим по названию деревни и количеству «однофамильцев», основателями селения были Ковригины. Поэтому вполне естественно,

¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 298. Л. 24–24 об.

что в подавляющем большинстве документов 40–70-х гг. XIX в. по данной деревенской общине фигурируют подписи сельских старшин Алексея, Степана, Ефима, Ивана Ковригиных, что является прямым доказательством корпоративного поведения представителей данного рода при избрании «своих» на эту важную должность.

В 1886 г. в с. Комском Балахтинской волости из 178 общинников представляли: род Ананьиных – 60 человек, Кирилловых – 40, Ростовцевых – 28, Черновых – 12, Сиротининых – 11, Спириных – 11, Юшковых – 9. Представители перечисленных семи родов, всего 171 человек, составляли 99,6 %. Остальные 0,4 %, (всего 7 мужчин-домохозяев) не входили в «микрокорпорации». Род, «порода», старожилов-крестьян состоял из нескольких патриархальных семей. Так, в семье А.А. Ростовцева (54 года) было три взрослых женатых сына: Федор 30, Иван 29 и Григорий 39 лет. В семье Н.П. Кириллова числились женатые братья Федор и Павел, 31 и 34 лет¹.

Историк Л.М. Сабурова установила, что большинство селений Приангарья возникли в XVII–XVIII вв. как «однопородные». В д. Усольцево даже на рубеже XIX–XX вв. из 58 домохозяев 32 (55,2 %) были Усольцевы. Из 272 домохозяев д. Кежма проживало: 55 Брюхановых, 43 Кокориных, 19 Лушниковых, 12 Суздаlevых². Таким образом, представители четырех родов составляли

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 18. Л. 346–350.

² Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX–XX вв.). – Л., 1967. – С. 165.

47,4 % всех жителей селения. Необходимо учесть и то, что многие из вышеперечисленных семейств породнились за многие десятилетия между собой и с другими семьями на основе брачных связей.

Как и в типичном российском варианте обыденной терминологии, в сознании сибиряка «община» чаще всего подменялась понятием «мир», но более выражалась понятием «общество». В мирском приговоре читаем: «Деревни Большебалчугской нижеподписавшееся целое общество избрало одно-деревенского нашего крестьянина Мамо-на Федорова Черепанова десятником при Сухобу-зимском волостном правлении...»¹. Данный термин фигурирует и в типичных приговорах о зачислении российских переселенцев в старожиль-ческие общины: «Села Балахтинского государ-ственные крестьяне приговорили к причислению нашего общества крестьянству...»². «Захар Васи-льев Власов, проживая в нашей деревне, ведет себя прилично, под судом не был, завел себе до-мообзаводство... Приговорили: принять ...в среду нашего общества на всегдашнее жительство»³.

В приведенных записях 1817–1878 гг. приме-чательно то, что «общество» всегда определя-лось как «наше», то есть в ментальной «картине мира» наша община («наше общество») есть не что иное, как замкнутая корпорация своих чле-нов, крестьян-старожилов, своеобразная систем-ная единица всего социума русских сибиряков.

¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 49.

² ГАКК. Ф. 247. Оп. 2. Д. 12. Л. 5–6.

³ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 17.

При этом внешний мир мог представлять в позиции множественности «обществ». Мы выделяем характерную для первой половины XIX в. фразу: «...приговорили принять в наше общество из государственных крестьян Большекемчугского общества...». Одновременно крестьяне д. Большекемчугской именуют себя также «нашего общества государственные крестьяне»¹. Стереотипность выражений о соотношении себя и других крестьян с «обществами» в источниках позволяет говорить об устойчивом образе крестьян как членов самоуправляющихся общин.

«Общество» имело в сознании старожила конца XVIII – второй половины XIX в. все компоненты системной единицы освоенного «микрокосма». В «обществе» были представлены: «законодательная» власть – «сход» («общественное согласие»), исполнительная власть – выборная администрация (старшины, «кандидаты»), «силовые структуры» – десятские и сотские, высший контрольный орган – «совет стариков», податно-фискальная структура (различные комиссии), суд и законы (сход, нормы обычного права), места «заключения» – «чижовка», «кутузка», прочие элементы. Член «общества» представал в лице «бойца» или «полубойца» (налогоплательщики), домохозяина, имеющего право голоса на сходе, право выбирать и быть избранным на различные должности. Одновременно он имел строго определенные обязанности перед «обществом».

¹ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 754. Л.2, 4 и др.

Таким образом, в понятие «общество» закладывалось представление о целостной сфере организации жизнедеятельности как замкнутой ячейке, корпорации «своих» полноправных членов социума. В течение длительного периода отношения между старожилами строились на условиях выраженного взаимосогласия и «добрых отношений» к «своим». Об этом красноречиво свидетельствуют опубликованные воспоминания старожила Н. Чукмалдина, относящиеся к середине XIX в.: «В Сибири... всякие расчеты оканчивались на оговоренных условиях, всегда добросовестно и верно. Деревенский мир и каждый крестьянин... сохраняли добрые отношения только между собою...»¹.

В ангарских селениях было принято производить найм на сроковую работу без письменного оформления, «по рукобиту»². Однако если работник разрывал договор, то выплачивал хозяину определенную сумму³. «Вообще, обманывать своего же брата-крестьянина считалось делом бесчестным», – отмечает историк Н.А. Миненко³.

Образ общины как «своего мира» мотивировал установки поддержания высокого уровня нравственности и порядка в селениях. В картине мира крестьян-старожилов неразрывна ценностная взаимосвязь: высокий уровень нравственности в «обществе» зависит от уровня нравственности ее членов. «Мы избегаем порочных людей, так как лица эти полезными обществу быть не могут», –

¹ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. – Спб., 1899. – С. 59.

² ГАКК. Ф.793. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 74.

³ Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. – Новосибирск, 1968. – С. 95.

записали в 1864 г. в приговоре общественного схода крестьяне Анциферовской волости Канского уезда¹. В качестве «порочных» черт в традиционном сознании крестьян-старожилов источники выделяют «дурное поведение», «ссорливость в обществе», «развратную жизнь», осуждают «ленивцев» и «гуляк». Достаточно сложно систематизировать все элементы как «нравственности», так и «порочности», но выражались они чаще всего в наборе правил и обычаев, индивидуальных для конкретной общины. Правила могли быть более или менее строгими, но «полезными».

Известно, что в качестве наиболее строгих и полезных правил, принятых у приенисейских крестьян, отмечаются правила по поддержанию чистоты. В первой половине XIX в. в селениях Енисейской губернии ежегодно выбирались на сходах от женщин и мужчин «выборные для смотренья чистоты»: «Деревни Дрокиной Заледеевской волости... для смотренья чистоты Анна Иванова Быкасова доброго поведения»; «д. Емельяновой... за чистотою и опрятностью дворов и улиц выбрана Настасья Яковлева Орешникова, которая поведения добропорядочного и означенную службу нести способна»². Как видим, понятия «добропорядочность», «поведение доброе» близко понятию «чистота» в «картине мира» приенисейских крестьян. Наоборот, «нечистотка поведением своим позорит общество». Источники по Заледеевской волости и по прошествии четырех десятилетий

¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 408. Л. 4–5.

² ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 46.

по-прежнему отмечали, что «к нечистоткам перед праздниками снаряжаются женщины за плату для наведения порядка, чтобы те не позорили нашего селения перед чужими людьми»¹. Декабрист А.П. Беляев с восторгом и удивлением писал, что в селениях Енисейской губернии «довольство и необыкновенная чистота, даже в самых небольших избах»². Естественно, поддержание порядка и опрятности являлось важнейшими социально значимым стереотипом-свойством. Современники отмечали, что в Сибири понятие «чистота» близко нормам обычного права: «Не вымыть пол к праздничному дню есть почти преступление»³. Как важнейший компонент самосознания «свой» мир и «свое общество» были окультуренными анклавами в окружении «хаоса», «зла». Мы отмечали, что «хаосу», «злу» соответствовали знаковые образы «грязного», «неопрятного», «расхристанного в лохмотьях» и пр. Исходя из этого, знаковые элементы «освоенного» включали в себя чистоту, порядок, «степенное» поведение. Поэтому важнейшим условием сохранения своего миропорядка являлось «фанатичное устремление» к чистоте и порядку.

Представления о «характерных чертах своей общности, традициях, обычаях» опирались на механизм воспроизводства данного адаптированного самосознания в новых поколениях старожилов.

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 47. Д. 47. Л. 8.

² Беляев А.П. Из воспоминаний декабриста о пережитом и пережитом // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – М.: 1980. – Т. 2. – С. 233.

³ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... – С. 363.

Естественно, важнейшая роль в воспитательно-социализирующем воздействии на крестьянскую молодежь отводилась «обществу». Наиболее полно данная функция исследована новосибирским историком В.А. Зверевым в работе «Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.)»¹. «Очень мощным средством было... общественное мнение. Оно склонно было одобрять поведение, ориентированное на традиционные образцы: «как наши старики жили»... В процессе общения «мир» давал оценку качества личности (в нашей интерпретации – «свойств личности». – Н.Д., Б.А.) всех своих членов, каждому их поступку»². В.А. Зверев признает, что особенностью сибирской общины было минимальное вмешательство в семейное воспитание при возложении данной обязанности на отца-домохозяина³.

Проанализированные нами приговоры сходов ряда общин Енисейской губернии доказывают, что вплоть до последней трети XIX в. институт общественной социализации сирот действовал стабильно. Общественные социализирующие функции осуществлялись в полном объеме по смерти обоих родителей и отсутствии близких родственников. Опекун назначался сходом «из тверезых» крестьян, «состоятельный и с хорошей репутацией». В случае смерти отца в приговорах сходов

¹ Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. – 244 с.

² Зверев В.А. Дети – отцам замена... С. 173.

³ Зверев В.А. Дети – отцам замена... С. 174.; Чудновский С.Л. Алтайская поземельная община. 1885. – № 11. – С. 185–186.

в роли опекуна традиционно фигурировала мать¹. Опекун обязан был отчитываться ежегодно перед сходом «о состоянии имущества семьи и приобщении детей к труду и молитвам». По результатам обследования крестьянского сословия во второй половине 1880 – начале 1990-х гг. был сделан вывод о том, что «правильные опеки... составляют редкие исключения»². Приводимое замечание об ослаблении «учета и контроля опекуна со стороны общества» в последней четверти XIX в. веско свидетельствует о снижении позитивного нравственного воздействия общины. В общественном мнении крестьян приютить сироту считается долгом «общества», но во взаимных отношениях опекуна и общины «заметно больше эгоизма, чем альтруизма», – подчеркивает В.А. Зверев.

Во взглядах на нарушение «писанных» законов крестьянское сознание усматривало «сложившиеся обстоятельства для несчастного», но за нарушение норм традиционного «обычного» права вина, прежде всего, возлагалась на нерадивых «родителей». Общество укоряло их за «послабление строгостей», «попустительствво», помятуя, что раньше «дети родителей слушались, народ был не праздный, не шатающийся». Особые усилия начинают прилагаться «мирами» по сохранению нравственности молодежи в условиях размывания принципов и ценностей традиционного общества на рубеже XIX–XX вв. Крайне интересен в данной связи

¹ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 5, 6, 11.

² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. – Т. II, вып. 2. – С. 170.

неопубликованный источник об общественном наказании «крестьянских детей Василия Прилепова 20 лет и Григория Аржанова 17 лет», иллюстрирующий представления о способах борьбы за нравственные устои молодежи традиционными мерами. Вышеназванные молодые крестьяне обратились в суд с жалобой, что «когда в пьяном виде и по глупости... обрезали хвосты у 14 лошадей нашей Мойсеевой деревни», то «крестьяне, чем отправить нас к приставу, собрали народ (150 домохозяев. – *Н.Д., Б.А.*), повешали нам на шеи обрезанный... конский волос и повели нас с барабанным боем по всей деревне... два раза, издеваясь над нами, а вся громадная толпа гоготала...»¹. Даже при осознании серьезности проступка правонарушители посчитали данный вид наказания «слишком обидным и оскорбительным», предпочтя «лутший» выход – «отправить к приставу».

Во-первых, мы отмечаем стремление крестьян не наказанием родителей, а мерой «позора» самих молодых людей предупредить их более серьезные проступки в будущем. Во-вторых, налицо стремление крестьянского мира не «выносить сор из избы», решив применить нормы «обычного» права предков. В-третьих, в качестве «условия» сохранилось обращение к социализирующей ценности «общественного позора» в «картине мира» крестьян старшего возраста. В ментальности крестьянской молодежи начинают превалировать ценности «второго, общественно-правового уровня». Это свидетельствует о снижении роли

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 530. Л. 54.

прежних установок традиционного сознания в последней трети XIX – начале XX в.

Институт общественной социализации молодежи не только наказывал, но и стремился защитить крестьянских детей своего «общества», совершивших серьезный проступок. Типичным является приговор схода с. Даурского Балахтинской волости (1876 г.) «Об ответственности за крестьянского сына Евдокима Карташева», которого все оценили как «оступившегося». Но сход принял «во внимание к молодости испытанного ареста, который может послужить уроком к исправлению» поведения крестьянского сына¹.

К гарантам сохранения уклада жизни и традиционных взаимоотношений крестьянское самосознание относило общинное самоуправление. Как и в целом по Российской империи, приенисейские крестьяне из своей среды избирали старост и старшин, окладчиков и счетчиков, сотских и десятских, различных сторожей. Избранные крестьяне обеспечивали стабильность и порядок в общине, регулировали взаимоотношения по «своим», «заветным» нормам и правилам. Для нас важно выяснить, что обычно-правовые нормы соотносились с представлениями о критериях стереотипов-свойств субъектов общественных служб в условиях непрерывной адаптации к меняющимся факторам в течение 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв. Не менее важно проследить эволюцию ценности общинного самоуправления в «картине мира» старожилов.

¹ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 38.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. общественная должность воспринималась как доверие (см. в «Наказах» – «поверенный»), как «присяжная должность» общества¹. Надо заметить, что в этот период в оценочных представлениях приенисейских крестьян общественная служба не входила в «круг работ». Несмотря на стандартные тексты приговоров, «формулы доверия связаны с бытовавшими оценками»². Для оценивания стереотипов-свойств носителей общественных должностей в качестве типичных приведем свидетельства приговоров крестьянских «обществ». При избрании в 1819 г. крестьянина д. Устинова Заледеевской волости Е. Пospelова на должность волостного старшины отмечалось, что он «поведения доброго и серьезного, имеет домохозяйство, скотоводство и хлебопашество»³. В 1862 г. в приговоре схода записано, что А. Григорьев, десятник из д. Воробино Сухобузимской волости, «поведения хорошего, под судом не был, имеет домообзаводство, веры православной»⁴.

Благодаря их нравственным качествам, избранным лицам делегировалось право применения наказания в отношении нарушителей общественных порядков и право вынесения общественного

¹ «Присяжной» должность воспринималась потому, что при избрании на сходе крестьянин давал «клятвенное обещание... на присяжной должности» (См.: Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1977. – С. 153).

² Крестьянская община Сибири XVII – начала XX вв. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 35–37.

³ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 11.

⁴ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 19.

порицания от имени мира¹. Согласно нормам крестьянской морали этим правом могли обладать действительно высоконравственные личности. В противном случае «должностная» критика воспринималась на уровне сибирского афоризма: «Осудила чурку палка». Все возникающие конфликты между членами своего «общества» воспринимались в «картине мира» как нарушение стабильности и порядка. Поэтому понятны истоки формулировок в приговорах о разрешении конфликта «миролюбивым соглашением»². Крестьянское сознание выделяло приоритеты «присяжных» в «обществе»: выборные лица не должны были «своевольничать», игнорировать традиции. Общественное мнение строго контролировало поведение и исполнение обязанностей «выборными».

О жестком контроле общины над соблюдением «выборными» лицами нравственных принципов при служении «обществу» в середине XIX в. свидетельствует любопытный документ. Это одно из первых свидетельств ослабления требований схода к претендентам на ответственные должности. В 1857 г. зафиксирован случай рукоприкладства «в пьяном виде» старшины с. Атамановского Сухобузимской волости С. Тюменцева. Крестьяне-общинники на сельском сходе единогласно ходатайствовали перед волостным правлением о наказании и отрешении от должности, чтобы «не позорил общества». Волостной сход не только принял соответствующее решение, но и обратился

¹ ГАКК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 87 и др.

² ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 33, 35, 46 и др.

к губернским властям: «Старшину Тюменцева просим подвергнуть высшей мере [...] наказания (предварительно зачеркнуто слово «взыскания». — *Н.Д., Б.А.*)». В мотивационной части рапорта самокритично и с сожалением сход отметил, что выбранный ими старшина «ранее подвергался замечаниям в пьянстве, нерадении и беспечности по службе и произведенное... внушение, напротив, усилило... склонность к самодурству и противозаконным действиям»¹. Сопоставление позиции данного источника с самооценкой крестьянских детей Прилепова и Аржанова, спустя полстолетия обрезавших «хвосты лошадей» в д. Мойсеевой, позволяет сделать еще один вывод. В «картине мира» крестьян середины XIX в. при вынесении сходом единогогласного приговора непререкаема негативная оценка пьянства как «отягчающего вину» обстоятельства. К началу XX в. в самосознании молодежи обычна установка на оправдание поступка, совершенного «в пьяном виде и по глупости».

В самосознании енисейских крестьян в представлениях о специфике коллективных форм социальной жизни вплоть до второй половины XIX в. выборная должность сохранялась как «присяжная должность» общества. Но в последней трети XIX в. в сознании крестьян Енисейской губернии появляются представления о неременной обязанности службы «обществу» в контексте «круговой поруки». При увольнении от должности «кандидата д. Ильинской Прокопия Васильева Потылицына» в 1868 г. по причине переезда

¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 280. Л. 1–8.

в другое село «непременным» условием становится «замещение избранного на эту должность его брата, крестьянина Степана Васильева Потылицына»¹. Мы отметили появление в волостных документах новых формулировок, в характеристиках – новых стереотипов-свойств должностных лиц. При избрании кандидатом (заместителем) старшины с. Дербинского Балахтинской волости Гаврила Ильина Колегова в 1876 г. в приговоре особо выделено, что в нем «есть качество обязательности»². В том же 1876 г. в одном из крестьянских общественных приговоров появляется дополнение: «За благонадежность... при исполнении службы мы ручаемся, и в случае растраты им казенных сумм мы ручаемся... принимаем ответственность на себя»³. Сообщинники в знак уважения и сохранения достоинства выбранного человека записали в приговоре «за благонадежность мы ручаемся...», но долю ответственности при этом приняли на себя. В том же 1876 г. в процессе согласования множества мнений (доверенного выбирали от трех селений Балахтинской волости. – *Н.Д., Б.А.*) при избрании «доверенного по общественной гоньбе» встал вопрос о «справедливости к крестьянам и честности за казенные деньги». То, что крестьяне долго спорили о выборе «благонадежного» человека, зафиксировано в приговоре: «...имели между прочими крестьянами долгое суждение об избрании... Игнатия Иванова Полежаева»⁴.

¹ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 34.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 530. Л. 54.

³ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 3.

⁴ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 761. Л. 16.

В последней четверти XIX в. мы выявили снижение ценности общинного самоуправления в самосознании приенисейских крестьян. Источники зафиксировали и установки сознания на минимализацию обязанностей крестьян в «согласительном» типе отношений с «обществом». Волостные старшины и кандидаты начинают неоднократно обращаться с просьбами о различных послаблениях в несении общественных служб, «дабы укрепить свое хозяйство». Старшина Исай Григорьев Ермолаев так обосновал свою просьбу в 1876 г.: «Дабы направить и не уронить хозяйство, я имею честь просить отпуск с августа по 15 октября»¹. Едва намечавшаяся угроза домохо-зяйству заставляла крестьянина полностью отказываться от исполнения общественной должности. В 1879 г. «кандидат волостного старшины Ключинской деревни Балахтинской волости... по наставшему одиночеству и расстраивающему хозяйству, которое может прийти в совершенный упадок» был поддержан в просьбе односельчанами и переизбран. Новый кандидат избран с условием, что «может исполнять должность без утруждения своего хозяйства»². С идентичной формулировкой обратился к сходу кандидат сельского старшины Иннокентий Сешнев: «... просил нас избрать вместо его... по случаю болезни и взятия его брата в военную службу, дабы требует хозяйство его поддержки и не пришло в крайнее раззорение»³.

¹ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 2 об.

² ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 4.

³ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 7.

Таким образом, в источниках последней четверти XIX в. зафиксировано превалирование индивидуально-семейных ценностей над общественными в «картине мира» приенисейских крестьян. Данное явление подтверждает общую тенденцию в ориентации крестьянского хозяйства на рынок под воздействием факторов индустриальной модернизации. Снижение ценности общественных служб в ментальных представлениях крестьян-старожилов подтверждается и новыми, менее серьезными требованиями к возрасту мужчин, избираемых на общественные должности. Если в начале XIX в. на ответственные службы на сходах избирались лица не моложе 40–45 лет, то теперь нередко 26–30-летние сельские старшины и кандидаты¹. Впрочем, если вопрос вставал об обращении выборных лиц с крупными суммами «казенных» или «общественных» денег, то по-прежнему оговаривался возраст «усердного домохозяина и хлебопашца» 40–45 лет².

Источники доказывают, что в последнее десятилетие XIX в. термин «общество» применяется все более по отношению к выборной администрации. Когда крестьянину И.Е.Е. из ангарской д. Заимской в результате неточного наделения землей «была нанесена обида», он подал иск в волостной суд на сельское общество (!) ввиду того, что его «обделили на 1/8 десятины». Сельское общество (ответчик. – *Н.Д., Б.А.*) признало ошибку и просило суд вынести решение: «В будущем 1890 г.

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 29. Л. 119.

² ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 761. Л. 12, 16.

выдать истцу земли в удвоенном количестве, то есть не 1/8, а 1/4 десятины» в знак «признания вины общества»¹. Аналогичное признание представлений о равенстве юридических прав находим во многих других судебных документах. В 1891 г. произошла потрава посевов крестьянина по вине «общества», т.к. последнее «не обеспечило сохранности посевов вокруг деревни». Оно и возместило домохозяину нанесенный ущерб². Эволюция оценки «общественных служб» от «присяжной» должности к «обязанности» завершается тем, что в 90-х гг. XIX в. начинает превалировать негативное отношение к ним как «виду повинности»³.

Окончательно негативное восприятие общинных должностей закрепилось в сознании в годы Первой мировой войны, когда выборная администрация была прямо вовлечена государством в выполнение насильственных фискально-репрессивных мероприятий. Прекрасный знаток крестьянской жизни этого периода, один из лидеров сибирских эсеров Е. Колосов отмечал, что к 1917 г. в Енисейской губернии «выбирали на общинные должности» в отместку, желая «насолить» кому следует, кто в неприязни у «общества»⁴.

Таким образом, с позиций установок этнических констант выборная общинная власть в сознании сибирских крестьян-старожилов вначале была

¹ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

² ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

³ Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники... С. 93. Материалы по исследованию землепользования... Т. IV, вып. 5–6. – С. 300.

⁴ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. – Изд. Былое, 1923. – С. 26.

неотъемлемой частью компонента «мы», затем переместилась в содержание компонента «условия...». Представления «картины мира» крестьян-старожилов о функциональном предназначении общины базировались на постулате «пользы» при взаимодействии с внешним миром. Осознавая общину как корпоративное объединение, «картина мира» крестьян-старожилов выделяла лиц на границе взаимодействия с внешними факторами, т.е. тех, кому делегировалось право представлять «общество». «Общество» на стадии оформления из большой патриархальной семьи («однопородной деревни») соответствовало компоненту «мы». Первоначально «присяжная» должность являлась важным «условием...» защиты корпоративных интересов всего «мира». Во второй половине XIX в. содержание компонента «мы» все более начинает включать в себя не столько общину, сколько семью и родственников. Следовательно, избрание на должность означало временный уход за пределы «своего» мира в состав власти. «Общество» начинает соотноситься с компонентом «условий...» обеспечения стабильности мира. В данной связи термин «общество» олицетворяет вначале сход, затем представителей волостной и сельской власти. В конце XIX в. в ментальных оценках старожилов волостные и сельские старшины эволюционируют в состав элементов государственной структуры управления. Мирские должности воспринимаются в «картине мира» не иначе как «повинности». На основе оценок Е. Колосова лица, избранные на выборные должности по признакам неприязни

«у общества» в начале XX в., более соответствовали по своим качествам компоненту «они». Естественно, и функция «служения обществу» к концу XIX в. более замещается мотивацией личных и семейно-корпоративных установок, в том числе корыстных.

Бинарную психологическую ситуацию положения личности на границе «мы – они» можно проанализировать на примере традиционных представлений о взаимодействии крестьянского мира с писарем. В сибирских селениях писарь считался важной и примечательной фигурой. От деловых качеств и профессионализма писаря в экономических и социальных вопросах во многом зависело благополучие «общества». В отличие от выборных старшин, сотских и десятских, писарь находился на постоянной службе, «по найму», что являлось довольно выгодным источником доходов. В селениях Енисейской губернии годовое жалованье писарю устанавливалось от 450 до 700 рублей. Он имел и дополнительные источники доходов. Так, за причисление к «обществу» д. Иджа Шушенской волости Минусинского округа переселенец расходовал в 1880-е гг. до 50 рублей. Из них сельскому писарю за прошение он платил 3 рубля, волостному писарю – 4 рубля¹. Но, понимая, что от писаря зависят необходимая отчетность и положение общины в «глазах начальства», во всех сельских и волостных правлениях писарю доплачивали за счет общинных сборов от 100 до 400 рублей. Доплата к жалованью писаря по решению крестьянского мира

¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. IV, вып. 5–6. – С. 193.

в Енисейской губернии называлось «подмогой». Уступки крестьян писарям стереотипно объяснялись следующими словами: «Жалование у писаря не есть весьма большое. На это жалование едва ли согласится служить добропорядочный и благонамеренный человек, а найдется такой, который мыслит иметь другой доход, кроме жалования, т.е. способен делами злоупотребить»¹.

В формулировках приговоров «общественных согласий» подчеркивается изначальное стремление найти достойного писаря для служения «миру»: «Мы между собой посоветовались и приговорили нанять и наняли на должность сельского писаря (Н.Д., Б.А.)... Михаила Васильева Егорова, которого поведение нам известно»². Заметим, здесь нет утверждения, что он «поведения доброго», но для крестьян «известного». При найме писаря «обществу» важно было рассчитать как условия честного исполнения обязанностей, так и приемлемую «подмогу». Нейтрализация возможного зла со стороны сельского «чиновника», конечно, была условной. Находясь на границе взаимодействия общины и государства, неугодный писарь мог быть смещен как властями, так и по требованию «общества»³.

¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. IV, вып. 5–6. – С. 193.

² ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 15.

³ Нами проанализирован ряд документов о снятии с должности сельских и волостных писарей в Енисейской губернии в течение XIX в. за «злоупотребления и растрату денег», «усталость общества от чрезмерных поборов писаря» или «за сокрытие от вышестоящих властей...», «упущения по рапорту крестьянского начальника...». См.: ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1279; Там же. Ф. 546. Оп. 1. Д. 9; Там же. Ф. 344. Оп. 1. Д. 557, 872; Там же. Ф. 595. Оп. 46. Д. 59, 124; Ф. 244. Оп. 1. Д. 34. Л. 2

С «пограничных» позиций самосознания важное место в представлениях о «чести общества» занимали традиционные установки на избавление от «порочных» крестьян и поселенцев, позоривших крестьянский коллектив. Испытанным методом являлось изгнание их из селения по решению схода. Так, в 1887 г. старожилами д. Скрипочниково Ачинского округа был выселен «крестьянин из поселенческих детей Семен Данилов Ильин за казнокрадство и кражу имущества инородца Кукарцева, нашего сообщинника» (Н.Д., Б.А.). Приговор сельского схода гласил: «Мы, принимая во внимание, что [Ильин] поведения неодобрительного, занимающийся постоянно кражами, пьянством и вообще развратной жизнью... не может быть больше терпим в нашем обществе». Крестьяне подчеркивали, что «хотя мы и принимали меры к исправлению поведения, но все это осталось безуспешным...»¹. В данном случае интересы «инородца», члена общины, оказались защищены, так как он был «свой» по нравственному поведению, в отличие от Ильина. Поэтому наряду с указанием происхождения данного крестьянина (из поселенческих детей) оговаривается мотивация дальнейшей его «нетерпимости в обществе».

При этом широкий круг архивных источников² отражает выраженную тенденцию роста числа дел «о выселениях» в течение исследуемого периода.

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 53. Л. 2, 3 и 3 об, 37.

² Например: ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1348 (1833 г. – «О поселенцах худого поведения»); Там же. Ф. 608. Оп. 1. Д. 3984 (1842 г. – «О выселении порочных людей из поселенцев»); Там же. Ф. 344. Оп. 1. Д. 133 (1837 г. – «...о высылке порочных и взысканиях»).

В архивных источниках первой половины XIX в. мы находим единичные приговоры сельских и волостных сходов данной тематики, в основном касающиеся ссыльнопоселенцев.

С позиций негативной ментальной оценки поведения человека типичным является приговор сельского схода с. Емельяново Заледеевской волости о выселении поселенца Петра Кунгурова: «В деревне не имеет домообзаводства, определенных занятий, замечен неоднократно в худых поступках и за покушение на изнасилование». В декабре 1895 г. волостной сход утвердил решение сельского общества о выселении П. Кунгурова¹. Здесь на первом месте стоит ментальная оценка неприятия не только поступков поселенца, но, более того, отсутствия «домообзаводства и определенных занятий». Это лишнее свидетельство нравственной оценки человека «обществом» по его отношению к труду.

Количество приговоров о выселении «крестьян и переселенцев порочного поведения» из старожильческих селений Енисейской губернии резко возросло в конце XIX в.²

Результаты наших полевых исследований коррелируют свидетельства современников и исследователей о том, что в конце XIX в. старожилы все более замыкаются в своих мирах. Мы доказали и факт углубления тенденции к заключению браков внутри нескольких старожильческих родов. Так, вплоть до 1920-х гг. в с. Балахтон Ачинского уезда

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 53. Л. 1-17.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 39. Д. 165, 169, 170, 177, 183, 620, 623, 625, 688...

старожилы Патрушевы, Вараксины, Мамаевы, Тяжелниковы, Марьины предпочитали «родниться между своими».

Наши информаторы показывали, что в селениях Имисское, Бугуртак, Жербатское Минусинского уезда в конце 80-х гг. XIX в. усилились противоречия между крупными родами крестьян-старожилов. В с. Имисском словесные перепалки на сходах между представителями семейных «кланов» иногда доходили до открытых столкновений. Несколько родов сохраняли нейтралитет, но большинство отдельных семейств вынуждены были под давлением сторон определяться с выбором. Поэтому «раскол» проходил через все сельское «общество». Однако в земельных спорах с соседними можарскими крестьянами все старожилы выступали сообща¹. Результаты исследований подтвердили и факт изменения отношения к выборным должностям. В том же с. Имисском Минусинского уезда вплоть до 1890-х гг. на ключевые должности избирались члены старожильческих «кланов» (Евдокимовы, Хохловы, Скурихины, Поповы). Позднее избираются переселенцы из бывших помещичьих крестьян (Евлюковы, Журавлевы и др.).

Таким образом, в течение первой половины XIX в. в представлениях «картины мира» продолжали сохраняться ментальные установки ценности

¹ Данные информаторов-старожилов: Алешечкина Л.С., Евдокимова Н.И., Глушкова Д.П., Евлюковой (Скурихиной) С.С., Левахина С.М., Пружинина Ф.С. Пружининой А.И. (с. Имисское Курагинского р-на); Вараксина Т.Е., Мамаева П.И., Вараксиной Т.И., Аристова В.А. и др. (с. Балахтон Козульского р-на Красноярского края).

«однопородной деревни», выросшей из большой патриархальной семьи. В правилах отношений между членами общины отражались выраженные оценки традиционного сознания о корпоративности и иерархичности сообщинников, прежде всего «по-родству». Характер мотивированных ценностей «картины мира» крестьян-старожилов выстраивал систему алгоритмов позитивного социального поведения в среде «своих». В «картине мира» приенисейских крестьян сохранялись сострадание и установки помощи по отношению к тем сообщинникам, кто нуждался в социальной поддержке. Выборная власть неосознанно воспринималась частью компонента «условий» благополучия «общества». Одновременно коллективная ментальность влияла на психику крестьян-переселенцев, социализируя в сообщество «своих».

Выше нами были рассмотрены аспекты эволюции представлений и установок традиций крестьянской семьи в последней четверти XIX в. Все вышеперечисленные тенденции характерны и для представлений и установок отношений между крестьянами в границах старожильской общины. В ценностных воззрениях все более преобладают ценности семьи, отдельного домохозяина. Выборная власть в общине все более воспринимается как тягость, вид повинности. Если в начале XIX в. слово «общество» относится ко всему коллективному сообществу селения, то в последней четверти столетия – к выборной власти общины. Соответственно, снижается ценность самой службы в воззрениях крестьян.

Корпоративность в представлениях крестьян воспринималась, прежде всего, в качестве важного позитивного объединяющего стереотипа-свойства членов общины. В представлениях «картины мира» крестьян община выполняла важнейшую функцию корпоративного органа, защищая отдельные домохозяйства от посягательств со стороны. Одновременно во второй половине XIX в. нарастает тенденция консолидации старожилов в целях борьбы с нарушителями традиций. Резкое увеличение количества выселенных за пределы общины косвенно свидетельствует об ослаблении воспитательных и социализирующих возможностей сообщества крестьян.

4.3. ФАКТОРЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В «ОБЩЕСТВО»

Процессы освоения сибирских земель и формирования постоянного населения неразрывно связаны с процессом формирования семейного уклада у новоселов Сибири. Русский человек (независимо от сословного положения) не мыслил себя вне семьи. «Семья в тесном смысле слова есть община, состоящая из родителей, живущих между собой в более продолжительных и исключительно супружеских отношениях и их детей».

Специфика первоначального этапа колонизации края не способствовала нормальной, обустроенной семейными отношениями жизни. Однако постепенно в течение двух-трех веков становление и развитие семейно-брачных отношений стали

одними из социализирующих факторов сибирского старожильского мира. Людность крестьянского двора, а в нем число рабочих единиц мужского и женского пола увеличивалось с ростом его экономической состоятельности.

К началу XIX в. увеличивается состав крестьянских семей Сибири, и усложняется структурно-поколенный состав семей. Проведенный Л.М. Сабуровой анализ посемейных списков Приангарья показал, что наибольшее количество семей состояло из двух поколений, немногим меньше – из трех поколений, реже – из четырех поколений родственников по прямой линии, с отцом (дедом) или одним из женатых братьев во главе семьи. Структура малых семей была различна, однако степень зажиточности крестьянской семьи во многом зависела от наличия рабочих рук.

Крестьянская семья была основой благополучия хозяйства, но при этом главная задача основания семьи во все времена – это рождение и воспитание потомства. Уровень рождаемости увеличивался, с одной стороны, вслед за наиболее урожайным годом, а с другой – за годами сильных эпидемий (природа стремилась компенсировать людские потери). Рождаемость падала во время войн (в 1904–1905, 1915–1917) В системе ценностей наиболее желаемое количество детей колебалось от 3 до 5, и в первую очередь сыновей: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – весь сын» – эта поговорка зафиксирована в изучаемую эпоху в разных местах Сибири.

Рождение ребенка в крестьянской семье считалось важным не только для семьи, но и для общины. Со времени рождения ребенка в крестьянской семье он оказывался под опекой «мира», регулировавшего отношения между родителями и детьми. «Мир» следил за исполнением правил, согласно которому младшие члены семейства должны повиноваться воле старших, исполнять их желания и требования. Конфликтные ситуации решались мирским сходом в пользу родителей.

Народная этика требовала от родителей «содержать, воспитывать и довольствоваться» своих детей. Историки М.М. Громыко и В.А. Зверев отмечают, что до выделения из отцовской семьи в самостоятельное хозяйство сын должен был подчиняться родителям во всех делах – и хозяйственных, и личных, а дочь – до выхода замуж. Дети всегда имели право на материальную поддержку со стороны родителей, и нарушение данного обычая не одобрялось сельским «миром».

Особую роль выполняла община в отношении к детям-сиротам, она и определяла опекуна: «брала контроль за расхождением наследства, а если не доставалось сироте «имение» от родителей, то общине поручалось поместить его «по состоянию его для учения какого мастерства у добротных людей».

На усыновителей возлагались все обязанности, которые лежали на родных отце и матери. На воспитание могли отдать как одного, так и нескольких своих детей. Официальные власти не препятствовали передаче крестьянских детей на усыновление, но только в крестьянские семьи.

Безусловно, детей в крестьянских семьях любили. Ласкают своих детей: «сахариночка моя», «лоскуточек мой». Историки отмечают, что крестьяне одинаково относятся как к сыновьям, так и к дочерям, но более радуются рожденному сыну как помощнику в работе, а исследовательница М.В. Красноженова повествует, что на дочерей смотрели как на временного члена семьи. Конечно, надо добавить, мать ничего не имела против девочки, так как до выхода замуж дочь была ей помощницей «по домашности»».

Непосредственное участие в становлении личности ребенка, особенно на ранних этапах его жизни, принимала мать. В то же время необходимо отметить, что в ряде случаев «дитя» было предоставлено само себе. Так, крестьянка с. Минино в возрасте 75 лет вспоминала: «Вечером с пашни приеду, ребенок в люльке от реву разошелся, постилки все запачканы, мокры; во дворе коровы режут – доить надо; свиньям поило надо сделать да разлить, цыплят, кур накормить надо! Курам кину овса – ешьте! Подойник захвачу да к коровам – доить скорее! А ребенок ревет – реви! Некогда, а самой жалко подою коров – молоко скорее процежу, в яму суну, коровам поила налажу, коню тоже еды дашь и попоить надо; бегу в избу, а там дух – не приведи бог! Надо из под ребенка убрать, надо накормить и вымыть его. Самовар поставлю, пока кипит в люльке приберу, потом ребенка вымою, накормлю, он и уснет. Опять самовар кипячу: других надо накормить да вымыть, оне уже бегут, узнали, что мать приехала. Всех ребят накормлю, умою; расползутся кто куда, заснут».

Н.А. Миненко пишет, что «многие крестьяне на период основной страды – с 1 августа до середины сентября – вообще переселялись в поле, а малолетних детей оставляли с «няньками» 10–12 лет или дряхлыми старухами. Девушка с 14 лет сбрасывала с себя всю «опеку родительской власти и сама уже распоряжалась своими поступками».

До сих пор существует легенда, что в Сибири действовал «естественный отбор», выживали самые сильные, потому-то народ был крепким и выносливым, – это заблуждение. Детская смертность в России у крестьянского сословия – показатель тяжелейших условий жизни, отсутствие элементарной медицинской помощи. В 80 случаях из 100 причиной смерти детей значился «родимец» – не болезнь, «но будто в миг рождения дьявол успевал испортить младенческую душу, и когда ребенок в духоте без материнского молока и ухода кричал до икоты», говорили «родимец бьет», поэтому смертельный исход казался почти закономерным, «бог дал – бог взял».

Комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что воспитание новых поколений осознавалось как одна из важнейших своих обязанностей всем крестьянским сообществом. Традиционное народное право вменяло родителям любовь, доброту к своим детям. Невозможность передачи детям полноценного хозяйства или неудача в деле воспитания детей воспринимались поэтому как трагедия. «Живем не жители, а умрем не родители», – говорили в подобных случаях.

Руководящая роль отца в воспитании обуславливалась прежде всего высоким авторитетом умелого работника, заступника семьи перед посторонними, уважаемого члена сельского общества. У него обычно не было необходимости в наказании детей как воспитательном средстве – они были постоянно «на глазах», и любое указание выполнялось беспрекословно. В большинстве семей воспитание проходило в атмосфере заботливого отношения к детям.

В сельской семье существовала своеобразная психологическая взаимодополняемость воздействия матери и отца на детей. Распределение ролей позволяло эффективно реализовать известную заповедь народной педагогики: «Где строгость, там и милость». Историк В.А. Зверев выделяет отличия в воспитательной роли родителей на разных возрастных этапах социализации детей. В грудном и младшем детском возрасте и сыновей, и дочерей «досматривала» в основном мать, а приучение к хозяйственным работам в школьной и подростковой «поре» было дифференцировано: сын находился под влиянием отца, дочь – при матери.

Ранняя смерть одного из родителей тяжело отзывалась на семействе, в частности, и потому, что уходил человек, призванный приобщить детей к жизненно важному для них делу, сформировать у них определенные качества характера. Стремясь вступить во второй брак, вдовцы зачастую резонно объясняли этот шаг нуждами детского воспитания.

«Малолетних детей крестьяне практически не били, даже в тех случаях, когда на них жаловались

соседи, например, из-за того, что чей-то ребенок залез в чужой огород. Причем сам хозяин огорода мог всыпать воришке крапивой и рассказать родителям о проделках их ребенка. Но мать могла его и не наказывать, тем более что он уже получил крапивой, но и ругаться с соседями из-за того, что они тронули ее ребенка, тоже не начинала. А все потому, что к небольшим проказам относились терпимо».

По крестьянской этике уважения были достойны не только родители, но и старшие вообще. Их с почтением приветствовали при встречах на улице, к ним обращались за советом, учитывали их мнение. Взаимодействие разных поколений несло в себе традиции, опыт необходимый подрастающему поколению. При разделах крестьянских семей родители обычно оставались «до смерти» с одним из сыновей. Существовало традиционное правило, по которому это был младший сын: считалось, что он больше других нуждается в наставлениях со стороны родителей, будучи еще «не вполне развитым по домашнему хозяйству».

Религиозно-нравственная основа взаимоотношений поколений в семье особенно четко проявлялась в крестьянских представлениях о значении родительского благословения и родительского проклятия. Родительское благословение давалось перед свадьбой, перед отъездом в дальнюю дорогу, перед смертью отца или матери, перед совершением ответственного или опасного дела. «Сила родительской молитвы неотразима», «Молитва родителей и со дна моря поднимет», – подчеркивает М.М. Громыко.

Нравственные ценности – величайшее достояние каждого народа. Это же несомненно относится и к миру русских крестьян-старожилов Сибири. Крестьяне не писали трактатов о нравственности, не оставили конкретных письменных источников, поэтому судить однозначно нельзя. Трудности в изучении этого вопроса обуславливаются своеобразным сочетанием в крестьянской культуре как региональных особенностей, так и общих для всей России.

Для крестьянского миропонимания было характерно стремление к стабильности и сохранению ценностей культуры традиционного общества. Картина мироздания, лежавшая в основе крестьянских воззрений на природу и общество, была окрашена ярко выраженной религиозностью. Благодаря языческим верованиям в среде крестьян бытовали представления, свойственные «народному христианству».

Старожильческая Сибирь была значительно менее религиозна, отмечалось представителями различных групп местных и сторонних наблюдателей. Историк В.А. Зверев также отмечает, что в стремлении сибирских крестьян воспитывать детей «в страхе Божием», не было цели приобщить детей к наиболее глубоким и специфическим основам христианского православного вероучения и нравственности. Многие вполне признаваемые христианские нравственные ценности не осознавались как ценности абсолютные: «Поп свое, и черт – свое», «В мире жить – мирское творить».

Сельский священник из сибирского прихода писал: «В настоящее время в жизни крестьян и низших классов народа редко можно встретить что-либо нравственное и христиански-религиозное. Все это вытеснено на задний план и преобладающим явились одни суеверия, предрассудки и безнравственность и одна забота о теле». То, что для православного священника являлось «суевериями, предрассудками, безнравственностью» в конечном итоге в сибирской ментальности было проявлениями двоеверия, т.е. «народного христианства». «Двоеверие, по сути, было признаком свободы, права выбора в осуществлении обрядовости и обращении к сверхъестественным силам. Нравственные начала как христианства, так и языческих поверий, победы сил Добра над силами Зла помогали сохранению оптимизма. Двоеверие было не просто религиозным мировоззрением, а нравственно-этическим базисом совестливости, основой бытия сибирского старожила».

В традиционном «круге жизни в народном христианстве» важнейшим звеном семейно-бытового цикла у крестьян Сибири была родильно-крестильная обрядность. Приметы и магические обрядовые действия направлены на сохранение жизни матери и ее будущего ребенка, так как считалось, что им грозила большая опасность со стороны «сил Зла». От беременной женщины требовалось, чтобы она жила повышенной, против обычного уровня, нравственной жизнью, каждый шаг делала осторожно: избегала неприятных встреч, бережно относилась к домашним животным. Так,

в селениях юга Сибири были распространены рассказы о «вещицах» (ведьмах), которые летали «под видом бесхвостой сороки» по ночам, могли спуститься в печную трубу и похитить плод из материнской «утробы». Говоря об охранительной магии, можно отметить, что сибирские крестьяне верили в способность собаки отгонять от человека нечистую силу. Одновременно для сохранения защитных магических способностей собаки беременной женщине нельзя было через нее перешагивать, пинать ее ногой – «у ребенка... будет болеть спина и гнуться назад».

Повитуха, принимая роды, проделывала серию процедур, носивших как магическое, так и здоровьесохраняющее значение. Ее приглашали за месяц или два перед родами к будущей роженице для того, чтобы «правила» живот. Родившемуся ребенку она «вправляла грыжу», врожденные вывихи, «правила головку», с первых дней закаливала здоровье.

При рождении ребенка у сибиряков было принято вести мать и дитя в баню. Подобное требование объяснялось как заботой о физической чистоте, так и верой в «очистительную силу» воды, в то, что мать с младенцем после родов находилась во власти «нечистых духов». Н.А. Миненко выяснила, что «ребенка «мыли» и «правили» не менее чем в «трех банях»: было не менее трех «выходов с дитя» в баню.

Когда ребенка впервые укладывали в колыбель, совершался ряд магических действий, которые должны были повлиять на формирование

в будущем у него определенных черт и свойств. Мальчику под перинку клали лучок со стрелкой и кусок хлеба (чтобы был хорошим промысловиком и земледельцем), а девочке – пряслице с веретенем (чтобы была работающей домохозяйкой). В колыбельку также прятали камешек – в надежде, что ребенок будет «крепок как камень».

Обычно далее шел обряд церковного крещения. В результате многочисленных бесед с информаторами-старожилами, мы выяснили, что в селениях Минусинского уезда в XIX в. к крещению приступали тогда, когда вполне убеждались в жизнеспособности «дитяти». «Бог дал, Бог взял», – говорили наши информаторы, а «умрет дитя некрещеным, так как ангелок, сразу в рай и попадет». Отсюда нередким было, что между рождением и крещением могло проходить как десяток дней, так и до полугода и более.

Обряд крещения ребенка проходил только при восприемниках, «крестных родителей». Крестный отец новорожденного, кум, чаще всего оплачивал и расходы на крещение. Он же приготавливал для «возложения на младенца» медный крест. Кума, крестная мать, покупала 2–3 аршина холста или рубашку для ребенка. Н.А. Миненко пишет: «...крестной матерью обычно становилась крестьянская “девка” из своей деревни...». Наши исследования свидетельствуют, что в качестве «крестных родителей» часто подбирали подростков 12–14 лет. После церковного крещения следовали крестины – обряд принятия новорожденного из рук «родителей от Бога» (т.е. крестных) в семью «биологических»

родителей. Из церкви кумовья уносили ребенка в родительский дом, и родители «приемлют их с радостью и благодарят за не оставление в таковом высоком деле и услуге и потом сажают их за стол в передний угол и угощают пищею».

«При выборе имени, – пишет Н.А. Миненко, – стараются давать имена отца или деда – мальчикам, чтобы ребенок, когда вырастет, мог помнить свой род и чтобы в один день быть именинником отцу и сыну. Вообще более норовят давать имена своих родственников, чтобы эти имена переходили из рода в род и не забывались в нисходящем потомстве».

С первых минут жизни, с момента рождения считалось обязательным дать нравственное напутствие. «Не будь крикливым, не будь ревливым, будь уемным, будь утомонным, не будь жадным, будь аушным», – приговаривала бабка-повитуха над ребенком. Цели нравственного воспитания зачастую облекались в религиозную форму; на формирование молодого поколения, по мнению историка В.А. Зверева, влияние оказывали «Божьи заповеди».

В период самого раннего детства у сибирских крестьян не было принято выделять ребенка по половому признаку – все они были «дитя» или «дите». Самый ранний этап воспитания «дитя» (до 2–3 лет) крестьяне обозначали терминами «пестование», «водня». Осуществлялся небогатый набор необходимых операций: кормление ребенка грудью или из рожка, мытье, пеленание, лечение, укачивание до года в колыбели, а потом в подвешенной к потолку зыбке.

Из поколения в поколение передавалась и шлифовалась поэзия пестования (колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки и докучные сказки) – эффективное средство первоначального умственного, эстетико-эмоционального и волевого развития ребенка. Современники отмечали огромное влияние устной литературы на детей: раньше всего – колыбельные песни, затем по мере подрастания ребенка – потешки «приговорки», забавы, небылицы, сказочки, загадки.

В возрасте полгода колыбельную песню перемешивают с потешками, причем целью этого является возбуждение или поддержание у ребенка радостных эмоций. Потешки можно делить на потешки-приговорки и потешки-песенки. Первые применяются, когда ребенок в колыбели («зыбке»), про-снувшись, потягивается. Из исследования М.В. Красноженовой мы можем сделать вывод, что основной запас народного творчества дети получали от окружающей их среды в лице матерей, бабушек и нянек. Она разграничивала понятие «забава» на зрительные, осязательные и физкультурные (потягушки, поскакушки, дыбки).

Итак, потягушки это и древний массаж – когда ребенка распеленают и положат отдохнуть от пеленок на подушку или кровать, то бабушка или мать поглаживают его, расправляя, по животу, по ручкам, по ножкам и полупоют или полуговоряют:

Потягушечки-порастушечки,
Потягушечки-порастушечки
Ноженьки – побегушечки.
Поперек порастунюшки.

Рученьки-работушечки.
Ручки-хватунюшки.
Глазаньки-поглядушечки.
Ножки-бегунюшки.

Соответственно тексту поглаживают нужную часть тела. Иногда же поют из песни подходящий текст, например.

Ваньчик мой, да кудрявчик мой.
Кудреватая головушка твоя
Золоты у Вани кудерцы.
Золоты кудри серебрянные.

Ребенок лежит в спокойном состоянии, «гулит».

Поскакушки – когда ребенок бодрствует, то садят его на ладонь одной руки, другой рукой поддерживая за грудку, подбрасывают слегка вверх и полуприпевают:

Скок-поскок на чужой мосток
Свой намощу – никого не пущу.

В целях же успокоения ребенка, выведенного из благодушного настроения ушибом или другим незначительным обстоятельством, крестьяне использовали заговоры-шутки:

У сороки боли,
у вороны боли
у Фенички заживи.

Дыбки – когда ребенок только еще ползает, но не стоит, то старшие ставят его на ножки и приговаривают: «Дыбки, дыбки». Это допускается с ребенком, которому около году.

Обучение – и показом и сказом – начинается раньше, чем принято думать. Уже в то время, когда ребенок начнет совершать самостоятельные

выходы в окрестности своей избы, ему даются первые уроки счета. На коленях у матери или старушки – няньки «учат считать» по пальцам. «Берет, скажем, левую руку ребенка и говорит (сначала медленно):

Этот (берет мизинец)
Палец (безымянный)
с этим (опять мизинец)
пальцем(опять безымянный)
(вдруг быстро и громче):

два пальца! (зажимает вместе мизинец и безымянный). Немного позднее применяются иные способы обучения счету.

В раннем возрасте осуществляется звукоподражание знакомых детям животных. По поводу шума в курятнике или по подходящему случаю ребенку рассказывают, например:

– Слышишь, курицы осердились на хозяина? Верно, худо кормит. Осердились и кричат (слышишь?): «Хозяина запродай!» Утка говорит: «та-ак», «та-ак»... Индюшка тихонечко: «как ха-ти-ти»... А гусь: «по-огадя маленька!». Ишь, ему жалко хозяина продавать.

Важнейшим средством воспитания «дитя» на втором этапе (в возрасте с 3 до 6–7 лет) являлись детские игры. При этом старшие обеспечивали детей небольшой частью игрушек и инвентаря для игр, предоставляя им возможность находить и изготавливать самим.

«В качестве игрушек часто использовались просто разнообразные предметы, подобранные в лесу, на поле, во дворе и доме: палочки, камышовые

шишки, сушеная трава, камушки, перышки, разноцветные стеклышки и др. Кукольные изображения людей и животных делали обычно неразъемными из натуральных природных материалов – глины, дерева, бересты, шерсти, шили из тряпочек, очень схематично намечая лишь некоторые черты реального облика. Такие куклы ощущались детьми как ласковые, теплые». При изготовлении игрушек специально для детских игр раскраску и орнамент старались делать с учетом характера как локальных особенностей, так и общерусского декоративно-прикладного искусства.

Невозможно переоценить значение русской народной игры, способствующей умственному, физическому, а также нравственному воспитанию детей, формированию у них таких качеств характера, как трудолюбие, честность, справедливость, взаимовыручка. В своих играх в пахоту и в жатву, сенокос, охоту, обозы, торговлю, в свадьбу, «в клетки» дети имитировали деревенскую жизнь. Дети многократно «примеривали» на себя, «разыгрывали» свои будущие семейные и общественные роли, совершенствовались в этикете, приобретали навыки общения, глубже вникали в особенности обрядов.

Воспитание и самовоспитание детей шло в процессе совместного времяпрепровождения, детских традиций, обыгрывания многих сторон «взрослой» жизни. Здесь были свои запреты, ограничения. Чтобы не прослыть «неумехой», «бессовестной», «непутевым», «ябедой» или «хлюздой» и не быть изгнанным из игр, дети должны были следовать высоким этико-нравственным нормам.

«Зимние» игры и забавы отличались от летних. Играли в снежки или просто толкали друг друга в снег. Девочки проводили больше времени дома, играли в куклы, в камешки. Ребята делали балайки из доски, натягивая на нее нитки, и играли для желающих плясать, – писал Г.А. Виноградов.

Крестьянские «воспитатели» прекрасно понимали, что нравственные качества – это основа сибирского труженика. В связи с этим на первых порах особое место занимали «понятия», что значит «плохо», а что «хорошо». Так, поговорка – афоризм «Воровать – стыд и грех, и судить будут» на первое место ставит не юридические запреты, а нравственные «стыд и грех». «Бери лошадь от породы, а невесту от дома, от роду» – внушалось мальчику с детства. И еще: «Гульба да игра не ведут до добра», а если «не послушался отца-матери, послушайся теперь барабанной шкуры; не хотел шить золотом, теперь бей камни молотком». Считалось, что непослушание ведет к преступлению и каторге. Целый комплекс пословиц и поговорок имели своей целью осуждение пьянства. «Пить до дна – не видать добра», – говорили. Детям постоянно внушали: «Не вздумай вино пить и табачище курить».

Возраст с 7–8 лет и до 11–12 лет был школой крестьянского труда в половозрастном разделении воспитания мальчиков и девочек. Вся система воспитания в этом возрасте строилась на включенности мальчиков и девочек в труд, при этом не в «игру в труд», а реальную трудовую деятельность. Так, нельзя было не познать сроков и приемов ухода за различными культурами и породами

скота, не научиться учитывать многочисленные оттенки почв, климатических условий. В практических условиях усваивались все профессиональные нюансы, связанные с «мужскими и женскими занятиями и ремеслами», так и непременно сопровождавшие их заговоры, поверья и приметы. В крестьянском социуме основами большинства знаний и умений самостоятельной жизни крестьянские дети овладевали к моменту вступления в старший подростковый возраст.

В сибирской деревне трудовое воспитание органично входило в бытовую жизнь и хозяйственную деятельность семьи. Главной целью воспитания детей была подготовка их на основе накопленного предшествующими поколениями социально-исторического опыта к жизни, к труду. Особенно детям прививалась серьезность, чувство ответственности.

Вопросам трудового воспитания детей в семье крестьянина уделяли внимание историки Н.А. Миненко, М.М. Громыко, которые подчеркивали, что трудовое воспитание – это основа народной педагогики и его осуществление лежит на плечах родителей. С одной стороны, семья создает условия, чтобы ребенок трудился с интересом, любовью, – она готовила детей для хозяйственных нужд семьи, но с другой – именно в труде она воспитывала нравственные качества: любовь и уважение к трудовому человеку, нетерпимость к проявлениям тунеядства, лени, попыткам увильнуть от труда. Чтобы прокормить самих себя, обеспечить сносной одеждой, инвентарем, предметами

быта, приходилось трудиться всем от мала до велика, и работа находилась для каждого своя. «Все дети большой неразделенной семьи воспитывались вместе, старшие одновременно участвовали в воспитании младших».

Приучение детей к сельскохозяйственным и «домашним» работам начиналось очень рано. Малые «дитя» были на так называемых побегушках: принеси то, достань это, сходи к соседям. Вид работы во многом зависел от сезона. Так, весной традиционно дети кормили подрастающих цыплят и караулили их от ястребов. Ставка делалась не собственно на труд, а на привитие у них основ трудолюбия, и если изначально «дитяти» только наблюдали, в чем-то подражали действиям родителей, то затем главный упор делался на целенаправленное, осознанное обучение труду.

По достижении 6–7 лет происходило жесткое половое разделение. Трудовое воспитание мальчиков находилось на обязанности отца, старших братьев или других взрослых мужчин. С 9 лет мальчики стерегли лошадей, пригоняли с речки гусей, загоняли во двор возвращавшийся с пастбища скот. Им поручались и более серьезные работы на подворье. Они начинали принимать деятельное участие в работах отца. Огромное значение в этом возрасте играло знакомство с лесом, тайгой: дети собирали ягоды, грибы, учились распознавать травы, ловить рыбу. С 11 лет мальчики умели ездить верхом на лошади, работали на бороньбе во время сева. Мальчики перенимали плотничьи, сапожные, земледельческие навыки.

«Свой бороноволок дороже чужого работника», – с гордостью говорили родители о сыне, и ребенок чувствовал свою значимость для семьи. По достижении 14 лет подросток учился пахать, его брали на сенокос подгребать сено, поручали водить лошадей в луга.

В то же время необходимо отметить, что в Сибири, по замечанию историка Н.А. Миненко, были случаи, когда мальчики с уже 5–6 лет учились ездить верхом и гоняли скот на водопой. В 7–8 лет они уже участвовали в обработке пашни. Н.А. Миненко отмечает: «Нарымские ребяташки с 8 лет привлекались к работе по унавоживанию земли. С 9 лет на них ложились самые разнообразные заботы: гонять скот на водопой, давать ему сено, возить навоз, боронить, участвовать в уборке хлебов, весной и летом снабжать необходимыми припасами старших мужчин – промысловиков, находившихся в лесу или на дальних речках и озерах. С 14 лет крестьянин владел косой, серпом, молотилом, топором и принимался за соху. С 15 лет он уже становился правой рукой отца и заменял его “в отлучках и болезнях”».

Юноша 17 лет выполнял все виды сельских работ: косил сено, ставил копны, пахал на пашне, полностью управлялся с конем, с упряжью. Он получал свой земельный надел – 15 десятин и совместно с родственниками разрабатывал пашню. Более того, ему давалось право участвовать в сходах. 18–19 лет юноша осуществлял и тяжелые работы. В этом возрасте он являлся полноценным работником в хозяйстве.

Рано начинали приучать мальчиков и к промысловым занятиям. Как правило, вовлечение детей в промыслы осуществлялось через игры, «переходящие в полуигру», полужанятие; следующим этапом было подключение к настоящему промыслу на определенном, наиболее легком участке под руководством взрослого; заканчивалось самостоятельной деятельностью. Так, кустарное охотничье хозяйство составляют или отец с сыновьями, или родные братья; нередко в нем принимают участие подростки мужского пола от 14 лет, даже дети с 7–8 лет.

На Алтае 10-летние мальчики занимались «...лученьем рыбы. Осенью они собирались в артели и отправлялись на ближайшие к селу горные реки. Здесь делились попарно: один шел берегом, неся торбу для рыбы и связку лучин, а другой – с острогой и пучком зажженных лучин – шел впереди первого, освещая дно речки, и бил острогой рыбу. С 10–12 лет подростки привлекались взрослыми к настоящим промысловым работам».

Подростки 16 лет имели уже некоторый навык в стрельбе, нередко сопровождали своих отцов, собственноручно промысловая «карьер» начиналась уже после женитьбы.

В программу воспитания «сызмалетства» внедрялось представление, что назначение женщины быть послушной работницей, сначала «гостьей» в семье, доме и хозяйстве родителей, затем в «своей мужней семье» и «своем доме». «Трудница» (работящая) было высшей похвалой для будущей крестьянки.

У девочки на первом месте стояло обучение домашнему мастерству. К веретену старались приучить рано, с 5–7 лет. «Первые, маленькие прялочки дочерям делали отцы или деды». Главным было внушить девочки, что рубаха на ней соткана из пряжи ее выработки. На одиннадцатом году учили прясть на самопрялке; на тринадцатом – вышивать; шить рубахи и вымачивать холсты – на четырнадцатом; ткать на стане-кроснах – на пятнадцатом или шестнадцатом; устанавливать ткацкий стан – на семнадцатом году.

Одновременно с 8 лет девочка-крестьянка занималась домашней уборкой, носила дрова, а по достижении 10 лет она бралась за иголку, серп, во время страды водилась с меньшими детьми.

Этнограф В.М. Красноженова отмечала, что сезонность труда определяла вид занятий в течение всего годового цикла сельскохозяйственных работ:

Весной «девочка помогала садить в огородах: лунки делала, садила огурцы, овощи, поливала, боронила в огороде, гряды делала, капусту садила, поливала капусту, свеклу садила, горох, брюкву, луковицы, чеснок, табак садила, поливала, полола на пашне. Боронила, когда хлеб сеяли, и пары боронила, борозды проскребала...».

«Летом девочки много работают, у них много работы и заботы: первым делом, когда встают, – идут давать курам, гусям и индюшкам, уткам корму. Когда родители поедят, девочки убирают со стола, принесут с речки воды, моют в избах, поливают в огородах, ставят самовар... Во время страды работы прибавляется: хлеб полют, картофель полют».

Осенью, «когда главная забота – убрать хлеб, выкопать картофель, снять в огородах овощи, на ребят выпадает большая доля труда: снимают капусту, вытаскивают морковь, свеклу, брюкву и другие овощи. Все это потом уносится во двор для спуска в “яму” (погреб), в которой у сибирских крестьян хранятся овощи всю зиму. Потом копают на пашне картофель и увозят домой. Носят воду для дома и на поило скоту, делают все домашние работы».

«Зимой некоторые дети учатся, но все же они помогают дома. Придут домой, поедят, уберут со стола, начинают учить заданные уроки. Когда начинается наступать вечер, девочки идут таскать дрова. Маленькие девочки подтопляют печь (железную), метут избу, ставят самовар, щипают лучину и т.п.».

К 12-13 годам девушка должна была выполнять все посильные работы по дому и на подворье: доила коров, ухаживала за скотом. С 14-15 лет участвовала с матерью и старшими сестрами в прополке, учили жать серпом и вязать снопы. При этом полноправной работницей девушка становилась по мере физиологического и духовного взросления. Примечательно, что варить и печь в своем доме девушек старались не учить: она не должна нести традиции родительского дома в свой дом, в «мужний свой». Должна была постигать традиции от свекрови.

Особенно коротка была пора беззаботного детства у крестьянских детей бедняков, где в силу нужды рано приходится возлагать на ребят целый ряд обязанностей и работ. «В бедных семьях 5–6-летние ребята уже “няньки”, они должны заботиться о маленьких братьях и сестрах, забавлять

их, кормить и охранять от разных опасностей. Но это, конечно, как исключение, а как правило – “нянька” 7–8 лет повсюду и при всяких материальных условиях. Если в семье нет маленьких детей, а есть нужда, то такие семьи отдают 7–8-летних девочек в няньки в чужие семьи, чтобы зарабатывать «на себя».

Трудовое воспитание – основа народной педагогики, оно являлось важнейшей обязанностью родителей. Раннее приучение к труду было связано не только с потребностью крестьянских хозяйств в дополнительных рабочих руках, но и с соображениями чисто воспитательного нравственного порядка. Н.А. Миненко отмечает, опыт подсказывал крестьянам, что если ребенок «с малолетства не входил в сельские занятия, то в дальнейшем он уже не имел к ним усерствующей способности».

Собственно воспитание никогда не сводилось к простому подражанию старшим, родители специально занимались приучением их к той или иной деятельности. В процессе труда воспитывали у детей важнейшие нравственные качества: любовь и уважение к трудовому человеку, нетерпимость к проявлению тунеядства.

Формирование личности в крестьянской семье и общине в целом, имея в основе трудовое начало, включало и ряд других немаловажных факторов и инструментов народной педагогики. У детей 12–14 лет социализация в общественную жизнь и освоение коммуникативных навыков происходили не столько дома, сколько в обществе сверстников.

Иной характер приобретала и игра в кругу сверстников. Значение игры суживалось, и в ней дети отражали социальные отношения, общественную психологию и идеологию. Наряду с иной функцией игры, наиболее значимым в становлении личности подростка становились фольклорно-музыкальные традиции. Они входили в будни каждого подросткового сообщества (на Ангаре малые коллективы подростков назывались «рошша»). Здесь все были исполнителями, не было пассивных потребителей культуры. Нельзя было не знать песни и фигуры хоровода, причитания, колядки, не учитывать их сезонно-обрядовые, игровые и этические особенности.

В подростковом возрасте дети активно включались в круг праздничных «действ» народного календаря. М.М. Громыко в своих работах показала, что календарные обычаи и обряды играли в жизни крестьян «важную регулирующую... роль, являлись также настоящей школой народного эстетического воспитания и приобщения к разным видам народного творчества: музыкальному, устному, хореографическому, театральному и даже изобразительному». Календарные праздничные обычаи и обряды отвечали стремлению к общности сверстников в рамках семьи, деревенского мира, волости.

Рассмотрим ряд специфических форм досуга в нравственно-этическом воспитании подрастающего поколения на материалах наших многолетних полевых исследований в селениях современного Козульского и Курагинского районов Красноярского края.

«Посиделки» устраивались для подростков. Участвовать в них разрешалось с 13-летнего возраста. Девичьи посиделки с рукоделием проводились в будние дни с разрешения родителей поочередно у каждой из девушек, и только изредка для этого арендовали избу.

«Вечёрки» были формой организации досуга для молодежи с 16–17 лет. Девушки собирались на «вечёрку» в доме одной из участниц или специально нанятом или откупленном у какой-либо старушки за плату либо на условиях помощи хозяйке дома. Сибирские вечерки, в отличие от общероссийских, проходили и в праздничные дни, и даже в дни постов. «Девушки» на них приходили «с работой», чаще всего с пряслицей или шитьем, показывая свое мастерство, а юноши поддерживали веселье, заводили игры, песни.

Огромное место в жизни «молодняка» занимали праздники. На основе обобщения этнографического материала мы установили, что в народном сибирском календаре можно насчитать до 130–140 дней отдыха – «гулевых дней», что составляло более трети календарного года. Из них праздничным был 41 день, воскресными днями без праздников – 45 дней, а далее шли иные годовые, местные праздники, полупраздники. Общественные, возрастные и праздники по половому и «профессиональному» признакам. Еще раз необходимо вспомнить, что праздники были буквально «пропитаны» фольклорно-обрядовыми действиями народного христианства.

Разумеется, наиболее почитаемыми праздниками являлись Рождество, Пасха, Масленица. Любое увеселение сопровождалось хороводами, песнями. Даже в одной местности характер участия в хороводе в зависимости от возраста был различным.

Важная роль крестьянских праздников несомненна. Они способствовали восстановлению физических сил, как консолидации родственных общностей, так и созданию новых семейных ячеек. Они были «одной из форм реализации функции общины как носительницы общественного мнения, хранительницы культурных и трудовых традиций». Праздники помогали формированию коммуникативных навыков, освоению молодежью этических норм общежития и «публичных» стереотипов поведения в крестьянской общине.

Несомненно, что уже в первой половине XIX в. важным фактором становления подрастающего поколения сибирской деревни становится образование. И здесь проявились те же тенденции и противоречия: с одной стороны, объективное понимание крестьянского мира в необходимости «учености», с другой – стремление сохранить традиции народной педагогики на основе крестьянского труда.

Первоначально повсеместным, пишет В.А. Зверев, «было настороженное отношение части сельских жителей к перспективе распространения гражданской грамоты в деревнях: “Наши отцы неучены были – лучше нас жили”, “Не надо нам этого, жили мы и без школы да целы были”». Это отражалось на общем состоянии образованности крестьянской молодежи. Особо сурово крестьянская

среда подходила к воспитанию девочки, традиционно она или вовсе оставалась без обучения грамоте, или обучали ее на дому вместе с рукоделием, в лучшем случае училась у частных учителей. Традиционное крестьянское сознание гласило: «Для чего девкам учиться? Парень хоть на службу пойдет, а девкам только письма женихам писать»; «Прижмись к прялке и сиди, прясть можно и неграмотной, Федя еще распишется где, а тебе не нужно...».

Зажиточные крестьянские семьи чаще привлекали «грамотея» из ссыльных, крайне нуждавшегося в заработке и соглашавшегося на небольшую плату. Это были польские повстанцы, каракозовцы, народовольцы, а впоследствии марксисты. Домашние учителя занимались с ребятами от утра до вечера, при этом не мешая их домашним работам, а иногда и сами помогая в этом.

Важную роль для Енисейской губернии в период енисейской и туруханской ссылки сыграли декабристы. Особо выделялись школы, организованные Ф.П. Шаховским, А.Я. Якубовичем, Тютчевым, братьями Беляевыми. Однако нередкими были в Енисейской губернии чиновничьи, церковные запреты и преграды с целью прекращения «приглашения преступников в свои дома для обучения детей, имевших смелость обучать детей прихожан».

С организацией согласно Указам 1839 и 1884 гг. церковно-приходских школ обучение в них было краткосрочным, не более 5 или 10 учебных месяцев. Число училищ в Енисейской губернии было ограничено. В них могло обучаться не более четвертой части крестьянской молодежи, остальные

три части обязаны своей грамотностью домашнему обучению. И даже в условиях школьного обучения требования были невелики: умение научить читать и подписывать свое имя. Так, по сведениям «Ачинского Уездного по воинской повинности Присутствия за 1900 год», имеющаяся в наличии грамотность но-вобранцев была только в умении читать и писать или только читать.

Переориентация значительной части населения с домашней школы на официальную, потенциально способную дать лучшее образование, происходит только с начала XX в. Мы отмечаем, что ярко выражено было стремление к школьному образованию в среде новых переселенцев. Типичным свидетельством служит Приговор сельского схода Зимниковского общества Абанской волости Канского уезда от «1912 года ноября 18 дня об условиях и возможности открытия начального училища в нашем селении. Обсудив указанный вопрос все-сторонне и признавая, что для нас, переселенцев, крайне необходимо учреждение училища для обучения и воспитания наших детей, а потому единогласно постановили... ходатайствовать об открытии в нашем селении училища министерства народного просвещения... в будущем 1913 году».

Подсчеты показывают, что количество учебных заведений росло, а вместе с тем и количество учащихся. В школах, расположенных в сельской местности, преобладали учащиеся – крестьянские дети.

Были в Енисейской губернии школы, в которых обучали ремеслам, столярному, кузнечному, слесарному делу. Обучение навыкам ручного труда

в общеобразовательных школах началось с середины 1870-х гг. с выпуска положения о начальных училищах. Право выбора ремесел или мастерства при обучении детей предоставляется местному сельскому обществу по соглашению с инспектором.

В Положении крайне интересно следующее условие: «...было бы весьма желательно, чтобы каждая сельская школа имела при себе сад и даже огород, где учитель мог бы обучать детей, как сажать деревья, кустарники, растить овощи...». В программу примерных работ по дереву входило изготовление зубцов для грабель, рамки для улья. К концу XIX в. в школьных классах «появляется достаточно таблиц по ботанике, зоологии, геологии, коллекции по обработке льна, бумаги, конопли, шелка, стекла, дерева. Имеются географические карты 2–3 наименований, классные счеты».

Только теоретически можно было, перейти из начальной школы низшего типа в «высшую» начальную школу и, успешно закончив ее, а потом еще дополнительно позанимавшись с учителем, поступить в специальное учебное заведение: учительскую или духовную семинарию, фельдшерскую или фельдшерско-акушерскую, ветеринарную школу, училище сельскохозяйственного или промышленного профиля. На практике такую судьбу для своих детей крестьяне избирали очень редко: не было денег на длительное обучение детей, слабое развитие сети начальных училищ высшего типа в селениях, но, главное, стремление крестьян не допустить ухода своих детей из деревни.

Рубеж XIX – начала XX в. имел прогрессивное значение для детей крестьян. В формировании личности человека новой эпохи определяющим становилось образование. Знания несли в себе основы меняющихся нравственных ценностей, становились показателем гражданственности. Позитивное отношение к обучению детей, его экономическое и социальное значение служило важнейшим условием стимуляции образования в Енисейской губернии, а затем и в Красноярском крае. Следует заметить, что образовательные процессы, происходящие в деревне, несли в себе изменения в ментальности крестьянина, образе жизни, в конечном итоге в комплексе составляющих черт сибирского характера.

Таким образом, процессы духовно-нравственной социализации молодежи были неразрывно связаны с формированием принятых в «обществах» моральных традиций и неписаных правил. Одновременно с детства происходило формирование черт и качеств сибирского характера. Воспитание было и средством сохранения ценностей и средством воспроизводства их в последующих поколениях внуков-правнуков.

Глава 5.

СИБИРСКИЙ СУБЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР

5.1. ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНОСТЬ В ИСТОКАХ И ЧЕРТАХ СИБИРСКОГО ХАРАКТЕРА

Основными условиями формирования нового материального мира на осваиваемой территории были традиционные занятия русского народа, уклад жизни, семейно-родственные отношения, общинная организация жизни и, конечно, православная вера. Именно православие издревле способствовало формированию единого независимого государства, было фактором единения, противостояния многочисленным врагам и укрепляло личное мужество, стойкость, предприимчивость и трудолюбие в русском человеке.

Для сибиряка вдали от Родины предков многие десятилетия и века именно православие являлось символом российской государственности, национальной идеи, закладывало с детства такие черты, как духовность, сострадание, терпение, нравственные заповеди. Все это помогало выстоять в борьбе с трудностями. Вера была олицетворением нравственного идеала старожила. «Нехристь», – говорили о человеке нравственно ущербном, совершающем дурные поступки. «Вот это по-божески», – оценивали в «обществе» благородный поступок.

Несмотря на то что старожильская Сибирь была менее религиозна, особенно в выполнении

повседневной обрядности, менее усердна в посещении церкви, все же каждый человек был в душе верующим. Практичность, реалистичность и опора на свои силы придавали человеку уверенность в жизни, но непредсказуемость природных явлений, болезни и несчастные случаи говорили ему, что «все мы ходим под Богом». Вера помогла воспитанию мудрого отношения к вопросам жизни и смерти, освящала нравственные традиции предков. Жизнь человека была связана с календарем праздников, обрядов, постов и мясоедов.

Освоение Сибирского края и возникновение населенных пунктов потребовало строительства храмов и организационного оформления православия в Сибири. Созданная в начале XVII в. Сибирская Тобольская епархия вобрала в себя с 1620 г. и Приенисейский край. С 1832 г. приходы Енисейской губернии вошли в состав Томской и Иркутской епархий, а в 1861 г. была образована самостоятельная Енисейская епархия. К 1916 г. в Енисейскую епархию входило 8 приходов и 2 собора в Красноярске, 43 прихода в Красноярском уезде, 83 прихода в Канском, 69 – в Ачинском, 82 – в Минусинском, 33 – в Енисейском уездах и 6 приходов в Туруханском крае. Сельский приход включал в себя определенную территорию, на которой располагалось 10–15, а иногда и более деревень. Центром прихода было село с церковью. Приход часто совпадал в границах с волостью.

В Приенисейском крае открытие многих приходов и строительство храмов в сельской местности относится к XVII–XVIII вв. Так, в с. Сухобузимском

церковь была построена в первой половине XVIII в.; в 1760 г. был открыт Ирбейский Спасский приход; во второй половине XVIII в. был построен Балахтинский Введенский храм; в 1778 г. основан Назаровский Троицкий приход. Основание Амонашевского Николаевского прихода относится к 1790 г.

Храм посвящался имени Святого или определенному событию, поведенному Священным Писанием. Главным праздником прихода был Храмовый праздник. Храмы долгое время были центрами грамотности: при церкви открывались библиотеки, церковно-приходские школы. Здание храма строилось в основном на мирские средства и всем миром. Но отмечены случаи, когда церковь строилась в дар приходу на средства зажиточных крестьян, купцов. При этом «общество» давало разрешение на «сие богоугодное дело» только честному, высоконравственному человеку.

Вначале крестьяне составляли прошение в адрес духовной консистории и Синода, утверждая его на общем сходе. В прошении обязательно указывалось стремление общины «заботиться о религиозности и нравственности» членов «общества».

Персонал построенного и освященного храма состоял обычно из священника и псаломщика, а в некоторых церквях были и дьяконы. От казны священнику полагалось жалованье 300–400 руб. в год, псаломщику – 150–200 руб. Причт обеспечивался квартирами, землей, покосами. По решению схода мир выделял из общественного «магазина» священнослужителям и «хлебную ругу», в приходе оставалась и часть собранных кружечных доходов.

Во многих приходах сан священника переходил от отца к сыну и далее к внуку. Например, в Юксеевской Покровской церкви с 1744 по 1892 г. служил род священнослужителей Тыжновых.

Как и во всей России, церковь в сибирском селе сочетала законным браком молодоженов, крестила младенцев, поддерживала духовно слабых и немощных, помогала поддерживать мир и согласие в общине, семье, отпевала усопших. Приход помогал единению крестьян многих деревень.

Верующие посещали церковь в основном в воскресные дни, чаще зимой, чем летом. Отмечалось, что в летнюю пору сибирские крестьяне в церковь почти не ходили, особенно из отдаленных деревень. Все же «по старине» для посещения церкви сибиряки надевали лучшие одежды, в храме вели себя «чинно, благопристойно, степенно». Женщины относились к вере ревностнее, чем мужчины.

Естественными для верующего были молитвы утром и перед сном, перед едой и после принятия пищи, перед началом любой работы и по завершении ее. В наиболее торжественных случаях молились всей семьей перед иконой при зажженной лампадке.

Духовным центром крестьянского дома была икона в переднем углу. Приобретая икону, крестьяне называли это не покупкой, а «меной», хотя и выменивали икону на деньги. Понятие о купле-продаже и иконе не совмещалось в уме людей. Икону сибиряки называли «Богом», а полку под нее в переднем, святом углу – «божницею». Здесь же, на божнице, находились «Священная верба»,

пучки «Троицкой березки», небольшой сосуд со «святой водой», а также книги.

Купленную на базаре икону сначала несли в церковь для освящения. Новую икону преподносили в дар новобрачным. Переходя из старого дома в новый, прежде всего переносили икону. В сибирских домах чаще всего можно было встретить изображения Христа Спасителя, Богоматери, святого Георгия, святого Василия мангазейского, святого Иннокентия Иркутского, святого Власия, святых Зосимы и Саввatea, Иоанна Богослова, Иоанна Крестителя, Параскевы и особенно часто – Николая Чудотворца. Устаревшую икону никогда не выбрасывали: ее пускали на воду или закапывали в землю.

Сохранились и народные приметы, связанные с иконами. Даст трещину икона или упадет на пол – в доме будет беда: покойник или несчастье с кем-нибудь из домашних. Во время пожара икону выносили из огня. Но одновременно сибиряки верили, что икона Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины охраняет дом от пожара, особенно от молнии. Верили здесь и в Чудотворные образа: вдруг ни с того ни с сего потемневшая икона становится как новая, с чистым ликом, или начинает «плакать». Считалось, что такой водой, смывшей икону, можно вылечить больного.

В «святом углу» стоял стол. На самом почетном месте под иконой усаживали гостя, здесь сидел глава семьи. Головой в «передний» угол клали покойника. Даже постели спящих на пристенных лавках были обязательно обращены

изголовьем в этот угол – «грешно» было ложиться ногами к иконе. Во многих сибирских селениях было принято во время развлечений, праздников-пиршеств, игрищ молодежи в доме следовало завешивать икону занавеской.

Как и икона, почитался крест. Это считалось действенным оружием против «нечистой силы». В день Крещенского сочельника было принято выжигать свечой крест на дверях строений и хлебов или рисовать крест углем. Женщины покрывали кринки с молоком и сметаной крестообразно лучинками – «Крест на крест, чтоб черт не влез!». Без нательного креста невозможно представить православного сибиряка, без креста нельзя было ни работать, ни спать, ни купаться, ни тем более посещать церковь. У сибиряков также было принято вывешивать небольшой образок над воротами усадьбы для благополучия на подворье.

Исследователи прошлого и настоящего времени отмечают, что русских сибиряков отличало более рациональное прагматичное сознание, рассудок преобладал над чувствами. Сибиряк был более практичен, рассудочен, расчетлив, более «уповает на свои силы, чем на Бога, на судьбу». В этом, по сути, был признак свободы сознания в условиях тотального господства христианства в России в традиционное время.

Наряду с этим важной особенностью возврата к истокам факторов культуры и сознания времени освоения территории Европейской России было пробуждение двоеверия у русских старожилов и выраженной тяги к «заветам отцов и дедов».

Нравственные начала православной веры в победу сил Добра над силами Зла помогали в сохранении оптимизма в жизни, но не мешали и надеяться на умения, навыки выживания в суровых условиях. Христианская вера при этом была и воплощением религиозного мировоззрения, и нравственно-этическим базисом совестливости, основой бытия сибирского старожила.

5.2. ЯЗЫЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ «ДОБРА И ЗЛА» В ДУХОВНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ РУССКИХ СИБИРЯКОВ

Двоеверие в целом было характерно для всего русского народа; оно сформировалось в первые века русской истории в результате взаимодействия народного язычества и христианства, их слияния и дальнейшего совместного развития. В Сибири в условиях взаимной адаптации русского социума и суровых факторов окружающей среды эволюция этнической русской культуры во многом отличалась «возвратом» к истокам. Также обратной эволюции подверглись традиционное сознание и этнический характер. В этом же ключе русская колонизация новозанятых земель в XVII–XVIII вв. базировалась на прежнем опыте, знаниях, навыках хозяйствования. Вспомним высказывание историка М.К. Любавского, что в этом движении за Урал «невольно переносишься мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.»¹. Поэтому в основу

¹ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизаций. – СПб.: Лань, 2000. – С. 15–16, 240–241.

гипотезы об истоках генезиса и эволюции ментальности сибирских старожилов было положено взаимодействие компонентов сознания и поведения, разделенные временем VII–XVIII вв.

Ментальность и стереотипы поведения великорусских людей XVII–XIX вв. были адекватны культурно освоенной окружающей среде европейской части государства. Весь комплекс традиций адекватно соответствовал поддержанию функционирующих сфер в экономической, политической, социальной, культурной жизни России. Однако в условиях освоения Сибири вновь были востребованы наиболее адекватные древние, архаичные традиции времен «русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.». Архаика продолжала сохраняться в качестве инструмента выживания, праздничной обрядности и повседневных верованиях традиционного периода.

Основные черты этноса программировались в доисторический период, отмеченный образованием национальной мифологии, в которой представлены как «типологически сходные культурно-исторические ситуации», так и «отработанные сценарии» выхода из них и моделей поведения¹. Согласно научным выводам этнопсихолога С.В. Лурье, этнические константы, как не изменяющиеся базовые «определители», сформировались с зарождением этноса:

- 1) локализация источника зла;
- 2) локализация источника добра;

² Кондаков И.В. Культура России... – М., 1994. – С. 28, 73.

3) представление о способе действия, при котором добро побеждает зло¹.

С позиций самосохранения «источник добра» есть положительный образ своего этноса, культуры, миропорядка, система воспроизводящихся ценностей. В данном случае, оценки самих сибиряков традиций, норм поведения, идеалов личности и в конечном видении «сибирского характера» сугубо положительны («мы – носители добра», «Сибирь – территория добра»).

«Источник зла» («чужие»), образ «они», включает не только враждебное воздействие или угрозу существования этноса, но и объект преодоления, то, что мешает жизнедеятельности социума и личности.

Третий компонент не только служит инструментом, условием и способом действия по преодолению «зла», но и выступает в «образе покровителя» как условия благополучия и защищенности в жизнедеятельности личности и этносоциальной общности. «Должно себя вести так, чтобы защитить свой мир от посягательств извне, от навязывания чужих ценностей и традиций».

Архаичные черты традиционной культуры русского народа сохранились в обрядах и ритуалах, фольклоре, декоративно-прикладном искусстве. Здесь, на сибирской земле, они были востребованы по «прямому предназначению» в качестве инструментария и условий оформления адаптированного «культурного пространства» в исторически сходной ситуации.

¹ Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 1998. – С. 224–225.

Основой миропонимания древних предков славян был единый космогонический Миф «о сотворении Мира». Мифология утверждает, что в «древнейшие сакральные времена в период неопределенности, в период нерасчлененного первобытного Хаоса произошло его обуздание и сотворение Космоса». Мир системно упорядочен, но «силы Хаоса ведут яростную борьбу с Порядком, пытаясь восстановить свои права, проникают в организованный Космос. Смыслом бытия традиционного человеческого коллектива становится спасение мира, противостояние хаотическому началу»¹. Элемент оппозиции «они» («чужие») угрожает миру, порядку и нарушает общепринятые правила. Поэтому все незнакомое традиционным сознанием воспринималось в качестве вероятного образа «зла». Элемент «мы» был связан с традициями культуры этнической общности, поэтически и понятийно классифицирован. Сохранение своего «мира» требовало выполнения особых обрядов и ритуалов, являющихся смыслом жизни и миропорядка. Первообразы Мифа «о сотворении и спасении Мира» воспроизводились и проигрывались в повседневной и праздничной обрядности.

С этноисторических позиций процесс освоения Сибирского края в XVII–XIX вв. являлся процессом преобразования внешнего «хаоса» в окультуренный «мир» («Русскую Сибирь»). Окончательное формирование освоенного мира «Русской

¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – С. 766–767.; Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. – М., 1994. – С. 27–29.

Сибири», завершалось с психологической адаптацией русских переселенцев. В процессе адаптации к непривычным факторам среды Сибири элементы традиционного сознания могли как претерпеть трансформацию, так и эволюционировать по иному направлению¹.

Свой «космос, порядок» воспринимался в ментальности русских старожилов, прежде всего, в границах общины, двора («ограды»), дома. Община, подворье, дом и семья служили условиями благополучия и защищенности от вмешательства «чужих». Традиции являлись регуляторами взаимоотношений «своих» в установках «картины мира» и гарантом сохранения социума старожилов. Община воспроизводила в последующих поколениях адаптированную культуру, систему ценностей своего мира. В крестьянском сознании присутствовала «шкала» ценностных показателей, характерных для успешной жизнедеятельности членов своего сообщества. Также в чертах характера непременно должны были быть способности обустривать малый мир – домохозяйство и должный уровень жизни, круг общепринятых норм обычного права.

В установках сознания членов традиционного общества, важное место занимали привычки думать, относиться к каким-то явлениям жизни и поведения людей стереотипно. Верования, обычно-правовые представления, нравственные идеалы влияли на действия «не по моральному убеждению,

¹ Лурье С.В. Историческая этнология... – С. 217, 236. Говоря, о возрождении архетипов этнических констант, мы абсолютно против выдвижения тезиса о возрождении древнерусской ментальности.

а по традициям, бытующим в данной среде», через «социальное подражание, как подражание определенному образцу поведения, следование примеру», – отмечал психолог П.М. Якобсон¹.

Повторяемость «типологически сходных культурно-исторических ситуаций» проявлялась в малых (суточных, годовых) циклах хозяйственно-культурной жизни, в воспроизводстве обрядов, ритуалов, проигрывании процессов зарождения мира и воспроизводства жизненных сил в круге народных сибирских праздников. И во всех этих действиях, от гаданий до похорон, от земледельческих ритуалов до правил «общения» с домовым, видим столкновение сил добра и зла в поле взаимодействия установок православия и язычества.

Категории «хаоса» и «порядка» формировались в древности как ответ на вопрос о происхождении и сущности мира. На бинарной оппозиции «хаоса» и «порядка» строились картины мира, система ценностей. «Порядок» формируется из «хаоса», преобразуя его свойства. В процессе самоорганизации «порядка» «хаос» вытесняется за его границы, но он не уничтожается. Создателем «порядка» является человек, но он же одновременно выступает и как продукт преобразования и элемент нового мира. Поэтому миссия человека состоит в постоянном возобновлении «порядка», выражающимся как в сохранении культуры, традиций, так и в борьбе с проявлениями «хаоса» в самом человеке. Отсюда система традиций,

¹ Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации... – М., 1980. – С. 186.

основанная на религиозных учениях, имеет систему норм обычного права, хозяйственно-бытовых норм и систему нравственных, мировоззренческих ценностей как своеобразный идеал человека своего созданного «порядка, космоса».

В условиях традиционной цивилизации материальное производство и обыденная жизнь были «насыщены символикой, истинное значение которой лежит в области сакрального». Глубинный пласт этнических констант проявлялся в оформлении ритуальностью «завещанных» обычаев формирования и защиты территории «порядка».

Еще с XVII в. в селениях Приенисейского края освящались традицией основные условия землепользования: право «первой борозды», «первого закоса» на пашне и покосе, «первой затеси» на охотничьем «ухожье». Зафиксированный в источниках процесс обозначения захвата земли путем опахивания или затесывания отметок на деревьях назывался в Сибири «чертежом». При «захватном» выделении «заимочной пашни» и приобретения на него права собственности на первый план выступало очерчивание границ данного пространства и «освоение» его личным трудом. Нельзя не признать, что объяснение описанных земледельческих традиций уходит в древнейшие представления славян.

Известно, что в соответствии с древними представлениями, «чтобы присвоить мир, сделать его своим... сознание должно расчленить, разделить мир», противопоставив «общему» неосвоенному пространству «мою» пашню. Отсюда «чертеж»

выделял будущее окультуриваемое пространство в целях дальнейшего «освоения» его трудом человека. В Енисейской губернии понятие «чертеж» применялось для выделения личной земли, а «грань» – для земельных владений общины, то есть на «ограниченном» пространстве располагались «очерченные» крестьянские пашни.

В сознании человека традиционного времени ритуал порождал технологию труда, правомерно говорить не о сопровождении ритуалом технологии земледелия, а о предварительном обеспечении успешного урожая особыми ритуалами. В круге работ наиболее ритуализированными являлись процессы пахоты и сева. Они ассоциировались в ментальной «картине мира» с процессами зарождения новой жизни. Так, енисейские и иркутские крестьяне-старожилы считали, что после 21 мая (по старому стилю) «земля беременна». «Землю нельзя бить, так как она, матушка, таперица брюхата».

В Сибири пахота и посев хлебов считались крестьянами строго регламентированным священнодействием. Традиции Енисейской губернии предписывали землепашцу обязательное действие: накануне выезда на пашню «помыться в бане и надеть чистую рубаху»; всю ночь в избе на столе под иконой должно было простоять решето с посевным зерном и установленной в ней незажженной пасхальной свечой.

На следующий день с утра «посевщики» страстно молились, поставив «Богу пасхальну воскову свечу, и... получали благословение». Далее следовал

ряд древних обычаев: уезжавшим на пашню нельзя было переходить дорогу – «не взойдет семя»; в первую борозду следовало обязательно «запахивать» ломоть хлеба. По той же причине архаичных установок на хороший урожай только женщины могли производить посадку овощей в огороде. Во время сева мысль земледельца неизменно обращалась к молитве: «Зароди Господь, на дом Божий (бросалась 1-я горсть семян), на попов (2-я горсть), на пищу братию (3-я горсть) и птицу небесную (4-я горсть семян)».

На основе традиционной обрядности крестьян-старожилов Енисейской губернии можно реконструировать и представления об орудиях труда в картине мира. Наиболее распространенным пахотным орудием в XIX в. был «сабан» (тяжелый колесный деревянный плуг). «Интерпретация оценки сева в целях зарождения новой жизни» позволяет адекватно ответить на вопрос, почему сошники плуга-сабана приенисейскими старожилами назывались «мужиком» и «женкой». При этом «сабан» («колесуха») был хорошо адаптирован к сибирским условиям и органично вписывался в круг необходимых орудий труда. Однако пахота «очерченного залога» (целины) выполнялась строго традиционной русской сохой. Отсюда русская соха ассоциировалась с архетипными традициями, а «сабан» входил в круг приобретенных, адаптированных традиций. На рубеже XIX–XX вв. «сабан» перемещается в состав «завещанных» традиционных орудий, а железный плуг входит в круг вводимых «традиций-новаций».

Выраженная регламентация традиционных установок картины мира обуславливала и специфику деятельности по формированию хозяйственно-жилой инфраструктуры крестьянского селения, усадьбы и жилища. Поселение крестьян-старожилов Приенисейского края, усадьба, дом формировались как материальное воплощение отдельных сфер единого «освоенного» пространства.

Все сферы имели четко выраженные границы. Так, селения по всему периметру огораживали «поскотиной». «Поскотина», как и «черта», фигурирует во многих обрядовых действиях. «Охранительной» границей является граница усадьбы – высокий «заплот» с крепкими высокими воротами. «Заплот», прочный забор из горизонтально уложенных бревен, забранных концами в столбы, не только выполнял функцию защиты данного «микромира», но и выделял границу «своего» пространства. Во многих случаях над воротами дополнительно прикреплялась икона-оберег. В особых случаях по внешнему периметру усадьбы протягивалась охранительная нить от савана «упокойника».

Для обозначения защищенного «заплотом» пространства усадьбы применялся специфический термин «ограда» как территория. О былой первичности «ограды» в древнерусском языке IX–XIII вв. по отношению к термину «двор» свидетельствует ученый-филолог В.В. Колесов. Границей сферы дома на подворье признавалась первая ступенька крыльца, затем линия порога. На них, по поверьям, необходимо было «ступать правой ногой, дабы не нести зла в дом» левой.

Во всех сферах в ходе обустройства традиционное сознание выделяло две половины, – жилую и хозяйственную. Духовным центром села и прихода-волости была церковь, хозяйственным центром считалась «ярморочная» (торговая) площадь. В обустройстве усадьбы крестьян Енисейской губернии мы видим наличие «чистого» и «скотского» дворов. В жилище, – это горница и изба. В свою очередь, в избе, – жилая половина и «куть» (ныне кухня). В избе и горнице по древней общерусской традиции особая духовная роль отводилась переднему («красному») углу с иконами на «божнице». Соответственно, хозяйственным центром была печь. Одновременно печь выполняла назначение центра «второй веры», языческой. Все обрядовые действия, связанные с гаданиями, языческими ритуалами «заветно» выполнялись в избе у печи.

Углы избы отражали в крестьянском сознании сакральное устройство мира: «красный» («Божий»), «закутной» (закатный), «кутной» (женский, южный) и «сутки» (мужской, северный) углы. Осью «мира-избы» была потолочная балка-«матица». Закладка под «матицу» в ее восточной части нескольких серебряных монет, шерсти и горсти зерна, чтобы в доме было сухо, тепло и сытно, была важнейшим охранительным ритуалом в ходе строительства дома. В процессе завершения строительства, т.е. «сотворения домашнего мира» на потолочной балке подвешивали горшок с кашей из цельного зерна, затем обрубали веревки и совместно трапезничали.

Для строительства дома лес сибиряки по традиции рубили только на «ущерб луны» в ноябре, по первому снегу. Сосну выбирали ровную, «со звонкой древесиной», со склона горы. Крестьяне учитывали, как падает дерево; если оно падало на север или зависало на другом дереве, то считалось «нечистым» и опасным, несущим зло в дом.

В Енисейской губернии в представлениях крестьян сформировался новый образ «дома-мира» не под двускатной крышей, а четырехскатной, шатровой. В традиционном представлении русских крестьян фронто́н дома с «коньком», «причелинами», «полотенцами» служил целям охранительной магии с небесными и солнечными («солярными») знаками. Охранительная резьба у «крестовика» с «причелин» перемещается под крышу дома в пояс с «небесной» символикой. Четырехскатная крыша, которую сверху «вяжет» небольшой «конек», символизирует четыре стороны света. «Солярные» знаки с «полотенец» перемещаются на карнизы наличников.

В иерархии ценностей для традиционного сознания «зачастую вещи не потому значимы, что полезны, но полезны, потому что значимы». Новому отношению к роли «сотворенной» материальной среды в жизни человека как «полезной» соответствовали представления сибиряка об интерьере дома в середине XIX в. Он отвечает новому социальному идеалу зажиточности.

Сибиряк-историк А.П. Щапов старательно перечислил приобретаемые повсеместно крестьянами предметы интерьера и быта: обои, зеркала,

картины, часы, диваны, дорогая посуда. Он писал, что образ достатка и благополучия в материальной сфере крестьянина-старожила исходил из «осознания того, что нет вещи, которая бы составляла недоступный и запретный предмет».

Мы выявили и систематизировали подсознательное влияние архетипных образов на представления об объектах крестьянского дома в картине мира, отразившее «ощущение» их значимости в сознании крестьян. Так, в иерархии представлены: икона, стол, полати, печь. Лавки, потолок, пол, деревянный сундук. В иерархии орудий труда: сошники и соха, топор, коса-рукопашка, коса-литовка, серпы, ножи, ножницы, долото¹.

Последовательное расположение материальных объектов дает свидетельство неосознаваемой иерархичности в системе значимости данных объектов для крестьянского мировидения. Мы обращаем особое внимание на местоположение двух объектов: иконы и стола. Естественно, икона в картине мира занимает особое место сакрального объекта без оценки ее стоимости в денежном выражении. Стол в сознании русского человека занимал дуалистичное положение: как материальный объект он определялся его «полезностью» и оценивался в денежной форме. Но первостепенное положение во всех описях имущества дома заставляет вспомнить о «значимости» стола в контексте выражения

¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 37. Л. 45. Ф. 546. Оп. 1. Д. 408. Л. 5. (Системная иерархия выстроена нами на основе описей имущества старожилов Заледеевской, Сухобузимской и Балахтинской волостей Енисейской губернии (1850–1865).)

«стол–престол» (Хлеб на стол и стол-престол, на столе ни куска и стол – доска).

Пища, являясь объектом материальной культуры, неизбежно несла в себе печать представлений о ритуалах, лежащих в основе ее приготовления и потребления. Подобный образ сакрально-ценностного объекта мы нашли в представлениях о «творении» хлеба. В мировоззрении крестьян-старожилов, «типологический сценарий сотворения мира» (космологический Миф) проигрывался ежедневно в ритуале выпечки хлеба. В нем участвовали сакральные элементы – огонь, зерно, вода.

В соответствии с общерусскими этническими представлениями крестьяне говорили: не печь, а «творить» хлеб. В «картине мира» жителей Приангарья хлеб олицетворял живое существо: «Вечером коврига спит, ее нельзя резать». Поэтому непочатую ковригу хлеба можно было резать только с утра, с началом ежедневного цикла, прижимая к себе и с направлением движения ножа «на себя».

О выраженном почтении к хлебу и сопоставлении его в подсознании с миром свидетельствует и то, что в Енисейской губернии говорили: не «резать» хлеб, а «рушить» хлеб (т.е. мир).

Мы находим в «картине мира» и символическую аналогию – хлеб это дом. При семейном разделе в Енисейской губернии наблюдалось вплоть до начала XX в. присутствие следующего древнего архетипного ритуала. На столе размещали ковригу хлеба, солонку и свечу. Вся семья некоторое время сидела молча. Затем отец отрезал ломоть хлеба, который сын брал с собой в свой дом.

В данном случае отрезанный ломоть хлеба выражал не только факт раздела хозяйства, но и ритуальное обеспечение процесса раздела совместного имущества, олицетворял отделившегося сына как «суть целого», семьи.

Трудовая деятельность сибирских крестьян была явлением традиционно-сакральным, направленным на неупорядоченное пространство, «неосвоенный» природный компонент. Общий процесс сценария «освоения мира» предполагал проигрывание частных процессов космогонии на основе архетипов славянской мифологии.

Народный календарь в сочетании с православными церковным определял круг праздников, обрядов, примет и поверий. Так, «двойными» – церковным и языческими – были верования Ильина дня, Ивана Купалы, «високосного дня Касьяна – зловещего дня» или дня Власа – «скотьего праздника».

Совмещение дней недели яснее видно на примере четверга. Традиционно это день Зевса – Юпитера – Перуна. Но в день Великого четверга накануне Пасхи при совмещении его с «четвергом Перуна» творились, по воззрениям сибиряков, чудеса. Ружье, положенное на ночь на стол перед иконой, «било зверя против сердца», игральные карты начинали выигрывать. В эту же ночь готовили и лечебную «четвергову соль».

Двоеверие проявлялось во всем, в том числе в вере в «нечистую силу» и «шишкунов», «в домового» и магию. Но все действия в условиях веры в Бога и языческих верований совершались комплексно. Читалась молитва, и тут же следовал

«обряд предков». Перед пахотой в первый день страстно молились всей семьей перед иконой, но, прибыв на пашню, в первую борозду запахивали по «древней вере» кусочек хлеба. Практически вся народная медицина совмещала лечение болезни православной молитвой с древними заговорами. При этом текст «заговора» привязывался с молитвой к «тельному» кресту. «Заговоры» при этом, чтобы не теряли силу, держались в секрете от посторонних.

В дни перед Крещеньем сибиряки любили «машкароваться» – надевать различные маски, рядиться «медведем», «шаманом», «чертом», «смертью» и предаваться розыгрышам. Но в день Крещенья (Богоявления) для очищения от «нечистой силы», «чертовщины» умывались «святой водой» из освященной проруби или даже купались в ней.

В свадебной обрядности сваха садилась в доме на скамью «вдоль матицы»; совместная молитва отцов «молодых» завершалась рукобитием под «матицей»; необходимым считался древний обряд перекрещивания углов платка; на свадьбе провозглашался тост за домового – «хозяина». И даже в церкви во время венчания невеста сжимала в ладони кусочек хлеба «на счастье и довольствие».

Свистеть в доме – грех вдвойне: грех перед Богом, и можно высвистеть домового. Подворье защищает образок над воротами, но нужно еще для надежности обтянуть двор ниточкой из савана покойника – тогда ни «нечистая сила», ни вор не будут страшны. Молитвой «заговаривали» золу и рассыпали на грядке, защищали от вредителей.

В похоронном обряде буквально каждый элемент насыщен двоеверием. Даже в наши дни многие старожилы верят, что умершему ранее можно «передать» что-нибудь с «новоумершим» человеком, положив эту вещь ему в «домовину».

По отношению к Иисусу Христу в Енисейской губернии допускалось поверье, характерное для умерших людей. Говорили: «На Пасху Христову нельзя ничего за окно выбрасывать и воду лить, ибо в этот день Христос под окном ходит».

Сибиряки могли даже работать в праздничные дни, особенно при устройстве «помочей». Однако каждый стремился выдерживать строгий пост, в первую очередь пожилые люди, но большинство непременно постились в первую и последнюю недели постов.

Особое место в системе верований занимал домовый – «хозяин», «суседко». Как и икона в переднем, «красном» углу дома, домовый также следил за благополучием и здоровьем членов семьи, был хранителем дома и хозяйства, поил и обихаживал скот, кормил его. Сибиряки не только верили в существование «Хозяина», но и выполняли действия, чтобы «уважить» его. «Хлебный» подарок с солью клали для «Хозяина» и «Хозяйки» в укромном месте во дворе. Но, памятуя о православных обычаях, говоря о домовом, добавляли: «Только креститься при обращении к Хозяину, ни Боже мой, не надо»¹.

¹ Андюсев Б.Е. Традиционное сознание крестьян – старожилів Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции: монография. – Красноярск: РИО КГПУ. – 247 с.

Положения теории ментальностей утверждают, что в данной ситуации не было раздвоения сознания. Оно продолжало сохранять целостность на основе развития способностей быстрого переструктурирования установок поведения в конкретной ситуации («гибкое мышление», «быстрый ум»). Стил мышления при этом мотивировал установки стандартного, стереотипного поведения как в форме обрядов, ритуалов, так и норм обычного права, этических норм, привычек.

Механизм изменения традиций выглядел предварительно следующим образом. В условиях меняющихся факторов окружающей среды, в процессе постоянной адаптации взаимодействовали адаптивные традиции и инновационные элементы культуры. В течение нескольких поколений, значимые инновации закреплялись в сознании в качестве традиций. Но ядром адаптированной культуры крестьян-старожилов оставалась культура XVI – первой половины XVIII в. с ценностными установками архетипов мифологического прошлого.

Таковы этнопсихологические характеристики, определявшие процессы становления и эволюции традиционного сознания и «сибирского характера» в целом в бинарном взаимодействии дихотомии «порядок/космос и зло/хаос».

5.3. СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

КАК ЯДРО НРАВСТВЕННО-ДУХОВНОГО ОБРАЗА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ

Процесс формирования сибирского старожильского субэтноса в виде описаний меняющегося

образа жизни, уклада хозяйства, обустройства дома, подворья и селений в полной мере отразился в изменениях внешнего облика и стереотипов поведения русских сибиряков. Не случайно об «отличиях сибиряка от русского» во внешних чертах писал Н.С. Щукин в середине XIX в. Однако уже в первой половине XVIII в. многие прибывающие чиновники, русские и иностранные путешественники оставили частные свидетельства и комплексные описания жизни и повседневного быта, во многом отличавшиеся от подобного в Центральной России. Особенно их изумлял иной, отличный образ жизни русских сибиряков.

Образ жизни – это способ или характер жизнедеятельности личности, социальной группы или всего общества, обусловленной их собственной этнической природой, естественно-географическими, экономическими и общественными условиями жизни. Образ жизни русских старожилов формировался в процессе приспособления к суровым природно-климатическим и ландшафтным условиям, этнокультурному окружению местных народов. Новые правила жизни, нормы социальных отношений, обряды, праздники становились традицией; с каждым десятилетием образ жизни сибиряков более и более отличался от великорусского. В каждом новом поколении воспроизводились адаптированная культура и система ценностей мира старожилов. На иных нормах и правилах формировались обычаи коммуникаций между «своими» и несибиряками, между русскими и представителями автохтонных этносов и культур.

У жителей Сибирского края в третьем-четвертом поколениях современники отмечали видимое изменение отношения к понятиям «малая родина», «Русь-Россия», «российские люди».

Восприятие имени своего народа, этнонима «русские» отличается специфичным содержанием, отмечает историк И.В. Кондаков: «Русские принадлежат Руси, относятся к ней... производны от Руси». Данные ментальные установки в славяно-русском сознании говорят о принадлежности этноса к земле (чьи? Чей «русьский» человек?). Россия – это прежде всего русская земля. «Мать – сыра земля» для россиянина была высшим судьей, кормилицей, «родительницей» народа. Отсюда русские люди в Сибири могли задаваться таким же вопросом: чьи они? Какой земли люди?

– «Сибирской» земли люди...

– Где живут? На Сибирской земле.

Так укоренившиеся потомки первых «засельщиков» начинают воспринимать «землей-матушкой» свою новую малую родину, а себя «сибирскими людьми», «сибиряками». В этнониме нового социума термин «сибиряк» отражал как степень принадлежности к сибирской земле, так одновременно степень приспособления к сибирским факторам. Когда сибиряки называли прибывших из-за Урала, из «Рассеи» «российскими людьми», то оценивали их с позиций принадлежности России, а не Сибири.

Центральным компонентом этнической культуры и сознания является ментальность. Она определяет

«национальный» способ миропонимания и действий в окружающей среде. Ментальность – это совокупность наиболее устойчивых представлений и стереотипов, исторически сложившихся у социальных субъектов под влиянием различных факторов и проявляющихся в виде особого способа мироощущения и мировосприятия, влияющего на образ жизни и поведение.

Ядром ментальности этноса является модель мира как комплекс традиций. В данном случае это традиции, адаптированные к сибирским условиям в ходе «освоения» края. Модель мира в сознании человека предоставляет возможность определить себя в мире и дать ему образ такой окружающей среды, в которой он мог бы свободно действовать. Процесс адаптации вырабатывал способности гибкой ориентации в любой ситуации. Традиции модели мира определяли значимые цели, которые формировали установки стереотипов поведения.

Еще в XVIII в. российская императрица Екатерина Великая проницательно отметила: «Сибиряки более смуглы лицом, невысоки ростом. Заслуживает замечания факт, что сибирское население не отличается фанатичной привязанностью к бороде, какую обнаруживает великоросский народ. Здесь несколько своеобразная народность, непохожая во всей полноте на родоначальную славянскую расу. Сибиряки отличаются душевными особенностями: они умны, любознательны, предприимчивы». Как видим, для нее в образе русского сибиряка наиболее важными

выглядят черты ума, любознательности и предприимчивости. Это инструменты выживания и результат адаптации в условиях активного преобразования сурового края.

В книге первой половины XIX в. «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года», составленной статским советником И. Пестовым, продолжены характеристики русского сибиряка и черт сибирского характера. «Сибиряки всегда удаляются ссор... весьма редко впадают в преступления. Они весьма телосложением статны, видны, крепки, в лице всегдашний румянец, сие пописать должно тому, что они ведут жизнь спокойную и в совершенном довольствии. Хотя сибиряк имеет происхождение от России, но здешний крестьянин великую имеет разницу: он говорит весьма чисто, основательно и учтиво; носит одеяние смотря по состоянию опрятно». Об этих же итогах изменений в русском сибиряке спустя полвека пишет публицист и общественный деятель, уроженец Сибири Н.М. Ядринцев: «Население приобрело известную крепость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона и стремление к самопомощи. Жизнь среди природы воспитала решимость, отвагу и... дала долю самоуверенности».

В системе ценностей ментальной модели мира в сознании старожильского населения Приенисейского края одной из важнейших была ценность свободы. «Сибиряки склонны жить без излишнего вмешательства властей и закона... они порицают те нововведения... что ограничивают свободы...» —

отмечал историк А.П. Щапов. Князь П.Д. Горчаков, генерал-губернатор Сибири, писал: «Здесь-ние поселяне, взрослые в полной независимости, мало знакомы с нуждой».

Важное место в ценностной «картине мира» занимало и занимает самооценка личности. Осознание себя полноправным членом сообщества предполагало наличие комплекса прав и обязанностей. Свидетельством высочайшего чувства достоинства и последовательной борьбы старожил за свои права служит «Дело о незаконном лишении прав крестьянина Алексея Степанова Коробейникова». Суть дела в том, что сельский сход с. Абаканского Абаканской волости лишил его в октябре 1887 г. права голоса на сходе сроком на три года «за распространение своим односельчанам клеветы на волостное начальство». А.С. Коробейников не смирился с тем, что его «устранили от всякого участия в общественных делах и совещаниях и нанесли безвинное оскорбление».

Он обратился с жалобой к Енисейскому губернатору, но из-за негативной характеристики волостного правления получил отказ. Тогда абаканский крестьянин написал обстоятельную жалобу в Санкт-Петербург, в Правительствующий Сенат: «Во всех делах, полезных обществу, волостное правление прибегало ко мне как к полезному члену своему, а не к таковому вредному, как охарактеризован я в приговоре по инициативе бывшего волостного старшины... который смотрел на подобных мне людей, охраняющих общественный интерес, как на камень при достижении своих эгоисти-

ческих целей». В конечном итоге справедливость восторжествовала; 14 июля 1889 г. Правительствующий Сенат «постановляет решение Енисейского Губернского Совета отменить», виновных строго наказать и «считает подобную практику... недопустимой». Мы видим, что в обостренном чувстве собственного достоинства в ментальности старожил явно выделяется негативная реакция на малейшее покушение на достоинство личности, готовность пройти многочисленные судебные разбирательства «за обиды, оскорбления», за восстановление чести и достоинства.

Публицист Н.М. Ядринцев свидетельствовал: «Сибирский крестьянин... ведет себя непринужденно и развязно... чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол...». Рапорты сельских старшин непременно завершались выражением, отнюдь не являвшимся формальным: «...о чем волостному правлению честь имею донести». «Простой народ казался мне гораздо свободнее, смысленнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими».

Одновременно наблюдается странная позиция «униженности, угодливости, стремления откупиться». Как это сопоставить с уважением себя? Во всех ситуациях подобного рода присутствуют конфликты с чиновниками, с представителями властей. И здесь видим иной механизм выстраивания защиты. Он состоит в постоянной настороженности к «чужим», в стремлении не допустить

другого человека за некую черту. Тогда и проявляются защитные действия «униженности, угодливости, стремления откупиться». При этом унижение, хитрость перед «чужими» не считались у старожилов зазорными. Не случайно в словаре сибирского говора первой половины XIX в. слово «ум» означает «хитрость». Отсюда обмануть, схитрить – значит спастись от «зла».

Н.Д. Фонвизина за долгие годы проживания в Сибири сумела выделить характерные черты в ментальности старожилов. Сибиряк «ласков, добродушен, большой хлебосол, но не клади ему палец в рот – он без намерения, но откусит. Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не дасться в обман и, если можно, самому обмануть. Быть обманутым считается за стыд. Сибирская скромность, по-моему, – скрытость»; «Сибиряки весьма просмешливы. Все, что не согласно их умонастроению, понятиям, они непременно просмеивают. В сибирском обществе в высшей степени господствуют сплетни».

Наряду со свободой, личными качествами выраженного собственного достоинства человека, важнейшее место в картине мира и базиса уверенности и гордости в характере занимал свободный труд. «Мужику больше о чем думать, как не о пашне... о работе. Да за добрые труды быть словутными», – подчеркивал А.П. Щапов. Жизненную необходимость напряженного труда в страдную пору выделял этнограф А.А. Макаренко: «Рабочий день сибирских крестьян продолжается от зари до зари... около 16–18 часов в сутки,

при кратковременном отдыхе...». Труд становился в сознании и мерой оценки «праведного человека», имеющего пашню, домохозяйство. «Мертвый не без могилы, а живой не без подворья», – говорили сибиряки. Свободный труд при полном отсутствии крепостного права был следствием свободного землепользования. Полная обеспеченность пашенной землей за счет общинных 15 десятин на мужскую душу дополнялась «захватными» заимками и займищами. Весьма распространенной нормой обычного права была купля-продажа возделанной земли, объясняемая обычно-парвовым обоснованием оценивания сделки стоимостью вложенного труда на подъем пашни.

Собственность, в понимании старожила, предназначена приносить доход. Это определяло рыночный характер мышления и установок поведения сибиряка. Крестьянин-середняк с. Курагино Минусинского уезда Ф.Ф. Девятов подсчитал в 1870-х гг., что в среднем по волости при имеющихся 12 десятинах пашни на рынок идет урожай с 3 десятин ржи, 1 десятины овса, 1 десятины пшеницы.

Приоритеты личной и общественной собственности распределялись чаще всего в пользу прав личности при возникновении спорных ситуаций.

Рациональное крестьянское сознание расчетливо и скрупулезно учитывало и меру вложенного труда, и прибыль от аренды земли.

Так, истец М.П. из д. Пашенной Пинчугской волости Енисейского округа заявил в волостном суде, что «Н.Т. от него взял в арендное содержание

расчищенную пахотную землю без срока с платою за землю 1 пуда хлеба, но не подтверждает этого обязательства». Суд решил «возвратить землю истцу, который обязан получить от ответчика 1 пуд хлеба и отдать обратно за удобрение той земли ответчиком».

Суровая непредсказуемая действительность научила старожилов планировать, подсчитывать и оценивать все процессы и элементы хозяйства и быта. Подобная «детальная мелочность» связана и с подсчетами результатов полевого сезона, планирования и учета урожая. Когда «возникла конфликтная ситуация – в 1889 г. в с. Рыбном Богучанской волости лошади А.Ф. потравили хлеб В.П.», хозяин потребовал компенсации из расчета «на $\frac{3}{4}$ дес. пашни в умолоте 12 пудов по оценке 7 руб. 20 коп. за потравленный хлеб. Во время судебного заседания ответчик А.Ф. произвел собственные расчеты и признал справедливым расчеты В.П.».

Также в ситуации возмещения нанесенного ущерба крестьянскому хозяйству обращаем внимание на тщательную оценку возврата «своего». «Истец из д. Кежемской Пинчугской волости Е.К.Р. жаловался в суд, что 11 собак задавили 3 его овец. Оказалось, что владельцами одиннадцати собак были семь крестьян этой же деревни. Выборный волостной суд, оценив ущерб в 6 руб., решил взыскать с ответчиков по 54 $\frac{1}{2}$ коп. с каждой собаки: соответственно – 1,09 руб., 1,09 руб., 1,09 руб., 54,5 коп, 54,5 коп, 1,09 руб, 54,5 коп.».

Традиционное российское неприятие «стяжательства», «скопидомства», богатства в менталь-

ной «картине мира» изменило свою полярность. Бытовавшее в этническом сознании отрицательное отношение к зажиточности меняется; богатство становится мерой «угодности Богу». Соответственно, в «картине мира» богатым представлял тот, кто «сытой мужик, полномочный, живет словутно» (достойно); середняк, «средней руки крестьянин», тот, кто «можно живет, ладно, сытно и словутно». Положительная оценка зажиточности – «живет словутно» – отражала ментальную оценку основной массы старожильского населения. Подобное место зажиточности в картине мира сибиряков еще в начале XIX в. определил губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, писавший, что хозяйства, в которых «до трех лошадей, – относят здесь к бедноте».

Стремление к зажиточности большинством современников часто воспринималось как негативная привычка сибиряка к «корысти, приобретению, наживе». Историк Л.М. Сабурова приводит высказывание ангарского старожила: «Я доможирничал, на прииска не ходил». Слово «жир» в словаре приенисейских сибиряков означало «довольство, богатство». «Жировать» – значить жить в довольстве, зажиточно. В данном случае «доможирничал» – приобретал высокие доходы своим хозяйством (домом) и, соответственно, жил в довольствии.

«Скуп, да в сале пуп!» В данной поговорке под понятием «скупость» скрывается слово «бережливость». Скупость не порицаемое качество, это залог зажиточности, не жадность. Жадного человека

называли иным словом – «жила», «жилистый». Представления старожилов и переселенцев из Европейской России оказались в противоречии, поэтому вполне естественным выглядит диалог, отражающий взаимное непонимание целей жизни: «К чему ты, братан, бездну копил? Ведь ты своей скупостью дьявола смешишь!» – говорит поселенец. «Я придерживаюсь батюшкиной пословицы, которую в старину баил: "Скупость не глупость, жив и так"», – отвечал старожил. Совершенно справедливо высказывание сибирского историка Е.А. Ерохиной о том, что «богатство, созданное преобразовательным трудом, – один из самых важных атрибутов социального престижа» русских крестьян-старожилов.

Однако зажиточность и довольствие не исключали хлебосольство, радушие, помощь ближнему или нищему, стремление быть «богоугодным» и милосердным. Так, в источниках постоянно отмечены факты поддержания немощных и сирот, проживание в семьях старожилов нуждающихся родственников и даже посторонних. Вот красноречивое свидетельство: «В 1890-х гг. в доме крестьянина с. Нахвальского Сухобузимской волости Фирса Григорьевича Зырянова много лет жил из милости ссыльный Галайко – 92-х лет, к труду неспособный».

Постоянное соперничество в ведении домохозяйства, землепашестве, достижении уровня жизни, повседневном поведении было довольно близко характеру граждан США, что отмечали в записках декабристы. «Каждый живет особняком»,

коллективное начало «мало развито», в борьбе за выживание в условиях соревнования-соперничества в старожилах вырабатывались «удивительная выносливость и настойчивость... необыкновенная терпимость в трудах, мужество в опасностях», – писали о сибиряках в XIX в. Сибиряк постоянно стремился выглядеть в глазах односельчан, окружающих радушным и хлебосольным хозяином, сострадающим «сирому и убогому». Отмечалось, что «нигде в России так не подают нищим, как в Сибири».

«Сибиряки... народ человеколюбивый и снисходительный, за всем тем, что они окруженные ссыльно-преступными. Нравы здешних жителей кротки, благонравны и гостеприимны: они каждого приезжающего принимают ласково, рады разделить с ними, что имеют последнее, и ладе кто из гостей в знак благодарности за такой прием будет благодарить деньгами, то сам навлечет хозяину на себя неудовольство, а деньги не примутся». Мы уже отмечали подобные меткие характеристики и у историка и сибиряка по рождению А.П. Щапова: «Сибиряк по большей части прост. У него преобладает склонность к материалистическому умствованию. Оттого он менее религиозен, чем российский человек. Ум, по его понятию, есть главным образом “хитрость”, “смышленость” в приобретении, в наживе; умственный человек на языке сибиряков значит расчетливый».

Наряду с милосердием, при выраженной соревновательности элемент «демонстрирования» высокой нравственности играл немаловажную роль.

Высокий уровень нравственности в общине зависел от уровня нравственности ее членов. «Мы избегаем порочных людей, так как лица эти полезными обществу быть не могут», – записали в своем приговоре старожилы Анциферовской волости Канского уезда. В сибирском афоризме: «Что грязно изнутри, не сделаешь чистым снаружи» – мы видим философское осмысление нравственных качеств личности, взаимосвязи материального и духовного в миропорядке старожильского населения. Таким образом, в сознании сибиряка имелись установки действий, направленные на формирование способности старожила создавать свой «чистый мир». В понятия «нравственность», «честь», «достоинство» сибирский старожил вкладывал и честность: «Обманешь в игле, не поверишь и в рубле», «Честь чести и на слово верит».

Отказавшись от «великорусского авось», сибиряк выполнял любое дело аккуратно, доброту, просчитывал результат. Во всем старался обеспечить «запас, на всякий случай». Старожилов отличали качества упорства, настойчивости, твердости духа и смелости, предприимчивости при одновременной диковатости, угрюмости, грубоватости. «На многие поступки, принципы и правила сибиряк смотрит гораздо свободнее, вольнее, смелее. Они жаждут новых впечатлений при монотонной замкнутости жизни. Часто можно видеть, как сибиряк, самый необразованный, расспрашивает о происхождении дождя, грома, землетрясения», – писал А.П. Щапов. Он отмечал, что мотивом познания для сибиряка часто выступало

любопытство, стремление узнать все о непонятном объекте или явлении – «смелая пытливая любознательность».

Данное качество имело немаловажное значение в доскональном изучении окружающего мира в целях самосохранения в процессе адаптации. О рациональной организации и уме сибиряков высказывались декабристы, когда «заставали мирские сходки и удивлялись и радовались расторопному и умному ходу дел, ясному и простому изложению мнений умных мужиков». Рациональное сознание сибиряка формировало установки выдержки, спокойствия.

Во второй половине XIX в. публицист С. Турбин отмечал: «Если великоросский крестьянин шумит, ругается, сердце сорвет протестуя, то сибиряк несравненно последовательнее. Сибиряк – разве что плюнет. Зная очень хорошо, что плетью обуха не перешибешь, он и не пытается». «Рассудок сибиряка преобладает над чувствами. Сибиряк надеется более на себя, нежели на Бога», – писали современники.

В старожильческом «обществе» приветствовались «сурьезный человек», строгий (по-сибирски «свирепый») внешний вид, спокойная речь, осуждались эмоциональная невыдержанность, быстрая речь («тараторка»), легкомысленная («взъендывающая») походка. Однако употребительным было слово не «идти», а «бежать» («Куда бежишь?», «Сбегай на пашню, посмотри...»).

Старожилов отличало рациональное мышление расчетливыми практичными категориями.

Будучи прекрасным знатоком сибирского фольклора, этнограф А. Ровинский выделил в пословицах глубокий назидательный смысл. Например, говоря «не мылися, бриться не будешь», сибиряк прямо намекает: «Не рассчитывай никогда на чужое».

Ради хозяйственной целесообразности жертвовали даже верой. Так, в 1858 г. Tobольской духовной консисторией рассматривалось дело «О пагубной привычке сельского населения Енисейской губернии работать в воскресные и праздничные дни». «Сибирский крестьянин набожен, но эта набожность особого свойства. Она в уважении обрядов, традиций нашей крестьянской истории. Чем древнее, тем подлиннее, тем истиннее», – писал крестьянин Т. Бондарев.

Таким образом, сибирский характер проявлялся в труде, быту, культуре, в периоды военных испытаний, когда сибиряки показывали себя прекрасными воинами, проявляли твердость духа в экстремальных ситуациях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: «НА СИБИРИ МЫ С БОГОМ В ДУШЕ И С СИБИРСКИМ ХАРАКТЕРОМ»

В общей динамике формирования и роста постоянного населения на землях за Уралом, особенно в первые два века освоения края, главным условием было привлечение людских ресурсов из Европейской России. Этот процесс также способствовал продвижению и воспроизводству российской культуры на востоке страны. В последующее время на первое место выходит воспроизводство потомственного старожильского населения с дополнительными «подпитками» за счет вольных переселенцев и поселенцев из числа ссыльных и каторжан. Заселение не было чисто русским по национальному составу. Уже в XVII в. колонизационный поток был представлен десятками словенных, этнических и конфессиональных групп. Среди сибирских старожилов и служилых людей были не только русские, но и украинцы, литвины, поляки, белорусы, татары, немцы, выходцы из европейских стран. Словом, сибирское население никогда не представляло единого целого ни по своему происхождению, ни по этническому составу. Однако общие условия сибирской жизни и хозяйственной деятельности постепенно стирали этнические перегородки, превращая всех в русское старожильское население.

Местоположение Сибири на северо-востоке Азиатского континента, природные факторы и ресурсы,

культурно-исторические традиции коренного населения края и сопредельных территорий не могли не определить специфику русского заселения региона. Становление человека с определенными духовно-нравственными ценностями, социально-психологической ментальностью и характером происходило на перекрестке великих цивилизаций Запада и Востока. В духовный мир сибиряка органично вплетались образы и традиции восточного мира. Несмотря на то что сибиряк имел смутное представление о многообразии духовно-нравственных ценностей и образов Востока, на бытовом уровне они в той или иной степени проникали в его ценности и культуру. С другой стороны, Сибирь в значительной мере являлась проводником европейской и собственно российской культуры и экономических связей в сопредельные страны. Уже в XVII в. обширные территории тихоокеанского и американского севера были включены в зону воздействия российского капитала, а позднее и в зону политического влияния Российской империи.

Отметим, что формирование Азиатской России содействовало не только оформлению географических и политических границ Сибири, но и возникновению особой социокультурной и экономической среды, зачастую выходящей за пределы сибирского пространства. Здесь, на восточных рубежах России, значительную роль играли ассимиляционные процессы, и прежде всего в культурно-бытовой среде. Именно взаимодействие Востока и Запада обусловило формирование психологических и культурных характеристик сибирского населения.

Носителями формирующегося образа Сибири были, с одной стороны, путешественники и ученые, возвращавшиеся в Россию из экспедиций, с другой – элита российского общества, чьи представления также оказывали существенное влияние на восприятие Сибири. Эти два взаимосвязанных процесса привели к тому, что Сибирь стала неотъемлемой частью Российской империи – прежде всего, ментально. Русское общество стало рассматривать Сибирь как «наше». Это понятие, глубоко укоренившееся в русском сознании, является ключевым как для уяснения сути Российской империи, так и для характеристики окраин, в особенности казачьих и сибирских. Происходящее из старославянского притяжательное местоимение «наше» глубоко укоренилось и в русском православии – источнике понятия «соборность», которое описывает приоритет коллектива.

Со второй половины XIX в. Сибирь переживает бурный подъем общественной и культурной жизни. Растет самосознание народа, ширится движение по изучению и культурному обустройству края. По всей Сибири, в том числе в Енисейской губернии, силами энтузиастов-краеведов создаются музеи. Так, в 1883 г. был открыт Енисейский, в 1887-м – Минусинский, в 1889-м – Красноярский краеведческий музей.

О резко усилившейся тяге сибиряков к просвещению свидетельствует тот факт, что если к началу XX в. в Петербурге один ученик приходился на 63 человека, в Москве – на 57, в Харькове – на 131, то в Томске и Красноярске – на 26 человек. К 1917 г.

в Сибирском крае действовали четыре высших учебных заведения, велась работа по открытию пятого вуза, но и это не удовлетворяло быстро растущие потребности в высококвалифицированных кадрах.

На этом позитивном фоне удручают последствия братоубийственных конфликтов после 1917 г., отбросивших экономику и духовную культуру Сибири на десятилетия назад. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны было разделено на «красных» и «белых». Очень трудно оценить, кто из них был прав, а кто нет, – в этом и кроется глубокий смысл понимания гражданской войны. Хватили лиха и те и другие. Хозяйства были разорены, многие ушли в город «за лучшей судьбой».

С началом разумной для крестьян новой экономической политики (НЭПа) сибирская деревня обрела спокойствие и пережила непродолжительный, но бурный подъем 1920-х гг. Возрождаются основные традиции общинной жизни, развивается культура в сельской местности, ширится движение за полную грамотность населения. Крестьяне активно втягиваются в рыночные отношения. Развивается кооперация, возникают добровольные товарищества по обработке земли, коммуны. Но наиболее быстро идут процессы развития крепких единоличных хозяйств. Глобальные преобразования в жизни сибиряков связаны с развитием промышленности.

«Русская Сибирь» органично вписалась в социалистические преобразования «Советской Сибири», в страшные, но победоносные события Великой Отечественной войны. В послевоенные годы,

в годы великих сибирскихстроек, новых и новых достижений в экономике и социокультурном развитии второй половины XX в. и постсоветского времени Советский Союз, Российская Федерация продолжают «прирастать Сибирью».

Однако высшее достижение в более чем четырехсотлетней истории Сибири в составе России – превращение трудом десятка поколений сибиряков бескрайнего таежно-степного пространства в окультуренный духовно богатый регион. Равноценным итогом процессов адаптации и социокультурного развития многих поколений полиэтнического населения Сибирского региона является формирование субэтнуса старожилов в единстве с автохтонными этносами в составе более широкого азиатско-российского суперэтнуса Сибири и Дальнего Востока.

Ведущий ученый-сибиревед в изучении освоения Приенисейского края в XVII–XVIII вв. красноярский историк Г.Ф. Быконя глубоко проанализировал на источниках ментальность и поведение первых красноярцев. Он признал, что им «более всего были присущи мужество, стойкость, развитое чувство товарищества и собственного достоинства, непокорность, несдержанность в гневе, легкое отношение к имуществу, свободное отношение к женщине». В данном комплексе все без исключения черты полностью противоположны обычным жителям Европейской России того времени, в первую очередь крепостным крестьянам. Несомненно, это и есть зримый результат материальной, социальной и психологической адаптации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

А. ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные источники

Государственный архив Красноярского края

Фонд 344. Балахтинское волостное правление (1808–1916) Опись 1. Дела 9, 10, 51, 102, 133, 179, 188, 204, 211, 238, 242, 291, 450, 457, 484, 486, 505, 529, 530, 557, 559, 564, 591, 603, 605, 671, 845, 849, 871, 872.

Фонд 546. Сухобузимское волостное правление (1830–1917.) Опись 1. Дела 9, 17, 33, 37, 57, 280, 298, 338, 364, 408, 411, 547, 639, 995.

Фонд 595. Енисейское губернское управление МВД (1823–1919). Опись 28. Дела 2, 31, 46, 47, 53, 60, 73, 262, 331, 450, 480, 530, 750, 1157, 1172. Опись 39. Дела: 165, 169, 170, 177, 183, 221, 225, 620, 623, 625, 688, 733. Опись 46. Дела: 15, 18, 29, 53, 59, 124. Опись 53. Дела: 298, 484, 530, 578.

Фонд 608. Новоселовское волостное правление (1802–1902). Опись 1. Дела 50, 1375, 1379, 1391, 3930, 3938, 3968, 3984.

Фонд 609. Заледеевское волостное правление (1806–1916). Опись 1. Дела 49, 70, 100, 128, 159, 369, 384, 399, 403, 424, 455, 457, 461, 530, 626, 631, 677, 694, 745, 754, 791, 860, 862, 877, 923, 1053, 1081, 1178, 1257, 1262, 1348, 1663, 2844, 2847, 2849, 2854, 2978, 2979, 3611, 3626, 3661, 3663.

Фонд 244. Александровское волостное правление (1854–1919). Опись 1. Дела 34, 87, 269.

Фонд 247. Шалинское волостное правление (1896–1921). Опись 2., Дела 112, 324.

Фонд 284. Чалбышевская Знаменская церковь (Енисейский уезд). Опись 2. Дела 29, 187, 319.

Фонд 793. Личный фонд А.А. Савельева. Опись 1. Дела 2, 20, 28.

Архив Красноярского краеведческого музея

Отдельный фонд 7886/9. Личный фонд А.А. Савельева.

Отдельный фонд 7886/108, 110, 112, 113. Материалы М.В. Красноженовой.

Отдельный фонд 7886/231. Парфентьев И.Ф. (1781–1892) «Воспоминания».

Опубликованные источники

1. Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. – М., 1837. – 156 с.
2. Арефьев В. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. Иркутск, 1900. – Вып. 1. – С. 1–32.
3. Арефьев В.А. В низовьях Ангары (Продолжение) // Сибирский сборник. Иркутск, 1901. – Вып. 1. – С. 88–116.
4. Басаргин Н.В. Записки. – Красноярск, 1985. – 302 с.
5. Белецкий П. Забайкальские раскольники // Сибирский сборник. – Иркутск, 1901. – Вып. 1. – С. 81–88.
6. Беляев А.П. Из воспоминаний декабриста о пережитом и пережитом // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – М., 1980. – Т. 2. – С. 178–254.
7. Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. – Иркутск, 1915. – Кн. 3. – С. 97–131.
8. XVIII век: исторический сб. – М., 1869. – Кн. 1. – 516 с.
9. Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. – М., 1902. – 236 с.

10. Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. – Красноярск, 1981. – 277 с.
11. Город у Красного Яра (Документы и материалы. Первая половина XIX.) – Красноярск, 1989. – 290 с.
12. Дуров А.В. Краткий очерк колонизации Сибири. – Томск, 1891. – 172 с.
13. Капустин С.П. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. – Спб., 1885.
14. Кауфман А.А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. – 1891. – С. 12–46.
15. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – Спб., 1905. – 460 с.
16. Костров Н. Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки Сибирского отдела РГО. – Спб., 1858. – Кн. 5. – С. 26–38.
17. Красножёнова М.В. Ребенок в крестьянском быту. Семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX – первой трети XX вв. / предисл., состав. и ред. В.М. Зверев. – Новосибирск, 1998. – 57 с.
18. Красткое описание приходов Енисейской епархии. – Красноярск, 1917. – 244 с.
19. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. – Спб., 1865. – Т. 1. – 378 с.
20. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. – Спб., 1865. – Т. 2. – 256 с.
21. Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии. – Спб., 1890. – 75 с.
22. Литературный сборник. Издание ред. «Восточного обозрения». – Спб., 1885. – 484 с.
23. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – Спб., 2000. – 310 с.

24. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. – СПб., 1913. – 281 с.
25. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. – Иркутск, 1890. – Т. II, вып. 3. – 295 с.
26. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Иркутск, 1892. – Т. II, вып. 5–6. – 406 с.
27. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Иркутск, 1894. – Т. IV, вып. 1. – 176 с.
28. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Иркутск, 1893. – Т. IV, вып. 3. – 227 с.
29. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Иркутск, 1893. – Т. IV, вып. 5–6. – 424 с.
30. Л.У.Б. Наши деревенские будни // Сибирский сборник. – Иркутск, 1900. – Вып. 1. С. 123–138.
31. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. – Красноярск, 1863. – 350 с.
32. Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении // Записки Сибирского отдела РГО. – 1858. – Кн. 1. – С. 165–122.
33. Пестов Н. Заметки об Енисейской губернии Восточной Сибири. – 1833. – 270 с.
34. Потанин Г.Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1986. – Т. 7. – С. 207–210.

35. Ровинский Н.А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия Сиб. отдела ИРГО. – Иркутск, 1873. – Т. IV, кн. 1. – С. 19.
36. Семилужский (Н. Ядринцев). На чужой стороне // Литературный сборник. Изд-во ред. «Восточного обозрения». СПб, 1885. – С. 202–203.
37. Скорняков Н.В. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. – Томск, 1902. – Кн. 1–2. – С. 3.
38. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886. – Кн. 1-2. – 671 с.
39. Степанов А.П. Енисейская губерния. – СПб., 1835. – Ч. 1–2. – 286 с.
40. Турбин С. и Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. – СПб., 1872. – 227 с.
41. Турбин С. Сибирь. Краткое землеописание. – СПб., 1871. – 189 с.
42. Фонвизина Н.Д. Письма 1839–1859 гг. // Литературный сборник... – СПб., 1885. – С. 207–249.
43. Чехов А.П. Из Сибири. Собр. соч.: в 12 т. – М., 1985. – Т. 11. – 415 с.
44. Щапов А.П. Собрание сочинений. – Иркутск, 1937. – Т. 3. – 214 с.
45. Щапов А.П. Собрание сочинений. – Иркутск, 1937. – Доп. т. – 298 с.
46. Щукин Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. – 1869. – Т. 2. – С. 380–421.
47. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1892. – 720 с.
48. Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформа в Сибири // Вестник Европы. 1976. – № 5. – С. 74–132.

Б. ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII в. (Енисейский край). – М., 1964. – 220 с.
2. Андюсев Б.Е. Традиционное сознание крестьян – старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции: монография. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 247 с.
3. Белоусова Г.Г. Хрестоматия старожильческих говоров Приангарья. – Красноярск, 1996. – 75 с.
4. Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1986. – 254 с.
5. Болонев Ф.Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, традиции, обряды. – Новосибирск, 1988. – С. 16–38.
6. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. – М., 1988.
7. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – 418 с.
8. Буганов А.В. Исторические представления русских крестьян и развитие национального самосознания: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 23 с.
9. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – 248 с.
10. Быт и культура русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1971. – С. 131.
11. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). – Новосибирск, 1975. – 276 с.
12. Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. – 1984. № 5. – С. 52–77.

13. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М., 1991. – 425 с.
14. Громыко М.М. Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII – первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. – Новосибирск, 1975. – С. 100–133.
15. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск, 1975. – 180 с.
16. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20–48.
17. Зверев А.В. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири. – Новосибирск, 1985. – 160 с.
18. Зверев В.А. Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1991. – С. 63–81.
19. Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). – Новосибирск, 1985. – 161 с.
20. История Сибири. – Л., 1968. – Т. 2. – 524 с.
21. История Сибири. – Л., 1968. – Т. 3. – 535 с.
22. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. – Ч. 1. – М., 1987. – Т. 1: Курс русской истории. – 430 с.
23. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. – Омск, 1973. – 232 с.
24. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – нач. XIX вв. – Новосибирск, 1974. – 198 с.
25. Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1977. – 285 с.
26. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982. – 502 с.

27. Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начало XX в. – Новосибирск, 1985. – 192 с.
28. Липинская В.А. Местные особенности традиционных поселений, жилища, хозяйственных строений // Русские народные традиции и современность. – М.: Наука, 1995. – С. 174–206.
29. Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 445.
30. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 22 с.
31. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 32–65.
32. Миненко Н.А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск, 1989. – 192 с.
33. Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. – М.: Наука, 1991. – 222 с.
34. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1991. – 247 с.
35. Поршнев Б.Ф. История и психология. – М., 1971. – 218 с.
36. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
37. Русские Сибири: культура, традиции. Обряды. – Новосибирск, 1998. – 207 с.
38. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. – М., 1973.
39. Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М.: 1973;

40. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 790 с.
41. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1984. – 606 с.
42. Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX–XX вв.). – Л., 1967.
43. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / под ред. Г.Г. Белоусовой – Красноярск, 1992. – 120 с.
44. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962. – 562 с.
45. Так в Сибири говорят: пословицы и поговорки народов Сибири. – Красноярск, 1964. – 128 с.
46. Тульцева Л.А. Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности // Русские народные традиции и современность. – М.: Наука, 1995. – С. 283–299.
47. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966. – 472 с.
48. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки. – М. 1986. – 168 с.
49. Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – сер. XIX в. – М., 1981. – 270 с.
50. Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации. – М.; Воронеж, 1998.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Сибирь и сибиряки	8
1.1. На перекрестке цивилизаций	8
1.2. «Русская Сибирь» в новых качествах свершений, потерь и достижений.....	13
1.3. «Русская Сибирь» и сибиряки как исторический Феномен.....	21
Глава 2. Историография исследования истории и культуры русских старожилов Сибири	31
2.1. Антропологические и историко-этнографические исследования XIX в.	31
2.2. Исследования этнографов и психологов второй половины XIX в.....	44
2.3. Степень изученности вопроса в трудах ученых XX – начала XXI в.....	49
Глава 3. Субэтнос русских старожилов и факторы адаптации человека в Сибири	62
3.1. Гипотеза научного исследования	62
3.2. Взаимная системная адаптация русских сибиряков и факторов Сибири.....	69
3.3. Духовно-нравственный образ сибирского старожила в работах XIX в.	98
3.4. Субэтнос русских старожилов Сибири	113
Глава 4. Социум русских старожилов Сибири	118
4.1. Русские поселения Сибири.....	118
4.2. Духовно-нравственные традиции общины русских старожилов.....	129
4.3. Факторы духовно-нравственной социализации молодежи в «общество»	155
Глава 5. Сибирский субэтнический характер	186
5.1. Православная духовность в истоках и чертах сибирского характера	186
5.2. Языческие установки «добра и зла» в духовности и характере русских сибиряков.....	192
5.3. Сибирский характер как ядро нравственно-духовного образа русских старожилов.....	209
Заключение: «На Сибири мы с Богом в душе и с сибирским характером».....	225
Источники и литература.....	230

Научное издание

Николай Иванович Дроздов
Борис Ермолаевич Андюсев

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОРТРЕТ
РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Монография

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *Ж.В. Козупица*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

Подписано в печать 01.07.22. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 15,0. Бумага офсетная.
Тираж 180 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии